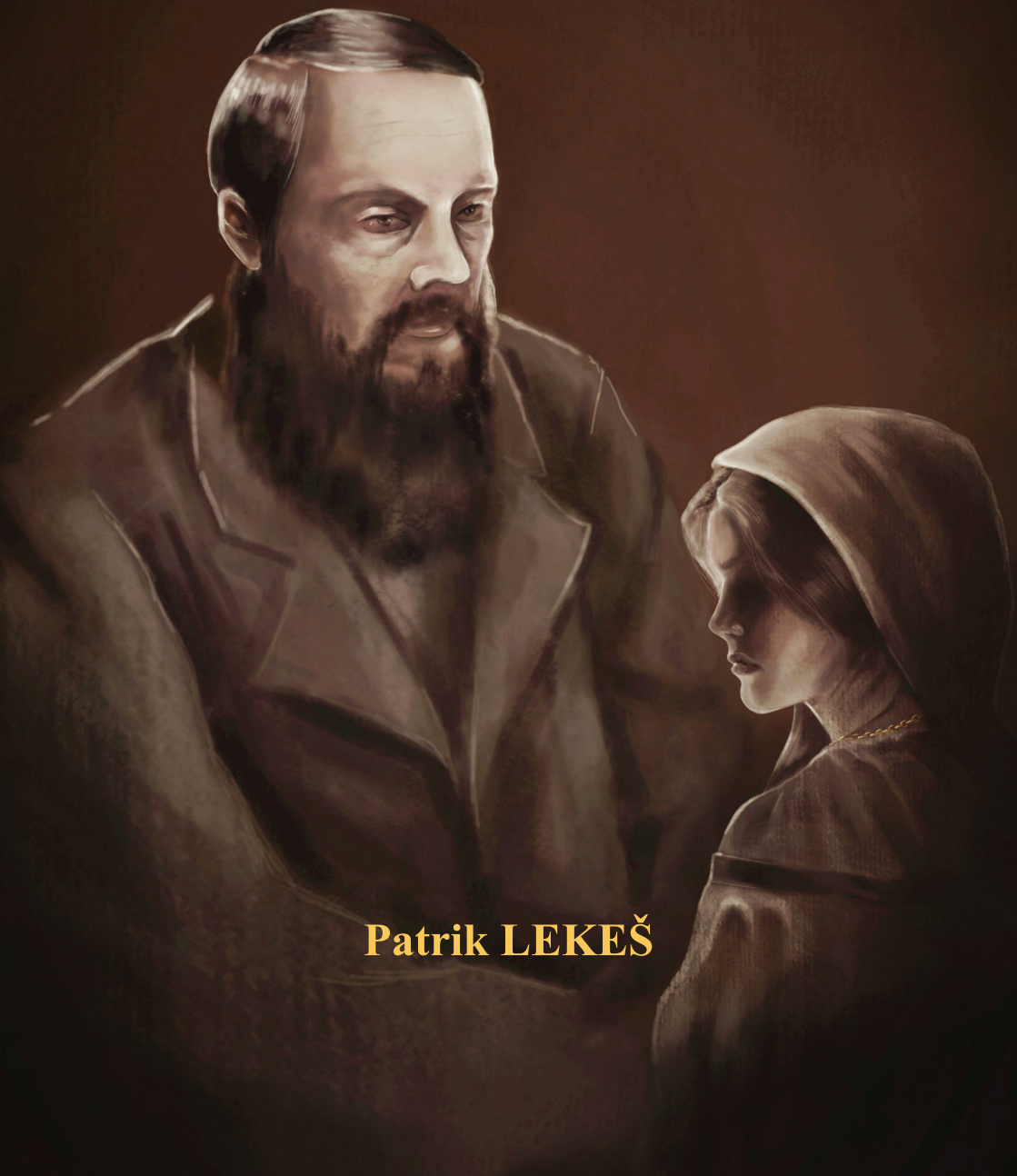

**Внутренний мир литературных героинь
Ф.М. Достоевского:
на стыке литературы и психологии**

Patrik LEKEŠ

**Внутренний мир
литературных героинь
Ф.М. Достоевского:
на стыке литературы
и психологии**

Patrik Lekeš

**Внутренний мир литературных
героинь Ф.М. Достоевского:
на стыке литературы и психологии**

Vydavatelství
Univerzity
Palackého

Autor: Mgr. Patrik Lekeš, PhD.

Recenzenti:

prof. UAM dr. hab. Wawrzyniec Popiel-Machnicki

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Rzeczpospolita Polska

PhDr. Kvetoslava Kotrbová, PhD., MPH

PRO SKIZP – Združenie na podporu rozvoja Slovenskej komory iných
zdravotníckych pracovníkov, o. z., Slovenská republika

Zodpovedná redaktorka: Hata Kreisinger Komňacká

Technická a grafická redakcia: Miloš Rybanský

Ilustrácie na obálke: Daria Müllerová

Jazyková redakcia (ruský a anglický jazyk): Mgr. Ekaterina Matiushenko, PhD.

Jazyková redakcia (slovenský jazyk): PhDr. Dominik Vančo, PhD.

Vydanie monografie bolo finančne podporené grantom UGA: Metodologické
výzvy literárnej vedy: od interdisciplinarity k transdisciplinarite (UKF v Nitre)
a Katedrou slovanských filológií FF UKF v Nitre, Slovenská republika.

Vydala a vytiskla Univerzita Palackého v Olomouci,

Křížkovského 8, 779 00 Olomouc

vydavatelstvi.upol.cz

vupshop.cz

vup@upol.cz

1. vydání

© Patrik Lekeš, 2025

© Univerzita Palackého v Olomouci, 2025

<https://doi.org/10.5507/10.5507/vup.25.24468112>

ISBN 978-80-244-6811-2 (print)

ISBN 978-80-244-6812-9 (online: iPDF)

VUP 2025/435 a 437

Neprodejná publikace

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия

<i>Литература – Ф.М. Достоевский – психология</i>	7
---	---

Женские персонажи в русской литературе

XIX века (постановка вопроса)	14
-------------------------------------	----

<i>Женские образы в творчестве Ф.М. Достоевского</i>	19
--	----

На стыке литературы и психологии	25
--	----

<i>Человек – предмет исследований на пересечении гуманитарных наук</i> ..	26
---	----

<i>Между литературой и психологией: несколько научных замечаний</i>	34
---	----

<i>Психология персонажей Ф.М. Достоевского</i>	41
--	----

Психо(пато)логия женских персонажей

Ф.М. Достоевского	49
-------------------------	----

<i>Катерина – жертва травмы («Хозяйка»)</i>	52
---	----

<i>Неточка Незванова – жертва токсичного отношения</i>	66
--	----

<i>Антонида Васильевна – жертва азартных игр («Игрок»)</i>	87
--	----

<i>Кроткая – жертва самоубийства</i>	96
--	----

Вместо заключения

<i>Ф.М. Достоевский как мастер писатель-психолог</i>	112
--	-----

Resumé

Vnútorné svety Dostojevského literárnych hrdiniek:

<i>na rozhraní literatúry a psychológie</i>	123
---	-----

Resumé

The inner world of Dostoevsky's literary heroines:

<i>on the frontier between literature and psychology</i>	131
--	-----

Список литературы	139
-------------------------	-----

Некоторые принципы оформления текста	161
--	-----

Именной указатель	162
-------------------------	-----

Вместо предисловия Литература – Ф.М. Достоевский – психология

*Человек есть тайна.
Её надо разгадать, и ежели будешь
её разгадывать всю жизнь, то не говори,
что потерял время; я занимаюсь этой тайной,
ибо хочу быть человеком.*

Ф.М. Достоевский

Настоящая книга является результатом многолетнего интереса автора к русской литературе и мастерству Ф.М. Достоевского. Предпосылкой для написания монографии было несколько – изучение русского языка и литературы в сочетании с психологией в университете, многолетнее систематическое исследование творчества Достоевского, личный интерес к произведениям писателя и их психологической глубине. Социально-патологические явления, человеческая психика, обратная сторона человека и общества – это темы, которые беспокоят не только меня как автора, но и профессиональную публику, а также привлекают внимание широкой общественности. Литература дает нам возможность взглянуть на проблематику с другой стороны и приближает нас к восприятию сложности человеческой жизни. Поэтому я считаю важным показать через художественный текст психологические явления, которые с необычайной точностью описал Ф.М. Достоевский.

Размышляя над психологией творчества Достоевского, я понял, что эта тема до сих пор не была всесторонне проработана, особенно если говорить о женских образах, которые, согласно некоторым научным предположениям, не являются для Достоевского первостепенными (напр., см. в работах Бердяева). В ходе нашего исследования были показаны возможности рассмотрения женских персонажей на примере четырех героинь произведений Ф.М. Достоевского.

В основе нашей работы лежит дедуктивный подход, который определяет следующую структуру монографии:

1. В первой главе рассматриваются женские образы в русской литературе, прежде всего на примере произведений XIX века.

2. Вторая глава посвящена междисциплинарным парадигмам – антропологической и психологической: раскрывается тема литературного персонажа как объекта научного исследования, обозначаются точки соприкосновения литературы и психологии, а также намечаются исходные точки анализа психологической глубины творчества Достоевского.

3. В третьей главе представлен психологический анализ четырех литературных героинь из произведений Ф.М. Достоевского: Катерины («Хозяйка», 1847), Неточки Незвановой («Неточка Незванова», 1849), Антонида Васильевны («Игрок», 1866) и Кроткой («Кроткая», 1876).

Учёные не раз обращали внимание на связь искусства и психологии. Нельзя не согласиться со словами Л.С. Выготского, специалиста по психологии искусства¹: «Искусствоведение все сильнее ощущает необходимость основывать свои интерпретации на психологии»² (Здесь и далее перевод наш – П.Л.). Стоит отметить, что традиционно психологические исследования искусства развивались в двух направлениях: можно выделить «психологию» художника и «психологию» реципиента. Однако, Л.С. Выготский в работе, посвященной психологии искусства, указывает на несовершенство обоих подходов³, а для Мюллер-Фрейенфельса⁴, являющегося приверженцем инновационных подходов, принципиальное значение имеет не «психология» реципиента или автора, а само произведение.⁵

Пересечения отдельных наук требуют выработки собственного

¹ Об истории этой науки см. напр.: KULKA, J. (2008). *Psychologie umění*, s. 31 – 38.

² VYGOTSKIJ, L. S. (1981). *Psychologie umění*, s. 9.

³ Там же, s. 27.

⁴ Его вклад трудно переоценить, так как его подход к рассмотрению психологии искусства на протяжении многих лет не имел себе равных (См.: KULKA, J. (2008). *Psychologie umění*, s. 32).

⁵ См.: MÜLLER-FREIENFELS, R. (1922). *Psychologie der Kunst*. Leipzig-Berlin: B.G. Teubner-Verlag.

терминологического аппарата. По словам чешского ученого, клинического психолога Йозефа Вивега, биографический, социологический или психологический подходы открывают в литературоведении пространство для более широкого понимания литературы и ее функций в жизни человека.⁶ Вьера Гажова, в свою очередь, подчёркивает то, что преодоление границ и определенные заимствования тем, процессов и методов являются неотъемлемой составляющей современных научных исследований: часто происходит девальвация таких подходов, что является подтверждением необходимости проведения разнообразных междисциплинарных исследований.⁷

Нам представляется важным дать определение подходам, применяемым в нашем исследовании – интердисциплинарному, мультидисциплинарному и трансдисциплинарному. Под мультидисциплинарным подходом мы понимаем рассмотрение одной проблемы с нескольких точек зрения, под интердисциплинарным – применение методов одной дисциплины в исследованиях другой области, под трансдисциплинарным – создание нового подхода, новой методологической базы и, следовательно, новой дисциплины, что в свою очередь может привести к становлению новой дисциплины путём соединения двух (или нескольких) других научных направлений.⁸ Вивег подчёркивает: «Комплексный междисциплинарный подход следует рассматривать не как временную моду, а как фундаментальную трансформацию науки, которая становится все более открытой в своих областях»⁹. Подход, который используется в данной монографии, можно охарактеризовать как промежуточный между интердисциплинарным и трансдисциплинарным.

Творчество Фёдора Михайловича Достоевского представляет собой одно из самых сложных и психологически глубоких

⁶ VIEWEGH, J. (1996). *Sebevražda a literatura*, s. 115.

⁷ См.: GAŽOVÁ, V. (2009). Interdisciplinarita, transdisciplinarita, paradisciplinarita. In: *Interdisciplinarita, transdisciplinarita v spoločenskovednom výskume*, s. 5.

⁸ См. тоже: DLOUHÁ, J. – MOLDAN, B. (2007). Inter-, multi-, transdisciplinarita – vymezení pojmů. In *Envigogika*.

⁹ VIEWEGH, J. (1999). *Psychologie umělecké literatury*, s. 209.

в мировой литературе. В его романах переплетаются философия, религия, мораль и человеческая психика – именно эта взаимосвязь делает персонажей его произведений уникальным предметом междисциплинарных исследований. В то время как мужские персонажи Достоевского (например, Раскольников, Иван Карамазов или Ставрогин) часто становятся объектом глубокого философско-психологического анализа, героини остаются на «периферии» интерпретаций, даже несмотря на многословность и трагичность их внутреннего мира. Стоит отметить, что до сих пор не существует однозначной, общепринятой типологии женских персонажей. Хотя к проблематике женских образов неоднократно обращались и литературная критика конца XIX века – начала XX века (Н.А. Бердяев, А.А. Григорьев и т. д.), и современное литературоведение (Эшонкулов, Лу и Нури, Шурупова и т. п.), до сих пор не сформирована устойчивая теоретико-методологическая база. В связи с этим закономерен вопрос: «Почему типология женских образов недостаточно проработана и почему подобные классификации встречаются только в отдельных исследованиях?»

Целью данного исследования является рассмотрение психопатологии героинь в произведениях Ф.М. Достоевского с применением междисциплинарного подхода, который объединяет знания в области литературоведения, клинической психологии, психопатологии и психологии личности. Изучение женских образов, таких как Настасья Филипповна из «Идиота», Грушенька из «Братьев Карамазовых» и Лизавета из «Преступления и наказания», позволяет раскрыть не только их индивидуальную психодинамику, но и существовавшие в то время социальные конструкты женственности, страдания, вины и жертвенности, оказавшие влияние на их существование и внутренний разлад. Однако основное внимание в настоящей работе уделено Катерине, Неточке Незвановой, Антониде Васильевне и Кроткой.

Женские персонажи Достоевского выступают симптоматическими носителями одновременно культурных и психологических конфликтов XIX века, воплощая крайние полюса святости и «безумия», самопожертвования и саморазрушения. В связи с этим

в нашей монографии особое внимание уделяется психическим расстройствам, эмоциональным травмам и патологическим моделям поведения у женских героинь. Междисциплинарный подход позволяет выйти за рамки традиционного литературного анализа и рассмотреть текст как сложный дискурс, раскрывающий природу человеческой психики и отражающий как исторически обусловленные, так и вневременные аспекты человеческого – женского – страдания.

Таким образом, целью монографии является не только рассмотрение отдельных персонажей, но и переоценка их роли в психологической и литературной вселенной Достоевского. Это открывает пространство для новых интерпретаций, которые воспринимают женские образы не только как литературных персонажей, но и как носителей глубоких психологических и экзистенциальных смыслов, сохраняющих свою актуальность в современной культуре и обществе.

В нашем исследовании мы опираемся на работы литературоведов (Попьел-Махницкого, Поспишила, Догнала, Каутмана и др.), а в особенности достоевствоведов (Червеняка, Касаткиной, Муранской, Одегнатовой и др.), чтобы понять историко-литературный контекст творчества Достоевского и разнообразие существующих интерпретаций. С другой стороны, психология и психиатрия закладывают основу для сравнительного анализа персонажей. Однако, стоит признать, что «психология литературы» остается периферийным направлением исследования в психологических науках. В связи с этим, наша работа основана не только на достижениях психологии литературы, но и на продуктивности междисциплинарного подхода, применяемого для углубленного анализа художественного текста.

В работе используются методы идентификации, описания, абстракции, классификации, анализа, компаративного анализа и синтеза. Исследование поэтапно решает три задачи. Первая – синхронический анализ современного состояния проблемы и исходных положений современной психологической науки. Вторая – выявление (с помощью метода психологического

анализа) и интерпретация ключевых компонентов и мотивов в тексте, которые соотносятся с конкретными теориями и отраслями научных исследований (эстетико-антропологической концепцией, психологией личности и т. д.). В заключении подводятся и систематизируются результаты исследования.

В ходе анализа выбранные тексты рассматриваются с точки зрения психологии – этим обусловлен выбор психологического анализа (т.е. интерпретации текста с прямым использованием знаний из области психологии) в качестве основного метода нашего исследования (под термином «метод» мы понимаем «способ достижения поставленной цели»¹⁰). При этом, в основу нашего исследования также положена эстетико-антропологическая концепция искусства и литературы¹¹ – в этом отношении мы подходим к истокам антропологической концепции литературоведения¹² и культурной антропологии¹³, которые были созданы и разработаны проф. А. Червенияком.

Важно подчеркнуть, что в творчестве Достоевского сочетаются

¹⁰ KOSTINCOVÁ, J. – POSPÍŠIL, I. (2021). *Основы литературоведения*, с. 15; ДОГНАЛ, Й. (ред.). (2023). *Разработка цифровых методико-дидактических рекомендаций и учебных материалов для докторантов в области «твердых навыков»*, с. 358

¹¹ А. Червенияк определяет несколько основных теоретических исходных положений своей концепции. Литературоведение анализирует художественную литературу в парадигме: «А (автор) – П (произведение) – Р (реципиент)». В прошлом акцент делался либо на авторе, либо на произведении, либо на читателе, и ни одна концепция или наука не анализировала совокупность этих трех компонентов. Только эстетико-антропологическая концепция приходит к выводу, что в основе «создания и восприятия субъекта – предмета – объекта искусства и литературы является человек». В данной интерпретации затрагиваются все аспекты – само произведение, его творец и проекция. Проф. Червенияк выделяет человека как основную проблему в своей концепции. Он утверждает, что «ЧЕЛОВЕК КАК ПРОБЛЕМА с точки зрения эстетико-антропологической концепции литературы является основополагающим, поскольку составляет основу (доминанту) всей концепции». Таким образом, мы можем рассуждать о человеке как о существе на трех уровнях – духовном, социальном и природном, причем именно человек с данными параметрами духовной, природной и социальной среды является тем, кто создает произведение. Будучи творцом, он художественно создаёт человека на страницах произведения, а затем, как читатель, встречается с ним, вступая в диалог с собственным созданием. Автор концепции также наметил так называемую рабочую модель человека (во многих отношениях психологическую модель), которая исходит в первую очередь из мотивов поведения человека. (См.: ČERVENÁK, A. (2008). *Reflexie esteticko-anthropologické*, s. 45 – 46).

¹² См.: POSPÍŠIL, I. (2020). *Literatura a její přesahy (kritika, metodika, historie, teorie, metodologie)*, s. 128.

¹³ См.: KOSTINCOVÁ, J. – POSPÍŠIL, I. (2021). *Основы литературоведения*, с. 54.

художественное мастерство и научная убедительность. Писатель описывает различные явления, которыми наука начала заниматься лишь столетие спустя, поэтому мы воспринимаем его творчество как вневременной литературный артефакт и представленная монография предлагает только одну из возможных интерпретаций – психологическую.

Женские персонажи в русской литературе XIX века (постановка вопроса)

Герои литературы делаются героями жизни.

Ю.М. Лотман

Женские¹⁴ персонажи выступают в поэтических и прозаических произведениях русской литературы XIX века в разных контекстах и рассматриваются с разных точек зрения, а также их образы меняются от автора к автору. Литературные героини предстают в амбивалентных ролях гордых женщин и жертв и нередко выступают в качестве антиподов мужским героям. Создается впечатление, что в русской литературе XIX века женские образы отличаются не только художественной яркостью, но и внутренней противоречивостью. С их помощью раскрываются разнообразные стороны жизни русской женщины, ее социальный статус и место в обществе. В центре внимания писателей часто находятся «женские проблемы» и темы. В XIX веке русские писатели, руководствуясь разнообразными эстетическими принципами, создают целостные и оригинальные женские образы, часто наделяя их выразительными и притягательными чертами.

В древнерусской литературе до принятия христианства образы женщин встречались крайне редко. С крещением Руси в 988 году женские образы постепенно начинают появляться в литературных произведениях (ср. «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве»). Однако, в литературе XVIII века женские образы все еще оставались редким явлением и были лишены индивидуальности (например, «Бедная Лиза»)¹⁵. Хотя данное утверждение может

¹⁴ Кроме женских образов в литературе также важен *женский вопрос*, «остающийся самым актуальным и активно обсуждаемым последней трети XIX века», о чем пишет Вероника Еленьская – см.: JELENSKA, W. (2023). Русская женская литература XVIII–XIX веков в историко-критической перспективе. In *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Litteraria Rossica*, с. 33). Современное литературоведение при рассмотрении женских персонажей также фокусируется на изучении так называемой «лесбийской литературы» (см. SOMMER, J. (2023). *Ruská lesbická literatura počátku 21. století*. In *Slavica litteraria*).

¹⁵ ЦЗЮНЬЖУ, Б. (2016). Немного о специфике женских характеров в русской литературе XIX века. In *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, с. 127.

вызывать некоторые споры, так как в это время создаются известные оды царицам, изображаются романтические героини, поглощенные любовью к женщине и т. д. Мы в свою очередь останавливаемся только на героинях XIX века.

В литературе именно женский персонаж зачастую являет собой положительное начало. Это послужило основой для формирования устойчивого художественного и социального стереотипа: в мужском образе раскрываются типичные общественные пороки, тогда как в женском – общественно одобряемый идеал. Этот стереотип, как подчеркивает Лотман, «обладал не только активностью, но и устойчивостью: многие поколения русских женщин жили “по героиням” не только Рылеева, Пушкина, Лермонтова, но – позже – Тургенева и Некрасова»¹⁶. С другой стороны, в литературе присутствуют образы куртизанок, роковых женщин (*la femme fatale*), манипулятивных женщин (Настасья Филипповна в «Идиоте» и др.) и т. д.

Утверждения Лотмана интересны, хотя в современной науке встречаются исследования прежде всего нового поколения ученых (например, работы Эшонкулова), рассматривающие женские персонажи с точки зрения социальной критики и духовных поисков или в связи с развитием мужских персонажей. Эшонкулов показывает, что женские образы в литературе выполняют ряд функций.

1) Они позволяют авторам обнажить противоречия общества. На примере судеб Татьяны Лариной, Анны Карениной и Сони Мармеладовой показано, как на женщину воздействуют общественные нормы и нравственные устои, способствуя развитию внутренних конфликтов;

2) Они нередко становятся воплощением нравственного поиска и внутренней чистоты. Так, Соня Мармеладова помогает Раскольникову осознать его вину и найти путь к духовному обновлению;

¹⁶ ЛОТМАН, Ю. М. (1994). *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века)*, с. 64 – 65.

3) Они играют важную роль в трансформации мужских образов. К примеру, любовь Пьера Безухова к Наташе Ростовой становится ключевой составляющей его нравственного взросления и личностного роста.¹⁷

Данная классификация имеет определенные перспективы; однако, в настоящее время сложно утверждать, что она окажется впоследствии научно продуктивной.

Лу и Нури отмечают, что на протяжении последних 150 лет женский персонаж занимает ключевое место в литературе, привлекая внимание читателей, критиков и литературоведов как сточки зрения семантики, так и в контексте сюжетного анализа. В этом аспекте особенно пристальное внимание уделяется произведениям Пушкина, Тургенева, Гончарова, а также современным авторам, чьи тексты вызывают широкий общественный интерес.¹⁸ Исследователи предлагают различные подходы к интерпретации женских образов, стремясь глубже раскрыть их роль и значение в художественной структуре произведений. Так, например Н. Воронцова-Юрьева¹⁹ рассматривает образ Татьяны Лариной с точки зрения психиатрии²⁰.

В литературоведческих исследованиях также приводится гипотеза о том, что «<...> огненность есть только в русских женщинах – пушкинской Татьяне, тургеневской Асе, лермонтовской Вере, роковой, по Достоевскому, Настасье Филипповне

¹⁷ ЭШОНКУЛОВ, Ш. (2025). Женские образы в русской классической литературе XIX века. In *Development and innovations in science*, с. 10.

¹⁸ ЛУ, Ч. – НУРИ, Д. (2023). Структура женских персонажей в русской литературе XIX–XXI века. In *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, с. 8.

¹⁹ См.: ВОРОНЦОВА-ЮРЬЕВА, Н. В. (2008). Татьяна Ларина как объект психиатрии. In *Proza.ru*.

²⁰ Этот подход наиболее близок нашему. Безусловно, существует большое количество психологических или психиатрических подходов к изучению творчества русских писателей (исследования таких ученых, как Чиж, Червняк, Брегер и др., на которые мы ссылаемся в нашем исследовании). См. также: АНАНЬЕВ, Б. Г. (1997). Достоевский и психология. In: *Психология человека*. Избранное; работы психолога Елены Коржовой: Норма и патология личности в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского. In *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена* (2015), Взаимосвязь художественного и научного познания человека в творчестве Ф.М. Достоевского и А.А. Ухтомского. In *Russian Linguistic Bulletin* (2017), Уроки Ф.М. Достоевского в профессиональном становлении будущих психологов. In *Психология человека в образовании* (2021); или статью: ЛАЗАРЕНКО, Л. В. (2018). Психология персонажей Ф. Достоевского как пограничное бытие субъекта в ситуации социальной «принужденности». In *История российской психологии в лицах: Дайджест*, и т. д.

Барашковой, булгаковской инфернальной Маргарите»²¹. Вывод автора об огненности женских персонажей выглядит определенной формой культурного мифа и выражает стремление исследователя к обобщению характера русской женщины как таковой, что, на наш взгляд, является ограниченной в некоторой степени идеей. Шурупова, стараясь определить типологию героинь в текстах А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, В.В. Крестовского и А.А. Блока, пишет: «Практически во всех текстах, входящих в данное культурносистемное единство [Петербургский текст], появляется трагический, неразрешимый конфликт между героем Петербургского текста, ничем не примечательным человеком, мечтающим о личном счастье, и грозным, зловещим городом, всех жителей которого неминуемо ожидают страдания и скорби, <...> Особенно трагичными оказываются судьбы героинь сверхтекста, большинство из которых относится к двум устойчивым типам: падшей женщины, торгующей собой, чтобы заработать на кусок хлеба, и зловещей старухи»²².

Подходы ученых варьируются не только в зависимости от точки зрения, но и от самого автора и анализируемого произведения. Например, М. Фигеديوва, изучающая женские персонажи в творчестве Чехова, отмечает, что писатель сам в своих произведениях, почти все из которых носят юмористический характер (например, «Жены артистов» 1880, «Бабы» 1891, «Мои жены» 1886 и т. д.), предлагает множество характеристик и типологий женщин. Ученый обращает внимание на сосуществование героинь с их окружением и степень их принятия/непринятия в обществе.²³ Димитрук, Бухелникова, Индарт и Паирин рассматривают женских персонажей произведений Чехова, используя литературно-социологический подход. Хотя за женскими образами закрепился стереотип пассивности и одномерности,

²¹ ДУДАРЕВА, М. А. (2022). Странная Ася И.С. Тургенева: апофатика русского эроса. Культурологический анализ повести. In Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки, с. 44.

²² ШУРУПОВА, О. С. (2014). Ключевые типы героинь Петербургского текста русской литературы. In Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, с. 30.

²³ FIGEDYOVÁ, M. (2024). Zobrazenie ženských hrdiniek v dielach A. P. Čechova ako kritika spoločenského pokrytectva. In: Slavica Beliana, s. 165 – 166.

авторы доказывают, что в таких произведениях, как «Дама с собачкой», «Душечка» или «На подводе», эти героини отличаются сложностью и внутренней активностью.²⁴ Подобные наблюдения подтверждают наше предположение о том, что в современной науке отсутствует систематический подход к изучению женских образов в русской литературе. Существующие концепции носят отчасти фрагментарный характер и не подкреплены продолжительной исследовательской традицией.

1) Русская литература XIX века создает целую галерею литературных героинь – рассмотрим некоторые из них.

Татьяна Ларина – центральный персонаж романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Отличаясь скромностью, мечтательной натурой, искренностью и внутренней стойкостью, она олицетворяет собой идеал русской женщины. Писатель наделяет её чертами высокой нравственности, духовной глубины и сильного характера, создавая образ, вызывающий уважение и восхищение.

2) Анна (Ася) – главная героиня повести И.С. Тургенева «Ася» – внебрачная дочь дворянина и горничной. Молодая, эмоциональная, противоречивая и полная внутренней энергии, она представляет собой воплощение типичной «тургеневской девушки». Тургенев наделяет Асю сильным характером и способностями к глубоким переживаниям, при этом подчеркивая её внутренние страдания, вызванные её происхождением и социальной отчуждённостью. Образ Аси превосходит появление в русской литературе более ярких, независимых и даже «роковых» героинь.

3) Катя Кабанова – многогранный и противоречивый персонаж, воплощающий одновременно стремление к свободе и личному счастью и трагическую участь женщины, оказавшейся в суровых условиях семейного и общественного деспотизма. Катю можно охарактеризовать словами Н.А. Добролюбова, называющего героиню «лучом света в тёмном царстве»²⁵.

²⁴ DIMITRUK, E. – BUCHELNIKOVA, A. – INDARTI, T. – PAIRIN, U. (2025). Chekhov's 'Little Woman': Exploration of Gender Roles and Family Values in 19th Century Literary Traditions. In *Journal of Education Research*, p. 245.

²⁵ Статья публициста Николая Александровича Добролюбова, написанная в 1860 году, посвящена анализу драмы А.Н. Островского «Гроза». См. онлайн: <https://ilibrary.ru/text/1492/p.1/index.html>.

4) Анна Каренина из одноименного романа Л.Н. Толстого – многослойный и противоречивый персонаж, чья трагическая судьба делает её одной из самых ярких и запоминающихся женских образов в русской литературе. Вспомним слова Софии Толстой из ее дневников – воспоминание о том, как Толстой говорил об этой героини: «Вчера вечером он мне сказал, что ему представился тип женщины, замужней, из высшего общества, но потерявшей себя. Он говорил, что задача его сделать эту женщину только жалкой и не виноватой, и что как только ему представился этот тип, так все лица и мужские типы, представлявшиеся прежде, нашли себе место и сгруппировались вокруг этой женщины. “Теперь мне все уяснилось”, – говорил он. Давно придуманный им характер из мужиков образованного человека вчера он решил сделать управляющим»²⁶.

Как показывает краткий обзор, женские образы в русской литературе XIX века ярко отражали социальные, философские и духовные черты русской женщины. Они служили источником вдохновения для современников и до сих пор остаются неотъемлемой частью литературного наследия.

Женские образы в творчестве Ф.М. Достоевского

Женские персонажи у Достоевского на первый взгляд кажутся вторичными: они часто оказываются в тени мужских героев, чьи судьбы и внутренние переживания становятся центральными в произведениях. Однако внимательное прочтение раскрывает иную картину: именно женщины становятся моральными ориентирами, носительницами страдания и жертвенности, а также внутренней силы. Их психология – это сочетание трагизма и духовного потенциала, выражающегося в стремлении к любви, жертве, спасению – как себя, так и другого.

Косорукова и Зубкова отмечают: «<...> образы героинь Достоевского, бесспорно, составляют отдельный глубокий пласт

²⁶ ТОЛСТАЯ, С. А. (1978). *Дневники*. В двух томах. Т. 1. 1862 – 1900, с. 497.

произведений автора и отражают важнейшие его замыслы»²⁷. Ученые развивают идею о полифонии голосов в творчестве Достоевского, разработанную Бахтиным²⁸, и добавляют, что «<...> полифония голосов выражена не только в многообразии героев как таковых, но и в гендерной “зеркальности” многих типажей (когда мужскому образу соответствует или противопоставляется носитель похожей идеи в женском обличии)»²⁹. Именно из-за присущей полифонии нельзя говорить только об одной черте характера героинь или рассматривать их исключительно как положительные или отрицательные.

Героини Достоевского – это сложные и противоречивые образы женской души: «Соня Мармеладова (“Преступление и наказание”) – символ жертвенности и духовной чистоты, а Настасья Филипповна (“Идиот”) воплощает разрушительную силу страсти и трагическую судьбу»³⁰. Принимая это во внимания, Мельницкая составляет двухкатегориальную типологию женских персонажей в творчестве писателя. К первой группе относятся «инфернальницы», в которых обнаруживается столько демонизма и непредсказуемости, что их эта внутренняя сила и уничтожает (напр.: Грушенька, Настасья Филипповна, Катерина Ивановна Верховцева). Вторую группу составляют «юродивые»: с одной стороны – те, кто «безумны от рождения» (Лизавета Ивановна в «Преступлении и наказании» или Мари в «Идиоте»); с другой стороны – так называемые «добровольные юродивые» (Соня Мармеладова в «Преступлении и наказании», Софья Долгорукова в «Подростке»)³¹. Макаричева к теме юродства добавляет, что «многие женские образы отмечены чертами юродства, хотя собственно юродивых у Достоевского не

²⁷ КОСОРУКОВА, А. А. – ЗУБКОВА, У. В. (2021). Типажи «кротких» и «гордых» женских образов Ф.М. Достоевского как исследование вопроса о добродетели. In *Журнал РВДН*, с. 61.

²⁸ См.: БАХТИН, М. М. (2002). *Проблемы поэтики Достоевского*.

²⁹ КОСОРУКОВА, А. А. – ЗУБКОВА, У. В. (2021). Типажи «кротких» и «гордых» женских образов Ф.М. Достоевского как исследование вопроса о добродетели. In *Журнал РВДН. Серия: Философия*, с. 61.

³⁰ ЭШОНКУЛОВ, Ш. (2025). Женские образы в русской классической литературе XIX века. In *Development and innovations in science*, с. 10.

³¹ МЕЛЬНИЦКАЯ, Н. (2022). Человеческое и сверхчеловеческое в романах Ф.М. Достоевского: женские и детские образы. In: *Analele științifice ale USM. Seria „Lucrări studențești”*, с. 94.

так много: Лизавета Смердящая и Марья Тимофеевна Лебядкина»³².

Хафизова, обращаясь к типологии юнгианских архетипов, при анализе двух героинь романа «Идиот», отмечает: «Афродита Урания и Афродита Пандемос – две стороны одной медали под названием “красота”, так же как Ева и Лилит – две стороны одной медали под названием “женскость” – той или иной практики женского бытования»³³. Эта трактовка является попыткой осмыслить образы женщин с точки зрения их сущности.

В статье «Заметки о Достоевском» А. Балтин упоминает о А.П. Сусловой (возлюбленной Ф.М. Достоевского) как образце женских персонажей для писателя: «Аполлинария Суслова была для Достоевского вариантом Грушеньки, или Настасьи Филипповны. Он любил её дико – а она крутила им <...> Так считается, но скорее Достоевский, сознательно и непроизвольно изучая человеческие типы, расплыл и страсть свою и черты Сусловой по множеству женских образов <...>»³⁴.

А. Червенияк выделяет два типа персонажей, не забывая и про женские образы: 1) физически и психически сильные личности: Полина («Игрок»), Настасья Филипповна («Идиот»), Лиза («Бесы»), 2) физически и психически слабые типы: Неточка («Неточка Незванова»), Соня Мармеладова («Преступление и наказание»), София Андреевна («Подросток»), Кроткая («Кроткая»). Ученый справедливо замечает: «Пострадавшее сознание молодого Достоевского³⁵ отражается и резонирует в чувствительном сознании героев обеих групп»³⁶. Червенияк подошел к изучению творчества Достоевского системно и полно, поэтому типологии, суждения и наблюдения, нашедшие свое отражение в работах ученого, могут быть отнесены к числу наиболее точных.

³² МАКАРИЧЕВА, Н. А. (2011). Женские образы в творчестве Достоевского: типологические черты и «Очертания» типов. In *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, с. 86.

³³ ХАФИЗОВА Н. А. (2018). Женские архетипы в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». In *Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право*, с. 48.

³⁴ БАЛТИН, А. (2021). Заметки о Достоевском. In *Русский язык в центре Европы*, с. 36 – 37.

³⁵ Из травматических переживаний автора можно упомянуть смерть отца (1839), тяжелый финансовый кризис (1844), несостоявшуюся казнь (1849) и последующие годы в Сибири.

³⁶ ČERVENĚÁK, A. (1991). *Tajomstvo Dostojevského*, s. 17.

В «Игроке» Достоевский создает упомянутый нами ранее образ Полины – странной женщины, чья властность граничит с жестокостью, а капризность – с обаятельностью. Этот же тип личности, воплощенный еще в образах Настасьи Филипповны («Идиот») и Грушеньки («Братья Карамазовы»), представлял интерес для Достоевского, однако писатель так и не смог существенно развить этот образ за всю свою жизнь. Возможно, самый чёткий контур этого типа намечен в образе Полины, хотя он остаётся чем-то неопределенно выраженным, не сформированным в чёткую и завершённую фигуру, а также постоянно меняет очертания, растягиваясь то в одну, то в другую сторону.³⁷ В данном случае важно отметить, что Н.К. Михайловский, будучи постоянным критиком Достоевского, часто обращал внимание на творческие ограничения, которых, возможно, и нет.

Необходимо отметить, что многие женские образы в русской литературе сочетают в себе одну черту – гордость, которая нередко становится определяющей в их характере. Именно это качество выступает ключевым в образе Кроткой из одноимённой повести. Наряду с этим, истеричность также является повторяющимся элементом, объединяющим женские характеры в различных произведениях писателя. Так, Соня («Преступление и наказание») во время бесед с Раскольниковым почти постоянно пребывает в состоянии крайнего эмоционального напряжения, находясь на грани нервного срыва.³⁸ По мнению дочери Достоевского, героини первых романов писателя были невыразительными и неспособными к полноценной жизни. В этот период Достоевскому удалось создать два женских образа – Неточку и Катерину, которые не имели своего дома. Только после возвращения из Сибири писатель смог придать женским героиням смысл собственной национальной сущности.³⁹

Чешский литературовед, русист и писатель Ф. Каутман рассматривает творчество Достоевского в качестве полноценной основы для различных социологических исследований

³⁷ МИХАЙЛОВСКИЙ, Н.К. (1957). *Литературно-критические статьи*, с. 196.

³⁸ МАКАРИЧЕВА, Н.А. (2011). Женские образы в творчестве Достоевского: типологические черты и «Очертания» типов. In *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, с. 87.

³⁹ См.: ДОСТОЕВСКАЯ, Л.Ф. (1992). *Достоевский в изображении своей дочери*, с. 50 – 68.

о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, о семейных отношениях или противоречивых отношениях, построенных на физических и психических атрибутах или симпатиях и антипатиях⁴⁰. Уже в ранних произведениях Достоевского прослеживается его внимание к вопросам отношений между мужчиной и женщиной.⁴¹ Так, Бердяев пишет, что в антропологической лаборатории Достоевского, например, женские персонажи не занимают отдельного места и его антропология является чисто мужским делом. Этот философ также считает, что в душе человека главную роль играет мужская сущность, а женщина является формой искушения во внутренней трагедии мужчины. Он указывает на то, что у Достоевского не видно исследования внутреннего мира женской души, поскольку женщины важны для писателя, но только как воплощение искушения. Достоевский лишь частично, вскользь уделяет внимание женской душе, поскольку ее анализ не смог бы дать ему представление о личности человека. Для Достоевского-писателя женщина выступает как объект раскола мужской души.⁴²

Подход Бердяева как религиозного мыслителя и философа того периода несколько устарел: с известной долей вероятности можно утверждать, что женские образы являются значимой составляющей художественного мира Достоевского и играют важную роль в творческой системе автора. По этой причине мы ссылаемся на концепцию Бердяева как на методологическую антитезу, которая позволяет нам определить предпосылки к нашему исследованию.

Подводя итоги, можно сказать, что женские образы в творчестве Ф.М. Достоевского играют ключевую роль не только в развитии сюжета, но и в раскрытии глубинных философских, нравственных и психологических проблем, волновавших писателя. Женские персонажи Достоевского многогранны и противоречивы: в них сочетаются духовная сила и «хрупкость», самоотверженность и внутренний конфликт, идеализм и трагическая обречённость. Через них автор исследует идеи любви, страдания, искупления

⁴⁰ KAUTMAN, F. (1992). *Dostojevskij: Věčný problém člověka*, s. 32.

⁴¹ МАКАРИЧЕВА, Н.А. (2023). Психологические особенности женского конфликта в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского. In *Вестник МАСИ*, с. 70.

⁴² BERDAJEV, N. A. (2001). *Dostojevského pojetí světa*, s. 72 – 75.

Внутренний мир литературных героинь Ф.М. Достоевского...

и свободы воли. Женские образы становятся зеркалом общества. Их внутренняя драма нередко оказывается не менее значимой, чем страдания центральных мужских героев. В этом проявляется глубина гуманизма Достоевского и его умение видеть подлинную ценность человеческой души вне гендерных рамок и социальных условностей.

На стыке литературы и психологии

*Наука и искусство
так же тесно связаны между собой,
как легкие и сердце,
так что если один орган извращен,
то и другой не может
правильно действовать.*

Л.Н. Толстой

В современном научном и культурном пространствах наблюдается растущий интерес к междисциплинарному подходу – стремлению преодолеть границы между традиционно разделёнными областями знания. Одним из наиболее ярких и перспективных направлений такого взаимодействия является диалог между наукой и искусством. Несмотря на кажущуюся противоположность их методов – эмпирической строгости науки и субъективной экспрессивности искусства – обе сферы стремятся к познанию и интерпретации мира. Они формируют картины реальности различными средствами, но в итоге служат одной цели: расширению границ человеческого понимания жизни.

Каждая научная дисциплина обладает собственной предметной областью и методологическими границами, которые становятся проницаемыми при взаимодействии с другими науками. Именно здесь возникает проблема междисциплинарности.⁴³ Литературовед Л. Гинзбург задала в своей научной работе вопрос: «Где же, у какого порога возникает эстетическое качество психологических построений?»⁴⁴ В этом и заключается основная методологическая проблема: где проходит граница между двумя науками, которые находятся в диалоге, поскольку в нашем случае исследование будет выполняться не только в рамках литературоведения или психологии.

Иво Поспишил, задумываясь над этой темой, вспоминает слова

⁴³ Ср. POSPÍŠIL, I. (2020). *Literatura a její přehledy (kritika, metodika, historie, teorie, metodologie)*, s. 127.

⁴⁴ ГИНЗБУРГ, Л. Я. (2016). *О психологической прозе. О литературном герое*, с. 17.

О. Кралика⁴⁵ (на национальном раунде студенческой конференции SVOČ в 1972 году в г. Оломоуце): «<...> литературная наука – грязная наука»⁴⁶, таким образом указывает на ее смешанный, эклектичный характер. Междисциплинарный или трансдисциплинарный вид исследования приносит новые импульсы и открытия, а также неясности и проблемы понимания темы, особенно методологические.

Человек – предмет исследований на пересечении гуманитарных наук

Человек – центральная фигура как в западной, так и в восточной культуре. Культурные традиции стремятся осмыслить его сущность и предназначение в жизни, что находит отражение как в философских учениях, так и в визуальных формах искусства. Однако степень внимания к человеку варьируется в разные исторические эпохи. Антропологические вопросы могут занимать центральное или периферийное место в зависимости от того, какую роль – ведущую или второстепенную – занимает человек в произведениях мыслителей, писателей и художников.

В связи с вышесказанным важно вспомнить слова молодого словацкого литературоведа И. Цинтулы, который ставит перед собой цель раскрыть возможности использования лингвокультурологического подхода при исследовании литературы: «Произведения художественной литературы на протяжении всей истории, начиная с древних времён до наших дней, привлекают людей разных возрастов, социальных статусов и национальностей. Причиной этому является во многом сам человек, который с рождения стремится познать окружающий его мир не только через собственный опыт, но и через искусство – художественную литературу в том числе»⁴⁷.

⁴⁵ Олдржих Кралик (1907–1975) – чешский литературовед, критик и историк, текстолог.

⁴⁶ POSPÍŠIL, I. (2020). *Literatura a její přeahy (kritika, metodika, historie, teorie, metodologie)*, s. 124.

⁴⁷ ЦИНТУЛА, И. (2023). Язык художественной литературы как специфический код эпохи. In: *Язык и культура: ценности и смыслы*, с. 52.

Понимание человеческой природы, как и выбор разнообразных подходов к изучению или изображению человеческой сущности, всегда являются индивидуальными. Поэтому целесообразно вспомнить концепции и идеи философов, мыслителей и ученых. Так, Ж.Ж. Руссо обращается к «Творцу вещей»: всё должно оставаться таким, каким было создано, потому что «<...> всё гибнет от рук человека; человек заставляет землю приносить плоды другой земли, заставляет дерево приносить плоды другого дерева»⁴⁸. В своём исследовании человека и личности Руссо сосредоточился на образовательной составляющей всего процесса, представив интерпретацию своих выводов как основу для понимания концепции формирования личности.

Педагогико-психологическое и этическое понимание понятия «человек» предложено Зелиной и Бодалевым. М. Зелина – словацкий ученый, создатель концепции креативно-гуманистического образования. По его мнению, сложность образования и становления человека заключается в том, чтобы человек имел представление о себе и своей жизни, при этом важно, чтобы он смог реализовать это представление. Ученый считает, что свобода человека должна формироваться «<...> в его творческом акте образования!»⁴⁹. Сущность человека заключается в том, что он одновременно и живой организм, и социальное существо. Бодалев пишет, что для человека как духовно-социального существа характерны две основные группы психологических свойств: мотивация и регуляция поведения.⁵⁰

С точки зрения философской антропологии, человек представляет собой самостоятельный объект научного познания, обретающий реальные очертания в рамках специальных научных дисциплин. С известной степенью уверенности мы можем утверждать, что познание целого преобладает над анализом отдельных компонентов человеческой личности. Это становится исходным пунктом для определения понятия «человек», для которого в науке существуют

⁴⁸ ROUSSEAU, J. J. (1956). *Emil alebo o výchove*, s. 34.

⁴⁹ ZELINA, M. (2011). *Stratégie a metódy rozvoja osobnosti dieťaťa*, s. 14.

⁵⁰ BODALEV, A. A. (1979). *Formovanie predstavy o inom človeku ako o osobnosti*, s. 7.

множество дефиниций, при этом выделяются его характеристики. Однако, такие подходы являются лишь составными частями целостного, сложного понятия и образа человека. Философская антропология задает ряд вопросов (например, «Кто такой смертный – смертный человек?»⁵¹) и выдвигает такие гипотезы, как «Человек как существо подвергается сомнению»⁵²; «Природа духа — это способность действовать»⁵³, «Человек должен просто быть тем, кто он есть, потому что именно это завершает его безупречное “Я”»⁵⁴.

Человек по своей природе является социальным существом (*zoon politikon*)⁵⁵, существом, постоянно ищущим себя, существом, которому необходимо искать, исследовать и всегда внимательно изучать индивидуальные условия своего существования⁵⁶. Центральным положением для человека является то, что он – часть жизни окружающего его мира.⁵⁷ Данные утверждения указывают на разные аспекты и взгляды на человека, но их объединяет стремление к познанию человека, который играет важнейшую роль в философии, о чем свидетельствует большое количество философских концепций о человеке.

Т. Гоббс определяет человека как личность, чьи действия и слова либо принадлежат только ему, либо ему приписываются. Здесь мы можем проследить связь с литературой, поскольку Гоббс определяет человека с его собственными действиями как естественного, а человека со словами и действиями других людей – как вымышленного.⁵⁸ Это утверждение применимо к авторам, которые через вымышленных персонажей передают реципиенту свои мысли, эмоции и т. д.

Таким образом, научные представления о человеке неоднородны (даже если их объединяет объект изучения – человек). Это открывает более широкий простор и больше возможностей для научных

⁵¹ SEILEROVÁ, B. (2004). *Človek v paradigmách filozofickej antropológie*, s. 16.

⁵² SCHILLER, F. (1995). *Estetická výchova*, s. 29.

⁵³ HEGEL, G. W. F. (1957). *Filozofia dejín*, s. 79.

⁵⁴ FICHTE, J. G. (1971). *Pojem vzdělance*, s. 25.

⁵⁵ ARISTOTELES. (1988). *Politika*, s. 22.

⁵⁶ CASSIRER, E. (1977). *Esej o člověku*, s. 45 – 52.

⁵⁷ DE CHARDIN, P. T. (1993). *Místo člověka v přírodě: výběr studií*, s. 13.

⁵⁸ HOBBS, T. (2010). *O člověku*, s. 149 – 150.

исследований. В связи с этим необходимо, на наш взгляд, вспомнить слова литературоведа Я. Копаничака о том, что «всякое чёрно-белое представление о человеке является упрощённым, примитивным»⁵⁹. Концепции и мысли разных философов (Аристотеля, де Шардена, Фихте и др.) «резонируют» на протяжении веков, но не являются предметом нашего исследования. Безусловно, они важны для понимания сущности человека, поэтому мы не могли не упомянуть их в нашей работе.

Далее обратимся к пониманию сущности человека в рамках психологии. В центре психологических исследований (не только психологии личности) также находится человек: он становится объектом изучения в таких направлениях, как психоанализ и архетипальная психология, общая психология, психопатология, патопсихология, криминология и социальная психология.

Прежде всего, обратимся к общей психологии. Согласно Парделу и Кошу, общая психология занимается самыми основными и общими аспектами и вопросами психологии как научной дисциплины.⁶⁰ М. Верешова в публикации по общей психологии рассматривает предмет и систему психологии как науки, основные методы исследования, биологические механизмы переживания и поведения, ощущение и восприятие, представления, процесс обучения и память, мышление, внимание, мотивацию и природу воли, эмоции, и творческую деятельность.⁶¹ Как мы видим, общая психология наряду с изучением человека занимается также и целым комплексом других аспектов.

Еще одной областью психологии, необходимой для понимания человека, является психология личности как базовая психологическая дисциплина. В психологии личности (или персонологии⁶²) речь идет в первую очередь о самопонимании человека и попытке ответить на вопросы: «Кто я?», «Какой смысл имеет мое существование здесь и сейчас?» и т. п. Одной из

⁵⁹ KOPANIČÁK, J. (1994). *Dostojevskij a dnešok*, s. 215.

⁶⁰ PARDEL, T. – KOŠČO, J. (1975). *Kapitoly zo všeobecnej psychológie I.: predmet a systém psychologických vied*.

⁶¹ VEREŠOVÁ, M. – BALLOVÁ MIKUŠKOVÁ, E. – GATIAL, V. (2023). *Všeobecná psychológia*.

⁶² Этот термин обозначает тенденцию называть таким образом психологию личности в современной научной литературе.

основных сложностей этой науки, и в то же время компонентом, обеспечивающим динамику дисциплины, является ее предмет – человеческая личность. Дело в том, что личность человека, в том числе в результате исторических трансформаций, постоянно меняется и развивается.⁶³ Само определение личности является сложным явлением, поскольку в психологии существует более 50 определений личности. Холл и Линдзи указывают на тот факт, что ни одно определение личности нельзя считать полным и единственно правильным. Добавим, что каждый автор создает и дополняет определение личности в соответствии со своей теорией и практикой.⁶⁴

На основе всех доступных определений понятия «личность» чешские авторы Ригель и Пьеч дают следующую трактовку: «психологический конструкт, который придумали психологи и психиатры, чтобы иметь возможность описать нечто столь сложное, как человеческое “Я”. Этот конструкт представляет собой набор поведенческих моделей, которые формируются на основе пяти основных компонентов: 1) темперамента; 2) характера; 3) идентичности; 4) интернализированной (внутренней) системы моральных ценностей; 5) когнитивных процессов»⁶⁵.

При исследовании личности, и особенно при диагностике патологий, в психологии часто сталкиваемся с понятием норма/нормальность. Ригель и Пьеч уточняют, что патология личности может быть определена на основе четко очерченных контуров того, что является нормальным. Однако такая норма не может быть единой, поскольку она различается в зависимости от культурно-исторических, этнокультурных, социальных и других аспектов.⁶⁶ Существует три основных критерия, по которым можно определить психическую «нормальность»: «<...> мы можем определить симптомы, которые считаем ключевыми при описании “нормального”, мы можем определить “нормальное” как

⁶³ ŘÍČAN, P. (2010). *Psychologie osobnosti: obor v pohybu*, s. 11.

⁶⁴ LINDZEY, G. – HALL, C. S. (1997). *Psychológia osobnosti*.

⁶⁵ RIEGEL, K. D. – PĚČ, O. (2020). Normální vývoj osobnosti a jeho odchylky. In: *Poruchy osobnosti v 21. století*, s. 73 – 74.

⁶⁶ Там же, s. 72 – 73.

отсутствие “ненормального”, мы можем выбрать, какая концепция для нас приемлема»⁶⁷.

Психопатология – это наука «<...> о патологических изменениях психической жизни <...>», в результате которых происходят значительные изменения в поведении, психических состояниях, процессах или свойствах, которые выходят за рамки нормы. Поскольку именно выявление границы между нормальностью и аномальностью является проблематичным, было необходимо создать новую отрасль психологии – патопсихологию, которую Кошч определяет как «науку о психических аномалиях и дефицитах, то есть о пограничных состояниях, свойствах и процессах личности человека между нормой и патологией, о сопутствующих психических явлениях и последствиях любого жизненного недостатка (телесного или психического заболевания, дефекта или социального недостатка), когда они выходят за рамки нормы»⁶⁸.

Психопатологию подразделяют на общую и специальную. Общая занимается расстройствами основных областей человеческой психики (сознания, восприятия, эмоций, мышления и т. д.), а специальная фокусируется на конкретных диагностических единицах (диагнозах).⁶⁹

Как и в творчестве Достоевского, так и в литературе в целом все придуманное – человеком, о человеке, для человека. Так, Лихачёв, рассматривая проблему человека в литературе, указывает на то, что человек всегда находится в центре литературного творчества и связывает его с социальной средой, природой, историческими изменениями и т. д.⁷⁰ Изображение человека меняется также в зависимости от стиля автора, при этом человеческий аспект не является единственным, хоть и остается доминирующим. Словацкий литературовед А. Червеньяк утверждает, что «человеческая, “гуманная” проблематика составляет отправную точку и цель каждого художественного

⁶⁷ ČEREŠNÍK, M. (2017). *Psychopatológia a patopsychológia*, s. 33.

⁶⁸ KOŠČ, L. (1976). *Všeobecná patopsychológia*, s. 7 – 9.

⁶⁹ См. напр.: OREL, M. a kol. (2012). *Psychopatologie*, s. 16.

⁷⁰ См.: LICHÁČOV, D. S. (1974). *Člověk v literatuře staré Rusi*.

и литературного произведения», и одновременно добавляет: «Литературоведение исследует возникновение, структуру и восприятие художественного произведения как резервуара человеческих проблем». По мнению ученого, для попыток антропологической трансформации литературы характерны широкий диапазон выделения антропологической направленности в литературе и определение сущности человека в роли объекта литературы и искусства; широкое изображение поведения человека (в художественном тексте) в контексте психологии, философии или социологии; приобретение большого количества научных знаний и экспериментов с целью их классификации.⁷¹ Несмотря на разные теоретические, религиозные и социальные взгляды, и Бердяев⁷², и Червняк⁷³ полностью соглашались с идеей, что в творчестве Достоевского человек является центром всего: все находится в человеке и для человека.

В «художественной» сущности бытия существуют два мира – объективный и художественный. Точно так же мы воспринимаем одного (реального) человека, но на самом деле их существуют два – в реальности и в искусстве.⁷⁴ Профиль человека состоит из двух состояний – «состояние мира» и «состояние духа», которые могут иметь три основные онтологические характеристики: антагонистическую, коррелятивную и утвердительно-противоречивую, одновременно повторяющиеся в трех областях – культурологической, социально-общественной и, конечно же, литературно-критической.⁷⁵ Литературоведы Голикова и Муранска пишут, что «стрессы и потрясения времени, человека и литературы являются визитными карточками жизни» и это своего рода предупреждающие сигналы для человечества, поскольку речь идет о значительном влиянии на человека, что подтверждается многими

⁷¹ ČERVENÁK, A. (2002). *Človek v texte*, s. 5 – 14.

⁷² См.: BERĎAJEV, N. A. (2001). *Dostojevského pojetí světa*.

⁷³ См.: ČERVENÁK, A. (2005). *Ruská literatúra v súčasnom svete*; ČERVENÁK, A. (2008). *Reflexie esteticko-antropologické*.

⁷⁴ ČERVENÁK, A. (1986). *Človek v literatúre*, s. 15.

⁷⁵ ANTOŠ, M. (2011). *Tragédia človeka a sveta v Čechovovej ranej próze*. In: *Tragédia doby, človeka, literatúry*, s. 193.

русскими авторами (Пушкиным, Достоевским, Булгаковым и др.).⁷⁶

На человека воздействуют различные факторы, и он вынужден неизбежно реагировать на них. Этот момент «трансформирует ослабленные стимулы», то есть человек в тексте (литературный персонаж) должен преодолевать определенные препятствия, если хочет достичь своей цели. Доминанта может быть нарушена под влиянием сильных стимулов, когда человек-герой «преодолевают внутренний кризис». И, наконец, есть возможность создать новую доминанту, в рамках которой «человек и герой преодолевает кризис и создает новое отношение к реальности»⁷⁷. Все потрясения, травмы и переживания стимулировали Достоевского как человека и как автора.

Безусловно, одним из самых ценных достижений человечества является литература. По мнению Сиюхова, она представляет собой пространство, в котором могут накапливаться все вопросы всего человечества и человека как отдельного индивидуума. Именно по этой причине в литературе формируется особый взгляд на личность человека и ее художественное воплощение.⁷⁸ Человек и его бытие – базовые элементы большинства научных исследований, искусства и литературы. Й. Догнал отмечает, что в целом в художественном познании главным компонентом является внутреннее состояние человека и его возможные интерпретации, в результате чего создаётся определённая модель мира – как абстрактная, так и конкретная. Художественные образы можно воспринимать как манифест различий в изображении этого мира в произведениях. Важны два момента: каково содержание мира и как он представлен.⁷⁹

⁷⁶ GOLIKOVA, L. – MURÁNSKA, N. (2011). Človek a literatúra v dejinnej retrospektíve a (ne)perspektíve. In: *Tragédia doby, človeka, literatúry*, s. 325.

⁷⁷ ČERVENÁK, A. (2002). *Človek v texte*, s. 17 – 18.

⁷⁸ См.: СИУХОВ, С.Н. (2014). Особенности понятия «Художественная концепция личности». In *Вестник Майкопского государственного технологического университета*.

⁷⁹ DOHNAL, J. (2012). *Proměny modelu světa v ruské próze na přelomu XIX. a XX. století*, s. 91 – 93.

Между литературой и психологией: несколько научных замечаний

Литература выступает связующим звеном в разных науках – истории, философии, психологии и т. д. Исходя из этого, можно утверждать, что между литературой и психологией также существует тесная связь, поскольку литература использует язык как средство выражения интерпретативных исследований человеческой души, бытия и культуры, личности и индивидуальных различий, которые изучаются в том числе и психологами. Турецкий исследователь А. Гоксен видит в человеке самую большую точку соприкосновения литературы и психологии. Обе отрасли знаний изучают человека и его реакции на мир, восприятие, желания, конфликты, социальную среду и т. д. Следует отметить, что человек и его бытие являются базовыми элементами большинства научных исследований, искусства и литературы.⁸⁰ Сущность человека в художественном тексте подчеркивает и немецкий психиатр Карл Леонгард, который считает писателей выдающимися психологами, поскольку они мастерски умеют проникнуть во внутренний мир человека.⁸¹ К таким авторам можно отнести Шекспира или Достоевского.

Синтез науки и искусства уже многократно доказал свою актуальность и перспективность. Мейлах подчеркивает естественную взаимосвязь между научным и художественным познанием, между деятельностью ученых и художников. Мышление каждого человека состоит из понятий и образов, что дает человеку возможность понимать художественные артефакты и развивает его стремление познавать и открывать неизвестное, способность использовать основные мыслительные операции (анализ, синтез, обобщение и т. д.), которые должны быть присущи каждому ученому.⁸² Искусство и науку можно рассматривать как две взаимодополняющиеся области знания, причем каждая из них

⁸⁰ GOKSEN, A. (2015). Personality and Individual Differences: Literature in Psychology – Psychology in Literature. In *Procedia – Social and Behavior Sciences*, p. 251.

⁸¹ См.: LEONHARD, R. (1976). *Akzentuierte persönlichkeiten*; в русском переводе: ЛЕОНГАРД, К. (2001). *Акцентуированные личности*.

⁸² См.: MEJLACH, B. S. (1974). *Medzi vedou a umením*, s. 78 – 79.

обладает собственными методологическими подходами, но при этом способна существенно обогащать другую.

Говоря о связи науки и искусства, необходимо отметить существенное влияние творчества Достоевского на мировоззрение Эйнштейна. Сложившееся у ученого восприятие личности писателя и его произведений впоследствии стало предметом многих дискуссий о роли художественного познания в развитии научной мысли. Тема «Достоевский и Эйнштейн» считается фундаментальной для изучения взаимосвязи науки и искусства.⁸³ Кузнецов добавляет, что тема «Эйнштейн – Достоевский» тесно связана с проблемами философии, науки и литературы; он также выделяет литературоведческие исследования, которые позволяют сформировать целостную концепцию единства науки и эстетики⁸⁴. Мы можем говорить о том, что в работах Эйнштейна решаются общие проблемы человеческой жизни, которые являются постоянным объектом литературных произведений.

Стоит также упомянуть очевидную связь науки и искусства в трудах З. Фрейда⁸⁵ – выдающегося представителя прогресса в психологии. Вспомним слова В. Клауса о том, что именно научная деятельность Фрейда не только существует в классических коррелятах науки, но и простирается в искусство.⁸⁶ Можем предположить, что ученые (физики, психиатры и т. д.) находят вдохновение одновременно в двух мирах – реальном и художественном. Каждый вид искусства по своей природе символичен и представляет собой связь этих двух миров. Бердяев⁸⁷ в связи с тем пишет, что искусство отражает глубокую реальность, а эмпирическое познание проникает в мир, изображённый посредством символов.⁸⁸

⁸³ См. напр. работы: ČERVENÁK, A. (1991). *Tajomstvo Dostojevského*, s. 119 – 121; MEJLACH, B. S. (1974). *Medzi vedou a umením*, s. 80 – 88.

⁸⁴ КУЗНЕЦОВ, Б. Г. (1979). *Эйнштейн. Жизнь, смерть, бессмертие*, с. 557.

⁸⁵ Более подробно по отношению Фрейда и Достоевского – см. главу *Психология персонажей Ф.М. Достоевского*.

⁸⁶ KLAUS, V. (2006). *Předmluva*. In: *150 let od narození Sigmunda Freuda*, s. 8.

⁸⁷ В этом случае Бердяев также ссылается на творчество Достоевского. Благодаря искусству можно познать самую глубокую духовную сущность бытия, метафизическую реальность.

⁸⁸ BERĎAJEV, N. A. (2001). *Dostojevského pojetí světa*, s. 19.

Связь науки и литературы имеет свое обоснование в современной междисциплинарной и трансдисциплинарной научных сферах. Американский литературный критик Норман Холланд утверждает, что во взаимной корреляции психологии и литературы психологи анализируют не столько поэзию и прозу, сколько личность человека как центральный мотив «психологической критики»⁸⁹. Турецкий литературовед Н. Бирлик в своей работе ссылается именно на Холланда, который говорит о «психологической критике»⁹⁰, основанной на литературной критике, в случае, когда она использует психологические знания для анализа автора и читателя, хотя в первую очередь – художественного текста. Далее она развивает идею о том, что человеческая психика является «лабораторией науки»⁹¹, а Бирлик при этом добавляет, что именно из этой лаборатории мы можем взять то, что необходимо для работы с непсихологическими текстами, то есть литературными текстами – текстами о человеке.⁹²

Литература и психика человека не нуждаются в доказательстве взаимных корреляций. В прошлом поэты и прозаики были своего рода пионерами в области психологии. Авторы Дагмард, Размджу и Салехи также отмечают тот факт, что в произведениях поэтов и художников в целом мы находим фрагменты индивидуального бессознательного автора, но также архетипы, типичные для коллективного бессознательного и другие мифические или сновиденческие образы. По мнению авторов, литературу нельзя интерпретировать вне психологии и наоборот, так как в языке отражается широкий спектр психических проявлений, состояний и эмоций человека. В связи с этим, упомянутые выше ученые говорят о литературном психоанализе.⁹³

⁸⁹ HOLLAND, N. (1990). *Holland's Guide to Psychoanalytic Psychology and Literature and Psychology*, p. 30

⁹⁰ Там же, с. 29.

⁹¹ Там же, с. 2.

⁹² BIRLIK, N. (2019). Psychology and Literature.. In: *Literature and Psychology: Writing, Trauma and the Self*, p. 5.

⁹³ DASTMARD, F. – RAZMJOO, T. – SALEHI, V. (2012). The Relationship between Psychology and Literature. In *Journal of Basic and Applied Scientific Research*, pp. 9420 – 9423.

Психология и литература связаны естественным образом. Писатели представляют на суд читателей конкретные мысли, эмоции и действия, которые могут пробудить у аудитории интерес к психологической природе мотивов и решений конкретного персонажа. Например, Леонгард рассматривает некоторые произведения («Идиот» Достоевского, «Дон Кихот» Сервантеса, «Избирательное сродство» Гете, и т. д.) как психологические исследования.⁹⁴ Самое интересное с точки зрения психологии заключается в том, что литературный герой в этих произведениях не проявляет какую-то одну доминирующую черту, а представлен в произведениях как единое целое – как он действует, думает, что чувствует. Исходя из этого, писателей можно считать аналитиками человеческой души, и мы можем выявить множество фактов из клинической практики в персонажах литературных произведений.

В общем контексте представления болезней в художественных текстах исследователей интересуют как описания индивидуальных особенностей состояния пациента и врача, так и метафорическое изображение ситуации больного человека. Врачи, в том числе на основе художественных произведений, описывающих болезни, могут лучше понять суть страхов или ожиданий больного (на примере литературного персонажа).⁹⁵ В данном случае мы говорим о другом междисциплинарном подходе – литература vs медицина.

Рассматривая нормальность как центральный объект некоторых психологических наук (психопатологии, патопсихологии, психодиагностики и др.), важно отметить вклад чешского литературоведа И. Поспишила, который в рамках методологических размышлений о теме безумия в русской литературе приходит к выводу, что данная тема⁹⁶ открывает новые горизонты для литературы, которая не

⁹⁴ См.: ЛЕОНГАРД, К. (2001). *Акцентуированные личности*.

⁹⁵ POPIEL-MACHNICKI, W. – OSIEWICZ, B. – RASPAPOU, A. (2022). Мотив противостояния человека болезни COVID-19 в новейших стихотворениях Александра Городницкого, Дмитрия Быкова, Дмитрия Данилова. In *Russian Literature*, с. 102.

⁹⁶ Мы понимаем данное понятие как определённую оппозицию к норме. Например, российский социолог, антрополог и психолог Ирина Сироткина утверждает, что именно оппозиционное отношение нормы/нормальности (рациональной и моральной) и аномалии вызывало множество вопросов в дискуссиях о жизни и творчестве Достоевского (См.: Сироткина, 2008, с. 70).

только занимается психическими расстройствами и нестабильными психологическими состояниями, но и становится «многозначным сигналом тревоги, криком из темноты, который проявляется как человек на грани своих интегративных сил»⁹⁷.

Между литературой и психоанализом также существует специфическая связь, которая непрямо вытекает из истории последнего: его подходы были использованы для понимания и изучения литературы XIX века. Например, работа Фрейда⁹⁸ о связи литературы и психоанализа стала известна благодаря немецкой литературе и культуре.⁹⁹ В области художественного изображения мира проблема человека стала чрезвычайно важной только в начале XX века. В настоящее время внутренний опыт человека оказывается в центре внимания, что определяет больший интерес ученых к психоаналитическим интерпретациям.¹⁰⁰ С тех пор, как психоанализ вошел в научный мир, мы циклически возвращаемся к вопросу о том, каковы масштабы влияния психоаналитических открытий Зигмунда Фрейда на теорию и интерпретацию искусства. Именно благодаря форме опосредования его знания (интерпретации) «фрейдистская наука» становится своего рода возрождением художественного представления.¹⁰¹ Фрейд сумел соединить три области человеческих интересов¹⁰² – естественные науки, социальные науки и искусство.¹⁰³ Швейцарский психолог и ученица К.Г. Юнга¹⁰⁴ Мари-Луиза фон Франц ссылается на работы

⁹⁷ POSPÍŠIL, I. (1995). *Fenoménu šilenskosti v ruské literatuře 19. a 20. století*, s. 10.

⁹⁸ В новейшем словацком переводе: FREUD, S. (2022). *Umenie a psychoanalýza*. Bratislava: Slovenský spisovateľ.

⁹⁹ JAUREGUI BALENCIAGA, I. (2002). Psychology and literature: The question of reading otherwise. In *The International Journal of Psychoanalysis*, p. 2.

¹⁰⁰ HÖHN, E. (2017). *Literárna veda ako kultúrna veda*, s. 43 – 44.

¹⁰¹ Об этом свидетельствует, например, его обширная монография о толковании сновидений. – см.: FREUD, S. (2005). *Výklad snů*. Pelhřimov: Nová tiskárna. (в ориг.: FREUD, S. (1900). *Die Traumdeutung*. Leipzig und Wien: Franz Deuticke).

¹⁰² Фрейд в своих высказываниях буквально упражняется в создании аналогий и метафор. Его высказывания поэтичны, а основные теории, которые Фрейд привнес в науку, можно в их сущности проанализировать через литературную символику (см. об этом: Loužek, 2006, s. 46).

¹⁰³ LOUŽEK, M. (2006). Freud – osvoboditel lidské sexuality. In: *150 let od narození Sigmunda Freuda*, s. 45.

¹⁰⁴ О применении психологической теории Юнга на материале творчества Достоевского см. напр.: БРОЙТМАН, М.С. – ПРЯХИНА, Н.Н. (2024). Анализ образов персонажей романа Ф.М. Достоевского «Идиот» на основе классификации психологических типов по Юнгу. In

Фрейда и определяет, например, сказку как жанр, самостоятельно подлежащий психоанализу. Она добавляет, что углубленное психоаналитическое толкование сказок в недавнем прошлом (в XX – XXI вв.) демонстрирует широкое развитие в области этой трансдисциплинарной науки.¹⁰⁵ Как пишет Вивег, психологию искусства нельзя свести только к психоаналитическим основам, но и нельзя отрицать значительный вклад психоанализа в теорию искусства.¹⁰⁶

Психологический подход к литературе отражает влияние современной психологии на литературу и литературную критику. По мнению С. Меилианы, психологические исследования в литературе можно рассматривать в трёх основных аспектах: 1) исследование психологических функций автора в связи с его творчеством; 2) влияние жизни автора на описание, мотивацию и поведение героев произведения; 3) анализ вымышленных персонажей с использованием терминологии и методологии психологии.¹⁰⁷ Последние два аспекта коррелируют с нашим исследованием. На Достоевского несомненно повлияли ситуации и травмы, полученные в разные периоды его жизни (приговор к смертной казни, каторга, эпилепсия, игромания и т. д.). Конечно, все психологические диагнозы Достоевский описал «человеческим», художественным языком, но при анализе его произведений применима также и методология психологии.

Важно отметить, что «психологический подход к художественной литературе не только возможен, но и принципиально необходим, поскольку поведение литературных персонажей всегда соотносится с определённой функцией и интерпретируется в связи с ней, будь то в рамках данного художественного произведения или в рамках психических структур читателя»¹⁰⁸. В настоящее время психология литературы утвердилась как наука. Например, американский психолог иранского происхождения Фатали Г. Могаддам

Cuadernos de Rusística Española, с. 221 – 233.

¹⁰⁵ VON FRANZ, M.-L. (2015). *Psychologický výklad pohádek*, s. 11.

¹⁰⁶ VIEWEGH, J. (1999). *Psychologie umělecké literatury*, s. 148

¹⁰⁷ MEILIANA, S. (2020). *Modul Kuliah: Psychology of Literature*, p. 11.

¹⁰⁸ ŠTUBŇA, P. (2017). *Psychológia literatúry*, обложка.

рассматривает взаимосвязь поведения и опыта человека как общий объект исследования литературы и психологии.¹⁰⁹ Основой психологии литературы является направленность психологии на наблюдение и объяснение мотиваций и моделей человеческого поведения, а также способность литературы их отображать. Через художественный текст автор способен продемонстрировать реципиенту человеческую мотивацию, ее происхождение, взаимодействие человека в различных контекстах с другими людьми, с окружающим миром, с самим собой. «Психология литературы занимается изучением психологических типов человеческой личности и наблюдением причинно-следственных связей между мыслями и переживаниями персонажей, с одной стороны, и их проявлениями в реальных действиях персонажей, с другой стороны»¹¹⁰. В центре внимания данной дисциплины находится несколько основных областей: психологические типы личности, психические процессы, состояния и структуры, автор как личность и процесс создания произведения.¹¹¹ Из-за такого широкого поля исследований наша работа касается данной науки лишь частично.

Литература выступает своеобразной «лабораторией человеческого опыта», в которой художественные образы, повествовательные структуры и типы персонажей представляют собой модельные формы проявления психики. Психология предоставляет инструменты для изучения мотивов, эмоций, когнитивных процессов и динамики поведения, обнаруживаемых в художественных текстах. Стоит отметить, что применение психологических концепций должно осуществляться осторожно и научно обоснованно: интерпретация художественного материала не сводится к иллюстрации психологических теорий, а предполагает диалог между текстом и научной психологической моделью. Продуктивность междисциплинарного диалога между

¹⁰⁹ MOGHADDAM, F. M. (2004). From 'Psychology in Literature' to 'Psychology is Literature'. In *Theory & Psychology*.

¹¹⁰ ŠTUBŇA, P. (2017). *Psychológia literatúry*, s. 9.

¹¹¹ См. там же, с. 9 – 11.

литературой и психологией зависит от способности исследователя учитывать художественную специфику текста и точно использовать терминологический аппарат психологической науки. Подобный сбалансированный подход обогащает обе области знаний: он углубляет литературоведческий анализ, вскрывая новые пласты смысла, и одновременно расширяет горизонты психологии, предлагая ей уникальный материал сложных, смоделированных человеческих переживаний и поведенческих моделей.

Психология персонажей Ф.М. Достоевского

Второй параграф мы хотели бы начать словами выдающегося словацкого литературоведа А. Червеняка: «специфическая форма психологии персонажей Достоевского требует и специфической психологической концепции»¹¹². В творчестве Достоевского читатель и ученый всегда «почувствуют» в тексте что-то патологическое и найдут определенные психологические моменты и ненормативное поведение. Однако этот тип поведения помогает лучше понять текст через призму психопатологии как науки, а сам текст является показателем патологического поведения и одновременно средство определения диагнозов.

Ф.М. Достоевский в своих произведениях демонстрирует способность погружаться в глубины человеческой души, при этом в его творчестве находят отражение разнообразные патологии и диагнозы, которые психология и наука в целом еще не знали в XIX веке. Чешский теолог и публицист А. Ланг, говоря о Достоевском, утверждает: «Ему были нужны и бедность, и успех»¹¹³. Жизненный опыт и сильные потрясения (несостоявшаяся казнь, эпилепсия, финансовое разорение, пристрастие к азартным играм и т. д.) позволили Достоевскому описать тончайшие нюансы человеческой психики – он проникал в сознание убийц, самоубийц, шизофреников или жертв манипулятивного поведения.

¹¹² ČERVENÁK, A. (1991). *Tajomstvo Dostojevského*, s. 108.

¹¹³ LANG, A. F. M. (1946). *F. M. Dostojevský: křížová cesta náboženského myslitele ruského*, s. 75.

В романах Достоевского обычно отражены психологические явления, характерные для различных слоев общества, и представляют собой интересный материал для оценки выбранной среды.¹¹⁴ Творчество Достоевского, учитывая два основных аспекта – драматизацию внутренних переживаний персонажей и драматичность межличностных отношений в произведении, построено на определенном псих(олог)ическом напряжении. «Всех главных героев Достоевского в той или иной мере характеризует подпольная психология – оторванность и отчужденность от мира»¹¹⁵. Понимание человеческой природы Достоевским и художественное воплощение этого понимания в персонажах заслуживают особого внимания. В этом отношении писатель по-настоящему глубоко проникает в психологию человеческой души, и психология, безусловно, может воспользоваться «богатым арсеналом наблюдений Достоевского»¹¹⁶.

В произведениях Достоевского есть фрагменты, свидетельствующие о его знании психологии (например, глава «Психология на всех парах» в «Братьях Карамазовых»).¹¹⁷ Связь художественного метода изображения в творчестве писателя с психологией как наукой требует тщательного изучения.

Паролек высоко оценивает способность писателя улавливать душевные процессы при описании тончайших колебаний человеческой психики.¹¹⁸ Своим «художественным психологическим анализом героев Достоевский обогатил знание о человеческом поведении и психике» и тем самым внес гораздо более ощутимый вклад в познание психики, чем любой психолог того времени.¹¹⁹ Эстетико-психологический подход писателя к изображению психических состояний и процессов человека неподвластен времени и имеет право конкурировать с научным знанием, создавая тем самым многомерную основу для диалога между искусством и наукой.

¹¹⁴ См.: ГРИШИН, Д.В. (1971). *Достоевский – человек, писатель и мифы*, с. 70.

¹¹⁵ КРИНИЦЫН, А.Б. (2017). *Сюжетология романов Ф.М. Достоевского*, с. 230.

¹¹⁶ KOPANIČÁK, J. (1994). *Dostojevskij a dnešok*, s. 217.

¹¹⁷ MEJLACH, B. S. (1974). *Medzi vedou a umením*, s. 95.

¹¹⁸ PAROLEK, R. (1964). *F. M. Dostojevskij*, s. 13.

¹¹⁹ MEJLACH, B. S. (1974). *Medzi vedou a umením*, s. 95.

В таких рассказах, как «Господин Прохарчин», «Белые ночи», «Двойник», «Хозяйка», «Неточка Незванова» Достоевский раскрыл свой потенциал в области психологии: ярко и точно изобразил мотивы безумия, раздвоение личности, проявления шизоидности.¹²⁰ В произведениях писателя почти все ищут (не)знакомое дно человеческой души. Белый утверждает, что это дно возможно найти благодаря тому, что психология в творчестве Достоевского – не основной тезис, а внешний образ, не цель, а средство, поэтому считает Достоевского реалистическим автором-психологом.¹²¹

Безумие как социально-психологическая категория в различных вариациях изображается главным образом в ранних произведениях Достоевского. Чешский славист и литературовед И. Поспишил по поводу темы безумия в русской литературе утверждает, что творчество писателя по сути является самым обширным и наиболее репрезентативным собранием художественных текстов, в которых получает значительное развитие прототип безумия.¹²² Особенно ярко мотив безумия в творчестве Достоевского проявляется в аллюзиях на произведения Гоголя.¹²³ Можно сделать вывод о том, что мотив безумия занимает одно из центральных мест в художественной системе Ф.М. Достоевского и выступает одним из ключевых средств осмысления человеческого сознания и предельных состояний личности. Это свидетельствует о том, что безумие у Достоевского не сводится только к частному психопатологическому явлению, а приобретает универсальный философско-художественный смысл, раскрывая глубинные противоречия человеческого бытия.

Необходимо также упомянуть связь Зигмунда Фрейда с Достоевским, поскольку философ был очарован романом «Братья Карамазовы» и восхищался автором. В эссе «Достоевский и отцеубийство»¹²⁴ Фрейд размышляет о писателе как о художнике,

¹²⁰ POSPÍŠIL, I. (2001). F. M. Dostojevskij. In: *Slovník spisovatelů Ruska, Ukrajiny a Běloruska*, s. 190.

¹²¹ БЕЛЫЙ, А. (1911). *Трагедия творчества. Достоевский и Толстой*, с. 22.

¹²² POSPÍŠIL, I. (1995). *Fenomén šílenství v ruské literatuře 19. a 20. století*, s. 77.

¹²³ POSPÍŠIL, I. (2014). *Kapitoly z ruské klasické literatury*, s. 109.

¹²⁴ См.: FREUD, S. (1997) Dostoevsky and parricide. In: *Writings on art and literature*, pp. 234–255; Замечание автора: Эссе также было опубликовано как предисловие Фрейда к французскому изданию «Братьев Карамазовых» 1973 года. Первое (немецкое) издание статьи датируется 1928 годом.

невротике, моралисте и грешнике. Мы полагаем, что три типа личности, выделенные Фрейдом – невротик, моралист и грешник, действительно могли оказать влияние на становление Ф.М. Достоевского как художника.¹²⁵ А. Червенияк последовательно разбирает несколько психологических моментов творчества Достоевского: «<...> психология героя „Белых ночей“, его мечтания и бред – это адекватная топография эмоциональной жизни молодого Достоевского, то есть его сублимированной либидинальной жизни»¹²⁶; «Внимание привлекают натуралистические концепции, особенно из досибирского периода творчества Достоевского: „Бедные люди“, „Белые ночи“, „Неточка Незванова“, „Хозяйка“ и „Двойник“. Они – свидетельство путешествия художника в глубины человеческой психики»¹²⁷; «Психоанализ, как мы видим, сводит сложную внешне-внутреннюю антропологическую проблематику творчества Достоевского к исключительно внутренней антропологической проблематике (биологизации психического, натурализации человеческого и психологизации социального) у Голядкина, Ордынова, Фомы Опискина и героя „Записок из подполья“. Достоевский открыл, что наиболее доступный путь к глубинам человеческого сознания лежит через нарушение баланса между сверхсознательным и подсознательным»¹²⁸. Червенияк также уделял внимание изучению сновидений в творчестве Достоевского, в частности психологической составляющей снов Раскольникова в «Преступлении и наказании». По мнению литературоведа, психологическое содержание этих снов имеет своим источником онтологический уровень познания.¹²⁹

Владимир Чиж, русский психиатр, предпринимает попытку обобщить психологические аспекты творчества Достоевского и подчеркивает, что писатель точно изображает различные психические состояния и стремится показать внутренний мир человека в соответствии с психопатологией. Из всех

¹²⁵ См. самостоятельную статью: LEKEŠ, P. (2025). Four Selves of F. M. Dostoevsky in S. Freud's Reception. In *Orbis Linguarum*.

¹²⁶ ČERVENÁK, A. (1991). *Tajomstvo Dostojevského*, s. 82.

¹²⁷ Там же, s. 85.

¹²⁸ Там же, s. 90.

¹²⁹ ČERVENÁK, A. (1999). *Dostojevského sny*, s. 196 – 197.

литературных персонажей XIX века герои Достоевского имеют наибольшее количество описанных психических заболеваний и нарушений. У персонажей других авторов редко встречается такое количество и разнообразие психических расстройств, как у героев Достоевского. Примерами могут служить Голядкин («Двойник»), Ефимов («Неточка Незванова»), Раскольников («Преступление и наказание») и другие.¹³⁰ В отличие от своих современников, Достоевский пристальное внимание уделяет описанию людей с психическими расстройствами.

Американский психоаналитик Л. Брегер считает наиболее продуктивной моделью при изучении литературных текстов использование психоаналитической практики¹³¹, особенно таких авторов, как Достоевский. По этой причине он воспринимает писателя не как пациента, а как коллегу-психоаналитика – человека, пытающегося описать свой и чужой психический мир. Брегер также выделяет несколько основных психологических структур, делающих творчество Достоевского столь исключительным с точки зрения психоанализа: 1) психологическая градация в развитии произведения; 2) процесс самоанализа; 3) полифония, сопоставимая со свободными ассоциациями в психоаналитической практике; 4) свободное раскрытие бессознательного материала (как в идеальном психоаналитическом развитии встречи); 5) гуманизация зла в человеке, сопоставимая с психоаналитическим подходом к работе с укоренившимися бессознательными конфликтами.

¹³⁰ ЧИЖ, В. Ф. (1885). *Достоевский как психопатолог*, с. 2 – 3.

¹³¹ В западном литературоведении эту модель использует не только Брегер, но и американский русист, почётный профессор Калифорнийского университета в Дэвисе (штат Каролина, США) Даниэль Ранкур-Лаферьер. Его научная деятельность в значительной степени посвящена психоаналитическому литературоведению на примере русской литературы и междисциплинарным связям в литературоведении. См. работы: RANCOUR-LAFERRIERE, D. (ed.). (1989). *Russian Literature and Psychoanalysis*. Amsterdam: John Benjamins. 485 s. (в русском авторском переводе: РАНКУР-ЛАФЕРЬЕР, Д. (2004). *Русская литература и психоанализ*. Москва: Ладомир); RANCOUR-LAFERRIERE, D. (ed.). (1994). *Self-Analysis in Literary Study*. New York: New York University Press. 213 s.

В Достоевском сочеталось несколько «я»¹³², которые он как автор и человек сумел отразить в своих персонажах.¹³³

Русский психолог Семёнов также высоко оценивает творчество писателя. Он указывает, что именно анализ персонажей Достоевский позволил ему выделить психологические типы русской ментальности: «православно-российский, коллективно-просоциальный, либерально-прозападный и криминально-клановый типы»¹³⁴. В результате анализа произведений писателя Семёнов приходит к выводу, что на основе творчества Достоевского можно реконструировать определённую социально-психологическую концепцию человека, которую сам автор интуитивно создаёт в своих произведениях. В ходе исследования Семёнов формулирует несколько основных принципов психологического анализа произведений Достоевского: 1) человек необычайно сложен, гораздо сложнее, чем в стереотипе добра и зла; 2) человек не только «человек разумный», но и «человек страстный»; 3) человек – существо в полной мере социальное и общественное; 4) человек способен контролировать свою свободную волю и избегать влияния окружающей среды; 5) счастье человека заключается не в комфортной жизни, а в любви к Богу и людям, которые к нему возвращаются.¹³⁵ Можно сделать вывод о том, что Достоевский был лучшим психологом своего времени.

¹³² «Я» – это психологическое понятие, центральное понятие психологии личности, обозначающее внутреннюю идентичность человека. (См.: MEZERA, A. (1997). *Slovník odborných termínů psychologického poradenství a speciální pedagogiky*, s. 66). Примечание автора: хотя мы и пишем, что у Достоевского было несколько «я», это нельзя путать с расстройствами и дефектами, такими как биполярное расстройство и т. д.

¹³³ BREGER, L. (2019). *Dostojevskij – Autor ako psychoanalytik*, s. 6 – 11.

¹³⁴ См.: СЕМЁНОВ, В.Е. (2021). Достоевский как социальный психолог. In *Психологическая газета*.

¹³⁵ Там же.

Оценивая последний этап¹³⁶ творчества Достоевского, Паролек отмечает, что именно в этот период проявилась в полной мере так называемая «достоевщина», и в то же время произведения («Записки из подполья», «Бесы», «Дневник писателя» и др.) приобретают оттенок глубокого психологического анализа. Литературовед выделяет конкретные типы персонажей, на которых сосредоточил свое внимание Достоевский – современные сверхлюди, наполеоновские и ротшильдовские типы, или игроки.¹³⁷

Писатель умел проникать в нестабильный и трагически противоречивый психологический мир своих героев. Можно утверждать, что психологическая глубина произведений Достоевского является предметом изучения разных исследователей с разных точек зрения. Выбранный нами подход (психологический) ранее не применялся в работах литературоведов. Взгляды психологов и психиатров (ср. статью российского психиатра А. Петрушина, в которой автор обращается к конкретным психодиагностическим единицам и «диагностировал» у Раскольникова шизофрению)¹³⁸ ближе к нашему исследовательскому подходу.

Таким образом, психопатология в произведениях Достоевского выступает не просто художественным приёмом, а глубоким средством анализа человеческой природы. Его персонажи представляют собой носителей не только болезненных психических состояний, но и философских идей, раскрывающих внутреннюю

¹³⁶ Радегаст Паролек (чешский учёный, переводчик, педагог; специалист в области баллистики и русистики) внёс свой вклад в изучение и анализ творчества Достоевского, выделив три основных периода: 1) самый утопический и прогрессивный период. Очевиден интерес писателя к психопатологии и отклонениям. Писатель идеализирует христианское смирение. Все аспекты выступают как вторичные факторы в произведениях этого периода («Двойник», «Хозяйка»); 2) Этот период приходится на 1850-е годы, и в творчестве писателя характеризуется поисками новой перспективы, духовностью, склонностью к мистицизму и фанатизму, подкреплёнными манифестирующей эпилепсией; 3) период после 1861 года (среди прочего, исторически переломный год, связанный с отменой крепостного права в России) – это решающий период. Синтеза всех взглядов на человека и общество автор достигает в «Братьях Карамазовых», где стремление создать целостную концепцию собственного произведения (человека и общества в нем) достигает своей кульминации. (См.: PAROLEK, R. (1964). *F. M. Dostojevskij*, s. 34 – 62).

¹³⁷ PAROLEK, R. (1964). *F. M. Dostojevskij*, s. 67 – 68.

¹³⁸ См.: ПЕТРУШИН, А. (2018). Анализ истории болезни пациента Р.Р. Раскольникова. In *Mundo Eslavo*.

Внутренний мир литературных героинь Ф.М. Достоевского...

драму личности, разрыв между моралью, верой и сознанием. Погружая читателя в мир психологических крайностей, писатель показывает, что граница между безумием и нормой, грехом и раскаянием тонка и нестабильна, а истинное понимание человека возможно лишь через страдание, внутренний кризис и поиски истины. Патологическое в текстах Достоевского утрачивает сугубо медицинский статус, но одновременно с этим автор точно описывает диагнозы, получившие научную характеристику лишь спустя время.

Психо(пато)логия женских персонажей Ф.М. Достоевского

Творчество Фёдора Михайловича Достоевского представляет собой уникальное явление в мировой литературе, в котором художественное мышление сопряжено с глубочайшим психологическим анализом. Особое место в его романах занимают женские образы – не только как героини повествования, но и как зеркала нравственных, религиозных и философских исканий писателя. Психология женщины у Достоевского – это не просто часть сюжетной структуры, а самостоятельный пласт художественной реальности, наделённый глубиной, внутренними противоречиями и значимой метафизической нагрузкой.

Вопрос психологии женских персонажей у Достоевского остаётся важной, но недостаточно изученной областью. Многие исследователи касались отдельных героинь (Настасья Филипповны, Сони Мармеладовой, Лизы из «Бесов», Грушеньки из «Братьев Карамазовых» и др.), однако системного анализа внутренней логики их поступков, эмоциональных состояний, а также их психики до сих пор не проводилось в полной мере. Рассматривая черты женских персонажей, художественно воплотившихся Ф.М. Достоевским в своем романе «Братья Карамазовы», Макаричева констатирует: «Его "мужскому" писательскому взгляду оказались доступны нюансы женской психологии и женской душевной жизни. То, что для автора этот аспект женских характеров представлял особый интерес, свидетельствует все предшествующее творчество»¹³⁹.

Тема психологии женских персонажей не так распространена и в словацком литературоведении. Восприятие Достоевского в словацкой культуре и национальном литературном пространстве было довольно сложным. В журнале *Orol Tatranský* в 1847 году мы находим первое упоминание об авторе, на которое ссылаются многие словацкие литературоведы.¹⁴⁰

¹³⁹ МАКАРИЧЕВА, Н.А. (2023). Психологические особенности женского конфликта в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского. In *Вестник МАСИ*, с.75.

¹⁴⁰ См. Журнал «*Orol Tatranský*», 1847, 5 ноября (автор текста не указан): «В России очень понравился роман “Бедные люди” петербургского писателя Ф.М. Достоевского. Русская критика сравнивает его с “Вертером” Гёте и предсказывает автору большую славу, чем Гоголю, выдающемуся повествователю».

Интерес к изучению творчества Достоевского в Словакии положили такие ученые, как М. Антош¹⁴¹, Я. Копаничак¹⁴² и М. Ковачова¹⁴³. Существенный вклад в изучение творчества Достоевского в словацкой рецепции принадлежит профессору Н. Муранской¹⁴⁴. В одной из своих статей она продолжает исследование А. Червеняка¹⁴⁵ и обозревает несколько рецептивных периодов¹⁴⁶ творчества Достоевского в словацкой литературе и культуре. Первый период можно датировать 1918 годом, когда влияние Достоевского на словацких авторов (С.Г. Ваянского, М. Кукучина и других) было обширным. Ваянский был очарован способностью Достоевского проникнуть в социально-идеологическую и политическую сущность мира и человека, Кукучин восхищался Достоевским на протяжении всей своей жизни. В этот период наиболее влиятельным аспектом восприятия было социально-гуманистическое содержание творчества Достоевского. В межвоенный период словацкие авторы по-другому смотрели на Достоевского: делали акцент на инстинктивность и природный аспект человеческого бытия в его творчестве, а также

¹⁴¹ См.: ANTOŠ, M. (2009). *Dostojevskij na Slovensku*.

¹⁴² См.: KOPANIČÁK, J. (1994). *Dostojevskij a dnešok*.

¹⁴³ См.: KOVÁČOVÁ, M. (2007). Veľký inkvizítor v dobre. In: *Dostojevskij a dnešok*, s. 84 – 93.

¹⁴⁴ Следует также отметить ее редакторскую деятельность в области словацкого достоевсковедения: *Dostojevskij a dnešok* (2007) или *Tragédia doby, človeka, literatúry* (2011), что подчеркивает интерес к Достоевскому в литературоведении Словакии: в упомянутых сборниках опубликовали свои работы более 20 ученых, пишущих о Ф.М. Достоевском (Яник, Поспишил, Паучова, Репонь, Кузмова, Ковачова, Сипко и другие).

¹⁴⁵ В словацкой среде наиболее обширный список работ о Достоевском составляет библиография проф. А. Червеняка, который отмечает, что «встречи» с Достоевским отличались большой эмоциональностью и оставляли глубокий след в психике человека. Таким образом, создается предположение, что Достоевский существовал и существует как глубинный элемент в психических структурах и творчестве словацких авторов (См.: Červeňák, 2002, s. 119). По крайней мере в Европе не зарегистрировано такого количества работ об одном авторе (Ф.М. Достоевском) в рамках одной страны. Кроме цитируемых в тексте, см. также работы: ČERVENÁK, A. (1970). Problémy a perspektívy poznávania života a diela F. M. Dostojevského. In *Slavica Slovaca*, roč. 5, č. 2, s. 130 – 140; ČERVENÁK, A. (1999). *Dostojevského sny*. Pezinok: Fischer & TypoSet, 199 s.; ČERVENÁK, A. (2001). *Človek a text*. Nitra: Katedra rusistiky FF UKF v Nitre, 251 s.; ČERVENÁK, A. (2007). DOSTOJEVSKIJ Fiodor Michajlovič. In: *Slovník ruskej literatúry 11. – 20. storočia*. Bratislava: VEDA, s. 137 – 140; ČERVENÁK, A. (2009). *Reminiscencie esteticko-antropologické*. Nitra: FF UKF v Nitre, Spolok slovenských spisovateľov a Klub Fjoroda Michajloviča Dostojevského, 168 s.; и др.

¹⁴⁶ Первые три периода выделяет А. Червеняк, а четвертый, который характеризуется комплексной научной работой А. Червеняка, дополняет Н. Муранская.

представление подсознания таких персонажей, как Голядкин («Двойник») или Свидригайлов («Преступление и наказание»). Словацкие модернисты (Й. Ц. Гронский, Мило Урбан и другие), напротив, видели в творчестве писателя иррациональность и мистичность, присущие только ему. В предпоследний этап, период после 1945 года, отмечено влияние идеологии Достоевского на творчество словацких авторов (В. Минача, П. Яроша и др.). Интерес к творчеству Достоевского со стороны литературоведов не проходит и в настоящее время. В качестве последнего этапа можно выделить период после 1986 года, когда, по словам Муранской, речь идет о «периоде научно обоснованного систематического изучения творчества Достоевского А. Червеньяком (1986 – год издания его первой монографии о Достоевском в Словакии)»¹⁴⁷.

Однако в словацком достоевковедении тема женских персонажей практически не затрагивается, и их внутренним страданиям (сформированным окружающей средой) и экзистенциальному напряжению уделено крайне мало внимания. Наиболее глубоко эту проблематику изучает А. Червеньяк, который отмечает, что чувственность и страсть были не только темой литературного наследия Ф.М. Достоевского, но и темой его судьбы. В его жизни значительное влияние оказывали три женщины – М. Исаева, А.В. Корвин-Круковская и А. Суслова. Интересным наблюдением является то, что А.Г. Сниткина (Достоевская)¹⁴⁸ не входит в их число, поскольку для него она значила гораздо больше – семью, и поэтому исчезла страсть по отношению к ней со стороны писателя. Другие три были лишь страстью Достоевского. Черты Исаевой нашли отражение в образах таких персонажей, как Екатерина Мармеладова («Преступление и наказание») и Екатерина Ивановна («Братья Карамазовы»), составляющих группу деспотичных и болезненных героинь. Черты Сусловой воплотились в образах Полины («Белые ночи») и Настасьи Филипповны («Идиот»),

¹⁴⁷ MURÁNSKA, N. (2020). Творчество Ф.М. Достоевского в словацком культурном пространстве. In: *Творчество Ф.М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации*, с. 84 – 86.

¹⁴⁸ См. мемуары А. Достоевской: ДОСТОЕВСКАЯ, А.Г. (2018). *Мой муж – Федор Достоевский: Жизнь в тени гения*; DOSTOJEVSKÁ, A. G. (1981). *Život s Dostojevským*.

входящих в группу деспотичных и эротически привлекательных героинь. Черты Корвин-Крюковской можно найти в образах Дуни («Преступление и наказание») и Аглаи («Идиот») – деспотичных и строго чистых персонажей.¹⁴⁹ Наше же исследование сосредоточено на изучении других четырёх женских персонажей – Катерины, Нечки Незвановой, Антонины Васильевны и Кроткой.¹⁵⁰

Катерина – жертва травмы («Хозяйка»)

«Хозяйка» – повесть Достоевского 1847 года, в которой переплетаются жизни героев – мечтателя Ордынова, Катерины и ее мужа Мурина. В этом произведении писатель «осуществляет художественный переход в сферу социальных грез своего сознания и сознания героя и почти разрывает связь с логически идентифицируемой реальностью»¹⁵¹.

Данное произведение может изучаться с разных позиций. Так, российский философ И.И. Евлампиев рассматривает произведение с точки зрения религии и философии,¹⁵² российский литературовед М.В. Михайлова видит в образе Катерины возможность для исследования аспектов магического реализма в творчестве Достоевского¹⁵³. В основе нашего исследования лежит психодиагностический подход, применение которого будет показано на анализе ключевых отрывков текста произведения.

Молодой «художник в науке» Ордынов снимает комнату у загадочной пары – старика Мурина и его молодой жены Катерины. Ордынов влюбляется в Катерину и постепенно понимает, что она находится под странной, почти манипулятивной властью Мурина, который сочетает в себе черты сектанта, тирана и «темного»

¹⁴⁹ ČERVENÁK, A. (1991). *Tajomstvo Dostojevského*, s. 92 – 93.

¹⁵⁰ Все цитаты, приведенные далее, даны без изменений, поэтому в некоторых из них могут наблюдаться случаи отклонения от норм современного русского литературного языка.

¹⁵¹ ČERVENÁK, A. (1991). *Tajomstvo Dostojevského*, s. 20.

¹⁵² См.: ЕВЛАМПИЕВ, И.И. (2009). Первый опыт религиозно-философских исканий в творчестве Ф. Достоевского (повесть «Хозяйка»). In *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология»*.

¹⁵³ См.: МИХАЙЛОВА, М.В. (2021). Мистический символизм художественного пространства текстов Ф.М. Достоевского (на примере повести «Хозяйка»). In *Язык и текст*.

народного мудреца. Попытка Ордынова освободить Катерину и спасти её любовью заканчивается неудачей: он оказывается слабым и беспомощным перед силой Мурина и внутренней зависимостью самой женщины. В итоге Ордынов заболевает и уезжает, а Катерина остаётся с Муриным, словно не в силах вырваться из этого плена.

В представленной истории явно описано болезненное состояние пожилого чудака, мистика, мужа Катерины – Мурина: «Кто ж те знал, что на тебя тоже находит чёрная немочь? А со мною случается, – прибавил он хриплым, болезненным голосом, хмурия брови свои <...> – Болен я, **припадок находит** <...> – Садись же, садись! – крикнул старик в нетерпении. <...> **Он сам не мог понять, что с ним делается**, рассудок отказывался служить ему. <...> Старик был ещё бледнее Ордынова и, казалось, **едва стоял на ногах от болезни**»¹⁵⁴. В представленных примерах отчетливо прослеживается болезненное состояние Мурина. У Ордынова наблюдается определенная форма возбуждения, в его поведении нет четко поставленной цели: «Теперь он ходил по улицам, **как отчужденный**, как отшельник, **внезапно вышедший из своей немой пустыни в шумный и гремящий город**. Всё ему казалось ново и странно. Но он до того **был чужд** тому миру, который кипел и грохотал кругом него, что даже не подумал удивиться своему **странному ощущению**. Он как будто не замечал своего дикарства; напротив, в нём родилось **какое-то радостное чувство**, какое-то охмеление»¹⁵⁵ и т. д. Однако, стоит признать, что наше исследование посвящено имплицитным и эксплицитным симптомам болезни у Катерины, а также результатам ее отношений с Мурином или Ордыновым, а не заболеваниям Ордынова или Мурина.

Для развития самой истории важен момент первой встречи Катерины с Ордыновым. Когда главный герой зашел в храм, он впервые увидел Катерину: «**В припадке** глубоко волнующей тоски и какого-то подавленного чувства Ордынов прислонился к стене в самом темном углу церкви и **забылся на мгновение**.

¹⁵⁴ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1972). Хозяйка. In: *Полное собрание сочинений в 30 тт.*, с. 304 – 311.

¹⁵⁵ Там же, с. 266.

Он очнулся, <...> поднял глаза, и какое-то невыразимое любопытство овладело им при взгляде на двух пришельцев. Это были старик и молодая женщина. Женщина была лет двадцати и чудно прекрасна. **Она шла, потупив глаза, и какая-то задумчивая важность, резко и печально отражалась на сладостном контуре детски нежных и кротких линий лица её. Что-то странное было в этой неожиданной паре»**¹⁵⁶. Ордынов был рассеян, и его внимание подсознательно привлекала уединенная жизнь. Когда он увидел Катерину с ее пожилым мужем, он почувствовал в них что-то необычное, что привлекло его внимание. Достоевский описывает, как Ордынова очаровало ее кроткое лицо.

В описаниях главной героини – Катерины – видны симптомы посттравматического стрессового расстройства, или последствий травмы, когда она была вынуждена покинуть свой дом с незнакомым мужчиной, семейная фабрика сгорела, а родители умерли.

Посттравматическое стрессовое расстройство представляет собой реакцию либо на однократную травму, либо на длительную стрессовую ситуацию¹⁵⁷ и определяется как психическая травма, остро возникшая ситуация, которая оказывает сильное негативное влияние на человека. Индивид испытывает страх и печаль, его переживания и мышление в основном нарушены. Последствия травмы проявляются и в поведении человека¹⁵⁸. Словацкий психолог Черешник добавляет, что если наступает так называемая фаза эмоциональной оцепенелости, то за ней следует фаза агрессивного поведения¹⁵⁹. Маеркер отмечает разницу между травмой в детстве и во взрослом возрасте: травматизация ребенка¹⁶⁰ имеет гораздо более выраженные и длительные последствия¹⁶¹.

К проявлениям посттравматических расстройств относятся: дезинтеграция психологических функций (расхождение эмоцио-

¹⁵⁶ Там же, с. 267 – 268.

¹⁵⁷ VÁGNEROVÁ, M. (2014). *Současná psychopatologie pro pomáhající profese*, s. 399.

¹⁵⁸ Там же, с. 42.

¹⁵⁹ ČEREŠNÍK, M. (2017). *Psychopatológia a patopsychológia*, s. 44.

¹⁶⁰ Можно проследить аналогию с героиней произведения: Катерина была молода, когда в их доме произошло несчастье, которое привело к усугублению травмы, оставшейся с ней на всю жизнь.

¹⁶¹ MAERCKER, A. (2020). *Psychická trauma a poruchy po traume*, s. 9.

нальных и когнитивных аспектов личности), нарушение эмоционального переживания (эмоциональное уплощение или, наоборот, аффективные реакции), деперсонализация и дереализация¹⁶² (неспособность идентифицировать себя с собственной личностью, восприятие окружающего как чужого), диссоциативная дисмнезия или амнезия (реакция и защитный механизм, направленный на предотвращение воспоминаний о травмирующей ситуации) и чрезмерная активация (организм способен к острому реагированию).¹⁶³ Помимо этого, пострадавшие могут погружаться в воспоминания о травматическом опыте, таким образом они мысленно возвращаются в прошлое.¹⁶⁴

Посттравматическое стрессовое расстройство возникает как отсроченная реакция на сильный стрессовый, представляющий опасность объект или ситуацию. Для этого расстройства характерны периодические возвращения к травматическим событиям в воспоминаниях, снах или кошмарах. Отмечаются эмоциональная апатия, асоциальность, отсутствие или снижение активности. Могут наблюдаться бессонница, неадекватные реакции на ситуации, тревога и депрессия; заболевание обычно протекает волнообразно. Симптомы должны исчезнуть в течение нескольких месяцев. В ином случае диагностическое исследование направлено на выявление травматического невроза, то есть стойких изменений личности после пережитой ситуации. Посттравматическое стрессовое расстройство может предшествовать травматическому неврозу, которое характеризуется враждебным и недоверчивым поведением по отношению к окружающим, социальной замкнутостью, стойким чувством безнадежности, ощущением маргинализации и постоянной угрозы. Основным признаком диагностики данного расстройства является то, что изменения личности происходят после катастроф, нахождения в концлагере,

¹⁶² Деперсонализация и дереализация, наряду с психогенной амнезией (т. е. тремя из пяти вышеупомянутых категорий проявлений посттравматических расстройств), упоминаются в специализированной литературе как последствия травматических и стрессовых ситуаций у взрослых людей (См. тоже: MAERCKER, A. (2020). *Psychická trauma a poruchy po traume*. s. 36).

¹⁶³ VÁGNEROVÁ, M. (2014). *Současná psychopatologie pro pomáhající profese*, s. 402.

¹⁶⁴ Там же, s. 404.

длительного воздействия патологического явления, пребывания в плену под страхом смерти, пыток или ситуаций, непосредственно угрожающих жизни.¹⁶⁵ В случае с Катериной посттравматическое стрессовое расстройство наблюдается в результате катастрофы и длительного пребывания в патологических отношениях.

В тот момент, когда Катерина почувствовала доверие к Ордынову и хотела рассказать ему о своей травме, она не смогла сдерживать страх и плач (реакция на ситуацию на социальном уровне) и почувствовала приближение лихорадки (реакция на биологическом уровне). Признание заняло больше времени, поскольку Катерина все еще не могла до конца «открыться» Ордынову, что усиливало неприятные ощущения: «<...> **я не спала <...> Сон и не шёл ко мне.** Он всё молчал и только раз позвал меня <...> **мне стало страшно;** он не просыпался и не слышал меня. Он в тяжелом недуге, подай господь ему помощи! Тогда **мне на сердце стала тоска** западать, горькая тоска! Я ж всё молилась, всё молилась, и вот это и нашло на меня»¹⁶⁶. Катерина сама признает, что страх неоднократно обездвиживает ее: «Это ты вчера **испугалась.** Бывает это с тобою другой раз? – Да, бывает. – И **она вся задрожала** и опять **в испуге стала прижиматься к нему, как дитя.** – Видишь, – сказала она, прерывая рыдания, – я не напрасно пришла к тебе, не напрасно, **тяжело было одной**»¹⁶⁷. У Катерины наблюдается бессонница как один из основных симптомов посттравматического расстройства¹⁶⁸. Кроме того, мы отмечаем тремор, который является одной из естественных реакций в виде страха¹⁶⁹ и тревоги.¹⁷⁰ Также

¹⁶⁵ См. мануал МКБ-10: WHO, ÚSTAV ZDRAVOTNICKÝCH INFORMACÍ A STATISTIKY ČR, (2024). 10. revize *Mezinárodní klasifikace nemocí*; WHO. *International Classification of Diseases 11th Revision*.

¹⁶⁶ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1972). Хозяйка. In: *Полное собрание сочинений в 30 тт.*, с. 290.

¹⁶⁷ Там же, с. 290.

¹⁶⁸ Ср. VÁGNEROVÁ, M. (2014). *Současná psychopatologie pro pomáhající profese*, s. 406.

¹⁶⁹ Страх и тревога, выступая ключевыми мотивационными факторами поведения, провоцируют атаку или бегство. Несмотря на различия, между ними нет четкой границы: эти эмоции дополняют друг друга и могут перетекать одна в другую. В психологии выделяют три аспекта характеристики страха и тревоги – интроспективный, физиологический, экстраспективный (См.: Vymětal, 2004, s. 11 – 13; Čerešník, 2017, s. 44). Новак и Ласкова указывают на типичные психические и физиологические симптомы тревоги: дрожь, бессонница, мышечное напряжение, побледнение и покраснение, потливость и другие (См.: Novák, Lásková, 2016, s. 56).

¹⁷⁰ Ср. ГАСЕМИ, Д.А. (2023). Тревога и тревожность: причины, симптомы, влияние на организм. In АНО «НИИДПО».

наблюдаются легкие проявления инфантильности и повышенной эмоциональной реактивности, хотя она уговаривала Ордынова воспринимать ее как сестру, а не как любовь всей жизни: «Слушай, что я скажу тебе, – говорила она **голосом, пронзающим сердце**, сжав его руки в своих руках, усиливаясь подавить свои рыдания. **Ты укроти своё сердце и не люби меня** так, как теперь полюбил. Тебе легче будет, сердцу станет легче и радостнее <...> **Голос её замер в судорожном, страстном рыдании, грудь волновалась глубоко, и лицо вспыхнуло, как заря вечерняя**»¹⁷¹. Очевидны биологические проявления – проблемы с голосом, плач, одышка и покраснение лица.

Интровертность Катерины и ее страх мешают ей полностью довериться, но постепенно она пытается рассказать Ордынову о своей жизненной травме. Все это сопровождается различными патологическими проявлениями: «Тут голос его снова иссяк, и он склонил голову. Но когда поднял глаза, то немой ужас оледенил его всего разом и волосы встали дыбом на голове его. Катерина сидела **бледная как полотно. Она неподвижно смотрела в воздух, губы её были сини, как у мёртвой, и глаза заволоклись немой, мучительной мукой.** Она медленно привсталала, ступила два шага и с **пронзительным воплем упала** пред образом. Отрывистые несвязные слова вырывались из груди ее. Она **лишилась чувств.** Ордынов, весь потрясенный страхом, поднял её и донёс до своей кровати; он стоял над нею, не помня себя. Спустя минуту она открыла глаза, привлекла его к себе, **сидела что-то прошептала всё ещё бледными губами, но голос всё еще изменял ей.** Наконец она **разразилась градом слёз**»¹⁷². Катерина бледная, отрешенная, ее губы посинели, она не может ходить (физиологические симптомы), ее эмоциональное состояние нестабильно, страх полностью парализует ее, наблюдается частичное проявление так называемой *Aphrasia voluntaria*¹⁷³ (психические симптомы, частично переходящие в социальную плоскость).

¹⁷¹ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1972). Хозяйка. In: *Полное собрание сочинений в 30 тт.*, с. 291.

¹⁷² Там же, с. 292.

¹⁷³ См. здесь и выше. Речь идет о нарушении динамики мышления, когда человек молчит осознанно (Ср. Čerešník, 2017, s. 18). На основании текста невозможно определить, насколько ее речь парализована страхом.

Размышления главной героини носят излишне негативный и упрощенный характер: **«Тяжело, тяжело мне теперь, час мой приходит последний!** – проговорила она наконец, тоскуя **в безвыходной муке.** Она силилась еще что-то проговорить, но **окостенелый язык** ее не мог произнести ни одного слова. Наконец он услышал, как она прошептала явственно: – **Я испорчена, меня испортили, погубили меня!** Ордынов поднял голову и с диким изумлением взглянул на нее. Катерина видела судорожное, болезненное сжатие его лица. – **Да! испортили, меня испортил злой человек.** – он, **погубитель мой!..** Я душу ему продала... Зачем, зачем об родной ты помянул? Через минуту она тихо заплакала; <...> шептала она **сдерживаемым, таинственным голосом,** – **что когда умрёт, то придёт за моей грешной душой. Он говорит, что я сделала смертный грех»**¹⁷⁴. У Катерины наблюдается выраженная эмоциональная нестабильность, у нее нарушено восприятие, что отражается в ее поведении. Она чувствует себя обреченной. У Ордынова же реакция на ситуацию носит преимущественно психический и эмоциональный характер.

Катерина находится в постоянных токсичных отношениях¹⁷⁵, что негативно сказывается на ее личности и усугубляет последствия ее травматического невроза: **«Ты не знаешь ничего, ничего!** – говорила она, крепко сжимая его руки. – Я такая всегда! Я всё боюсь. Иной раз он просто своими словами меня заговаривает, другой раз берет свою книгу, самую большую, и читает надо мной. <...> Я не знаю что и понимаю не всякое слово; но **меня берёт страх,** и когда я вслушиваюсь в его голос, то словно это не он говорит, а кто-то другой, **недобрый** <...> **Не ходи к нему! Зачем же ты ходишь к нему?** – говорил Ордынов, едва сознавая слова свои. – **Зачем я к тебе пришла?** Спроси – тоже не знаю»¹⁷⁶. Катерина находится под столь сильным влиянием ситуации и посттравматического состояния, что в ее внутреннем мире происходит разлад на эмоциональном и когнитивном уровнях.

¹⁷⁴ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1972). Хозяйка. In: *Полное собрание сочинений в 30 тт.*, с. 292 – 293.

¹⁷⁵ О проблематике токсичных отношений см. подробнее в параграфе о «Неточке Незвановой».

¹⁷⁶ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1972). Хозяйка. In: *Полное собрание сочинений в 30 тт.*, с. 293.

Главная героиня также испытывает проблемы со сном: «<...> по целым часам; часто и сон меня клонит; но страх всё будит, всё будит меня, и мне всё чудится тогда, что гроза кругом меня собирается, что худо мне будет, что разорвут и затерзают меня недобрые, что не замолить мне угодников и что не спасут они меня от лютого горя. Вся душа разрывается, словно распаяться всё тело хочет от слёз. <...> Тогда я встаю и отхожу на сон, как убитая; иной раз и засну на полу, на коленях пред иконой. Тогда, случится, он проснется, подзовет меня, начнет меня голубить, ласкать, утешать, и тогда уж мне и легче становится, и приди хоть какая беда, я уж с ним не боюсь»¹⁷⁷.

Основной причиной частичного проявления бессонницы является страх, связанный с текущими отношениями. Важно отметить, что муж Катерины тесно связан с ее детской травмой, что еще больше усугубляет дезорганизацию психической структуры. Мурин манипулирует Катериной – напоминает ей, что она грешница, что она виновата в своих прошлых поступках, но всегда утешает ее, когда она боится, укрепляя тем самым ее привязанность к нему. На основании актуального эмоционального состояния она вспоминает травматический опыт из прошлого и начинает описывать его Ордынову: «Катерина страшно побледнела. Она смотрела на него, как приговоренная к смерти, не чая помилования. – Меня?.. я дочь проклятая, я душегубка; меня мать прокляла! Я родную мать загубила! Он чувствовал, как судорожная дрожь пробежала по всему ее телу, и, казалось, душа её расставалась с телом. – Я её в сырую землю зарыла, – говорила она вся в тревоге своих воспоминаний, вся в видениях своего безвозвратно прошедшего, – я давно хотела говорить, он всё заказывал мне молением, укором и словом гневливым, а порой сам на меня же подымет тоску мою, точно мой враг и супостат. А мне всё, – как и теперь ночью, – всё приходит на ум. Это давно уже было, очень давно, я и не помню когда, а всё как будто вчера передо мною, словно сон вчерашний, что сосал мне сердце всю ночь»¹⁷⁸. Воспоминания

¹⁷⁷ Там же, с. 293 – 294.

¹⁷⁸ Там же, с. 294.

о травматическом событии сказываются как на психике героини (эмоциональная полярность, различные аффективные проявления), так и на физиологическом (обморок, бледность, сердцебиение) уровне.

В описаниях биологического уровня бытия человека Достоевский часто упоминает кровь (например, в «Двойнике» при описании внутреннего напряжения главного героя используют словосочетания с лексемой *кровь*: «<...> кровь бросилась в голову господина Голядкина <...>»; «<...> кровь горячим ключом била ему в голову <...>» и т. д.)¹⁷⁹. Этот компонент также присутствует и в «Хозяйке»: **«Рассказ её был бессвязен, в словах слышалась буря душевная, но Ордынов всё понимал, затем что жизнь ее стала его жизнью, горе её в каждом её слове и как будто с неистощимой силой давил его сердце и ругался над его злобой. Кровь его волновалась, заливала сердце и путала мысли. Злой старик его сна (в это верил Ордынов) был въявь перед ним. – Вот такая же ночь была, – начала говорить Катерина, – только грознее, и ветер выл по нашему лесу, как никогда еще не удавалось мне слышать или уж в эту ночь началась погибель моя!»**¹⁸⁰. Мысли Катерины казались беспорядочными, речь – бессвязной. В описании Достоевского ее эмоциональное состояние (кровь бурно прилиwała к сердцу)¹⁸¹ сочетается с когнитивным диссонансом (смятением).

Катерина подробно вспоминает травматическое событие: «Мы с матушкой сидели одни, я дремала, она об чём-то грустила и горько плакала <...> Она только что хворала, была бледна <...>

¹⁷⁹ См. статью: ЛЕКЕШ, П. (2025). Господин Голядкин и его двойник: история шизофреника в ракурсе современной психологии. In *Przegląd Rusycystyczny*.

¹⁸⁰ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1972). Хозяйка. In: *Полное собрание сочинений в 30 тт.*, с. 294.

¹⁸¹ Стоит упомянуть, что в истории известны различные лечебные методы, при которых кровь рассматривалась как целебная жидкость. Ею лечили, например, эпилепсию (см. интервью с историком Тünde Лендьеловой (PhDr. Tünde Lengyelová, CSc.), в медицинском журнале *InVitro*. Доступ: https://issuu.com/alphamedicalinvitro/docs/invitro-4-2016_issuu); компонент *сердце* является воплощением различных аспектов человеческой психики – оно передает эмоциональность, прежде всего ассоциируется с любовью; в архетипической психологии является источником энергии; в арт-терапии *сердце* может символизировать необходимость изменения направления своей жизни, сместив акцент на более важные аспекты жизни (см. например: SEDLÁKOVÁ, A. (2016). *Arteterapia a svet výtvarných odpovědí*, s. 30). Помимо этого, необходимо пояснить, что мы обращаем внимание на значение крови и сердца, поскольку в текстах Достоевского эти образы (кровь, сердце, кровь, заливающая сердце, голову или даже все тело) встречаются достаточно часто.

Вдруг слышен в полночь стук у ворот; я вскочила, кровь залила мне сердце; матушка вскрикнула...я не взглянула на неё, **я боялась**, взяла фонарь, пошла сама отпирать ворота... Это был *он*! Мне стало **страшно**, затем что мне всегда страшно было, как он приходил, и с самого детства так было, как только память во мне родилась. <...> Катерина провела рукою по лицу, как будто **что-то гнело и давило её**»¹⁸². В то время, когда происходили описанные события, в Катерине преобладали страх как психическое проявление и негативные эмоции, связанные непосредственно с человеком, который пришел, а на биологическом уровне это снова отразилось в виде ощущения крови, заливающей сердце. Достоевский актуализирует воспоминание, потому что это событие резонирует с более ранним травматическим опытом.

Во время упомянутого события Катерина была не просто наблюдателем, она буквально оказалась втянутой в эмоционально напряженную ситуацию. Мужчина, от которого она защищала себя и мать, ударил ее: «<...> вижу, **он за нож хватается**, а уж не один раз, с недавнего времени, **он при мне за нож хватался**, когда с матерью говорил. **Я встала и схватилась за его пояс, хотела у него нож его вырвать нечистый**. Он скрипнул зубами, **вскрикнул и хотел меня отбить – в грудь ударил**, да не оттолкнул. **Я думала, тут и умру, глаза заволокло, падаю наземь – да не вскрикнула**. Смотрю, сколько сил было видеть, снимает он пояс, засучивает руку, которой **ударил меня, нож вынимает, мне дает. Я нож отложила: кровь меня душить начала**, на него не глянула, помню, усмехнулась, <...>, а у самой смех с губ не сходит бесстыдный; а мать сидит бледная, мёртвая»¹⁸³. Катерина находилась в состоянии, когда ожидала фатального исхода, который в конечном итоге не наступил. Она чувствовала, как будто кровь застряла у нее в горле, и перед глазами потемнело, когда она упала на землю. Возбужденное эмоциональное состояние проявилось на биологическом (физиологическом) уровне.

Еще одна напряженная ситуация сложилась, когда упомянутый

¹⁸² ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1972). Хозяйка. In: *Полное собрание сочинений в 30 тт.*, с. 295.

¹⁸³ Там же, с. 295.

мужчина ворвался через окно в комнату Катерины. Ей пришлось выбирать между нездоровой семейной обстановкой, домом, который уже не был домом, и человеком, которого сам автор назвал нечистым, дьяволом. К тому же она знала, что ее отец мертв: **«Я почуяла сердцем в тот час, что дома у нас нездорово. Вот ждём, прошла ночь, тоже бурная, выюжная, и тревога мне в душу запала. Отворила я окно – горит лицо, плачут очи, жжет сердце неугомонное; сама как в огне: туман мне на душу запал, разум смутил, слышу, стучат в окно: “Отвори!” Смотрю, человек в окно по веревке вскарабкался. Я стала в угол и сама знаю, как вся побледнела»**¹⁸⁴.

В воспоминаниях описан в первую очередь биологический симптом – страх как реакция на психическое состояние. Какая-то внутренняя сила заставила Катерину впустить мужчину внутрь: **«<...> и сама не знаю, как его нечистая речь в моё сердце дошла. “Пусти ж меня, красная девица“ <...> Я вся дрожу, стучу зубом об зуб, а сердце словно железо каленое. Пошла, дверь ему отворила, впустила в дом, только на пороге через силу промолвила она то вздрагивала, как лист, и бледнела, то кровь всходила ей в голову, и теперь, когда она остановилась, щеки ее пылали огнем, глаза блистали сквозь слёзы, и тяжелое, прерывистое дыхание колебало грудь ее. Но вдруг она опять побледнела, и голос ее упал, задрожав тревожно и грустно»**¹⁸⁵. Достоевский снова описывает состояние Катерины через физиологические и анатомические проявления страха (бледность, дрожь, ощущение чрезмерного жара, прерывистое дыхание, ощущение прилива крови и т. д.). Социальные признаки трактуются как неспособность выразить свое мнение и преодолеть определенные социальные барьеры, обусловленные страхом и тревогой. Катерина, вспоминая травмирующие события, на некоторое время прервала свой рассказ. Взгляд Ордынова еще больше усугублял неприятные ощущения: **«Тут глубокое волнение прервало было рассказ Катерины; она перевела дух, усмехнулась**

¹⁸⁴ Там же, с. 296.

¹⁸⁵ Там же, с. 297.

новой думе своей и хотела было продолжать, но вдруг сверкающий взгляд ее встретил воспаленный, прикованный к ней взгляд Ордынова. Она **вздрагнула, хотела было что-то сказать, но кровь залила ей лицо.** Словно в беспамятстве закрылась она руками и **бросилась лицом на подушки.** Всё потряслось в Ордынове!»¹⁸⁶. Автор также раскрывает переживания Ордынова, слушавшего всю историю.

Катерина снова начала рассказывать о своей печали, страхе – травме: «Ах, не в том **моё горе,** – сказала Катерина, вдруг приподняв свою голову, – что я тебе говорила теперь; не в том мое горе, **тогда как вся душа ее разрывалась от затаившихся, безвыходных слёз,** – не в том мое горе, не в том **мука, забота моя!** <...> что мне до родимой моей, хоть и не нажить мне на всем свете другой родной матушки! что мне до того, **что прокляла она меня в час свой тяжелый, последний!** А то мне **горько и рвет мне сердце,** что я рабыня его опозоренная, что позор и **стыд мой самой, бесстыдной,** мне люб, что люблю жадному сердцу и **вспоминать своё горе, словно радость и счастье,** – в том **моё горе, что нет силы в нём и нет гнева за обиду свою!** Судорожное, истерическое рыдание пресекло слова её. Горячее, порывистое дыхание палило ее **губы, грудь подымалась и опускалась глубоко**»¹⁸⁷. В дальнейших описаниях Достоевский опирается скорее на душевную сторону и внутренние переживания героини, чем на внешние биологические проявления, хотя и они присутствуют (затрудненное дыхание). Катерина испытывает чувство стыда, тревогу и печаль, находится в состоянии, близком к рабству.

Возвращаясь к токсичному отношению Катерины к мужу, по описаниям очевидно сильное напряжение: «Одушевление ее росло всё более и более до последнего слова, как **вдруг её голос пресекался от волнения, будто какой-то вихрь увлекал её сердце.** Слышно было, как **злая насмешка змеилась и пряталась в каждом слове** ее, но **как будто плач звенел в её смехе.** Она наклонилась через стол к старику и пристально, с **жадным вниманием смотрела**

¹⁸⁶ Там же, с. 299.

¹⁸⁷ Там же, с. 299.

в помутившиеся глаза его»¹⁸⁸. Сложные чувства и переживания вызывают в Катерине перемены настроения, ее эмоциональные реакции носят лабильный характер. Достоевский описывает героиню как страстную и одновременно боязливую, инфантильную и полную ненависти. Эмоциональные состояния писатель снова связывает с сердцем, которое находилось под влиянием динамики эмоций.

В поведении Мурина по отношению к Катерине прослеживаются проявления не скрытой манипуляции, а прямого давления: **«Наливай, Катерина! – вскричал он. – Наливай ещё злая дочка, наливай до упаду! <...> старик не дал ей кончить; он схватил её за руку, как бы не в силах более сдержать всего, что теснилось в груди его. Лицо его было бледно; глаза то мутились, то вспыхивали ярким огнём; побелевшие губы дрожали. <...> – Катерина, налей, голубица»**¹⁸⁹ **моя <...> Наливай, наливай мне ещё Катерина!»**¹⁹⁰. Судя по описанным симптомам, очевидно, что во внутреннем мире Катерины происходит конфликт, который внешне проявляется в виде бледности, а гнев выражается невербально. Ордынцев не мог смотреть на патологические отношения Мурина и Катерины: **«<...> вышел как полоумный. Он не мог вынести более; он был как убитый; сознание его цепенело. Он глухо чувствовал, что его душит болезнь, но холодное отчаяние воцарилось в душе его <...> Ему хотелось умереть в эту минуту <...>»**¹⁹¹. Причину его состояния мы видим скорее в социальной окостенелости: он не может справиться ни со своим психическим состоянием, ни с установленными правилами, ни с социальными отношениями (между Мурином и Катериной), к чему добавляется ухудшение его эмоционального состояния в результате несчастной любви. Колебания в поведении и переживания Ордынова усиливаются также после разговоров с Мурином: «Я уж тебе

¹⁸⁸ Там же, с. 307 – 308.

¹⁸⁹ Достоевский довольно часто использует деминутивы, но при целенаправленном патологическом давлении этим автор подчеркивает негативное влияние Мурина на Катерину.

¹⁹⁰ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1972). Хозяйка. In: *Полное собрание сочинений в 30 тт.*, с. 308 – 310.

¹⁹¹ Там же, с. 316.

толковал, – сказал Мурин, стиснув брови, – **она полоумная! Отчего и как помешалась ... зачем тебе знать?** Только мне она и такая – родная! Огонь на мгновение сверкнул в глазах Ордынова. – Но зачем же я ... зачем я теперь словно жизнь потерял? **Зачем же болит моё сердце? Зачем я спознал Катерину?**»¹⁹².

В процессе анализа и интерпретации (в контексте психологии как устоявшейся науки) были определены прежде всего посттравматические расстройства. Что касается Катерины, речь в первую очередь идет о последствиях травматического опыта, хотя не стоит забывать и о влиянии токсичности отношений. Мы выявляем постепенный переход от посттравматического стрессового расстройства к травматическому неврозу, поскольку последствия сохраняются в течение нескольких лет. Указаны симптомы – дезинтеграция психических функций, нарушение эмоционального переживания (плоскость или повышенная аффективность), дереализация (в определенной степени), воспоминания о травматическом переживании, снижение активности, сменяющееся гиперактивностью, местами асоциальность, чувства безнадежности и угрозы. В качестве первопричины травмы можно считать пережитую в прошлом катастрофу и постоянное воздействие негативных факторов. В эстетико-антропологической трихотомии состояние проявляется на биологическом (жар, одышка, тремор, проблемы со сном, боли в сердце, бледность) и социальном (эмоциональная реактивность, негативные мысли, инфантильность и др.) уровнях. Важным клиническим симптомом данного патологического состояния выступают тревога и страх.

¹⁹² Там же, с. 316.

Неточка Незванова

– жертва токсичного отношения

«Неточка Незванова» (1849) – первое произведение Достоевского, посвященное детскому литературному герою. Тема детей (и подростков) волновала Достоевского на протяжении всей его жизни, что отразилось в создании таких образов, как Нелли, Илюшечка, Коля Красоткин в «Братьях Карамазовых», мальчик в «Мальчике у Христа на елке», девочка в «Сне смешного человека» и т. д. Достоевский описывал детей от младенчества до полового созревания – детей, страдающих или умирающих тем или иным образом.

А. Бездетная воспринимает детство Неточки Незвановой как «мир отрицаний, который она тянет за собой дальше как неизбывный груз, опыт неисчерпаемый, горький и формирующий её дальнейшую судьбу»¹⁹³. На основе поведения и положения Неточки в социальных отношениях можно раскрыть и интерпретировать ряд социальных и психологических явлений, что мы и постараемся продемонстрировать на конкретных отрывках текста. Л. Розенблум в предисловии к собранию сочинений Достоевского отмечает, что в этом произведении представлена интересная история Неточки, причем значительная часть произведения посвящена ее детству.¹⁹⁴ Ключевую роль в ее жизни играет отчим – скрипач Ефимов, который оказывается на собственном моральном дне. В нашем исследовании мы сосредоточиваемся на четырех исходных социально-психологических явлениях, связанных с манипулятивным поведением в отношениях Ефимова и Неточки.

С точки зрения современной психологии/психиатрии, герои произведений Достоевского могут служить иллюстративным источником психических расстройств и социально-психологических явлений. Об этом свидетельствует и история Неточки Незвановой – история девочки, растущей в нищете с матерью и отчимом-

¹⁹³ БЕЗДЕТНАЯ, А. (2019). Детство Неточки Незвановой как мир отрицаний. In *Достоевский и мировая культура*, с. 224.

¹⁹⁴ См.: РОЗЕНБЛУМ, Л. (1956). Вступительная статья: Повести и рассказы Ф.М. Достоевского. In: *Повести и рассказы*.

музыкантом Ефимовым, человеком болезненно самолюбивым. Он создает напряженные отношения в семье, внушает Неточке презрение к матери и делает её свидетелем душевного распада личности. После смерти матери и окончательного падения Ефимова Неточка остаётся сиротой. В отношениях Неточки с отчимом мы отмечаем четыре феномена: комплекс Электры/комплекс Эдипа, созависимость, газлайтинг (токсичность отношений) и темную эмпатию.

Термин «манипуляция»¹⁹⁵ имеет несколько толкований¹⁹⁶. В нашем исследовании мы используем его как психологический термин, под которым понимаем признак социальных проблем и психологических диагнозов. Доценко выделяет три подхода к исследованию манипуляции – он рассматривает ее как: 1) социально-психологический феномен, включающий происхождение, цель, последствия, условия манипуляции и возможности защиты от нее; 2) совокупность самых серьезных проблем психологического воздействия на человека (намеренное искажение и дезинформация, проблемы бинарных противоположностей правда – ложь или тайное – явное, наличие борьбы против кого-то, динамика перекладывания ответственности на кого-то другого, изменение ценностей и интересов и т. д.); 3) объект психологии личности, поскольку манипуляция обычно направлена на внутренний мир человека и на внутреннюю динамику человеческой психики.¹⁹⁷

¹⁹⁵ От лат. слов: *manipula* – горсть, *manipula* (военное формирование); *manus* – рука.

¹⁹⁶ Мы считаем важным уточнить терминологические границы понятия «манипуляция», поскольку не во всех толковых словарях мы находим психологическое толкование. Например, в словаре С.И. Ожегова оно понимается как «действовать руками» или «проделка»; в переносном значении (см.: С.И. Ожегов, 1989. Словарь русского языка, с. 340). В Словаре современного словацкого языка мы уже фиксируем и психологическое понимание этого термина: систематическое, изощренное и нечестное воздействие на мышление, поведение и эмоции другого человека без его ведома и согласия; учитывается современная психологическая терминология (см.: A. Jarošová et al. 2016. *Slovník súčasného slovenského jazyka*, s. 81). В словаре польского языка присутствуют два определения *манипуляции*: 1) выполнение действий руками; 2) использование конкретных фактов, условий, искажение фактов с целью доказать свою правоту или оказать влияние на мнение и поведение других людей (См.: *Słownik języka polskiego* pod red. W. Doroszewskiego, онлайн). Очевидно, что с постепенным развитием психологической науки словари начинают отражать научное понимание этого термина в контексте психологии.

¹⁹⁷ ДОЦЕНКО, Е. Л. (1997). Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита, с. 7.

Манипуляция является одним из наиболее распространенных видов человеческого поведения.¹⁹⁸ Психологическое воздействие определяется как «влияние» одной личности или группы на психику другой личности (или группы).¹⁹⁹ На основе этого можно сделать вывод о том, что манипуляция – это умышленное воздействие на человека или группу людей с целью повлиять на их мысли, чувства или поведение, часто скрытым или непрямым образом, чтобы достичь своих интересов. В процессе манипуляции могут использоваться разнообразные психологические приёмы, такие как давление, убеждение, внушение, игра на эмоциях, и она часто маскируется под дружелюбие, заботу и сопровождается рациональными доводами. Манипуляция направлена на ограничение свободы выбора и самостоятельного суждения человека и побуждение его действовать в интересах манипулятора, при этом сам объект воздействия может даже не осознавать, что на него оказывают влияние. Она встречается как в личных, так и в социальных, профессиональных отношениях и может быть как открытой, так и скрытой, проявляясь через слова, действия, тон, жесты и даже молчание.

Ученые и эксперты в целом склоняются к тому, что манипуляция – это действия человека, направленные на изменение поведения или мышления другого человека с помощью манипулятивных техник, целенаправленных тактик и лжи. Манипулятор нередко представляет собой личность, испытывающую внутренний конфликт. Такая личность подвержена негативным переживаниям – стрессу, тревоге, неприятным эмоциям. Важно отметить, что манипулятивное поведение зачастую является следствием именно внутреннего противоречия.²⁰⁰ Например, французский психотерапевт Назаре-Ага пишет, что манипулятор – это человек с нарциссическим типом личности, использующий определенные

¹⁹⁸ См.: СИДОРЕНКО Е. В. (2004). Тренинг влияния и противостояния влиянию, с. 67.

¹⁹⁹ БАСОВ, Д. А. (2014). Манипуляционные коммуникации. In *ИЗВЕСТИЯ Иркутского государственного университета*, с. 11.

²⁰⁰ МАКЕРОВА В. В. – ГЕРАСИМЕНКО М. Ю. (2014). Социально-психологические особенности манипуляторов общения. In *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*, с. 59.

способы поведения.²⁰¹ Словацкий психолог и ученый Р. Томшик также связывает нарциссизм с токсичностью социальных отношений и манипуляцией. Для людей с нарциссическим типом личности привлекательны жертвы, которым свойственны эмпатия и сострадание и которые имеют «правильно настроенный моральный компас», обладают чувством искренности и реальным интересом к благополучию других, обладают внутренней и внешней красотой, их личность легко поддается манипуляции и т. д.²⁰²

В рамках манипулятивного поведения в семье, подчеркивается, манипулятивный и нарциссически ведущий себя отец обычно злой, грубый, нетерпеливый, не выносит критики и сразу же пытается дать негативную обратную связь и унижить того, кто его критикует. По мнению Томшика, у такого отца проявляется потребность в повышенном внимании, даже если с его стороны наблюдаются минимальные признаки эмпатии или чувств. Родители с наклонностями к нарциссизму умеют мастерски управлять своими детьми, например, ограниченными проявлениями любви или намеренным отказом в любви и чувствах.²⁰³

Выделяется несколько основных черт отца со склонностью к нарциссизму или отца с уже развитым нарциссическим типом личности: 1) отец эгоцентричен, у него преобладает чувство собственной значимости; 2) отец использует других для собственной пользы и ожидает, что все будут ему уступать; 3) отец старается быть харизматичным в глазах других и хочет быть в центре внимания; 4) отец имеет тенденцию преувеличивать и показывать себя в лучшем свете, чем он есть на самом деле; 5) отец плохо переносит критику и пытается либо прервать контакт с людьми, которые его критикуют, либо им навредить; 6) гнев отца не знает границ; 7) отец может казаться сдержанным, не способным проявлять эмпатию; 8) отец больше заботится о мнении других людей, чем о своих собственных детях; 9) отец делает с детьми то, что нравится только ему и что представляет важность только

²⁰¹ NAZARE-AGA, I. (2000). *Les manipulateurs et l'amour*, p. 7.

²⁰² TOMŠÍK, R. (2023). *V zajatí narcizmu*, s. 94–95.

²⁰³ Там же, s. 60.

для него²⁰⁴. Томшик добавляет, что дочери, которые долгое время находились в отношениях с нарциссическим отцом, не способны проявлять положительные эмоции.²⁰⁵

В нашем исследовании мы сосредоточиваемся на четырех проблемах, которые проистекают из патологических отношений между отцом и дочерью. Методология данного анализа предполагает хронологическое движение от наиболее раннего концепта (комплекса Электры) через феномен созависимости к более современным формам манипуляции – газлайтингу и тёмной эмпатии.

Первым анализируемым феноменом является комплекс Электры (аналогия с комплексом Эдипа), который касается отношений отца и дочери, а не матери и сына, как в случае с комплексом Эдипа. По мнению Фрейда, автора характеристики этого психологического явления, комплекс Эдипа/комплекс Электры представляет собой ядро всех неврозов.²⁰⁶ Эдипов комплекс, согласно Фрейду, основан на отношениях матери и сына, причем мать является объектом любви и чувств сына. Выделяется несколько основных симптомов этого комплекса: 1) сын воспринимает отца как врага или нарушителя границ; 2) сын убежден, что мать принадлежит только ему; 3) любое присутствие отца беспокоит и раздражает сына, а отсутствие отца вызывает у сына положительные эмоции. Кроме того, Фрейд подтверждает, что те же симптомы, с незначительными изменениями, присутствуют и в комплексе Электры, т. е. в патологических отношениях дочери и отца наблюдаем: 1) нежность и не «детская» любовь; 2) присутствие матери в отношениях отца и дочери, которое воспринимается как ненужное; 3) стремление занять место матери в семье; 4) намеренное использование дочерью так называемого женского оружия (сочетания физической красоты и детской невинности, или зрелых физических черт «женщины» в детской красоте и т. д.). Важным является также тот факт, что

²⁰⁴ BANSCHICK, M. (2013). The Narcissistic Father How a narcissistic dad can affect your life. In *Psychology Today*.

²⁰⁵ TOMŠÍK, R. (2023). *V zajiťi narcizmu*, s. 64.

²⁰⁶ FREUD, S. (1913). *Totem und Tabu*, s. 118.

комплекс Эдипа/комплекс Электры обусловлен поведением родителя.²⁰⁷

В поведении Неточки присутствует стремление к любви, нежности и вниманию со стороны отчима: «Я заметила тоже, что **заслужила милость отца, в первый раз, меня поразила идея, что он много терпит и выносит горя от матушки.** С этой минуты началась во мне какая-то **безграничная любовь к отцу, но чудная любовь,** как будто вовсе **не детская**»²⁰⁸. Героиня считает отчима несчастным человеком, что вызывает у нее неадекватное сочувствие к нему. С другой стороны, она осознает, что в их любви есть что-то нетипичное, недетское. Из-за изменений в поведении по отношению к отчиму Неточка начинает вести себя с матерью неадекватно и грубо: «**Я обвинила матушку, признала её за злодейку моего отца**»²⁰⁹.

Проанализировав эти отрывки, можно сделать вывод, что ключевую роль среди эмоций у Неточки играет страх, который ее сдерживает. С одной стороны, она боится матери (страх, проявляющийся внешне), с другой стороны, она боится отчима (подсознательный страх): «Я схватила батюшку за полу сюртука, показала ему разбитую чашку, и, заплакав, начала говорить, что **боюсь идти к матушке. <...> Отчего к нему я подошла без страха? <...> он схватил меня за ушибленную руку и мне стало ужасно больно**»²¹⁰.

В случае главной героини оказывается, что из-за отчима она готова обманывать собственную мать, даже если за этим последует наказание: «Однако я **смело сказала матушке, что уронила деньги в снег** и не могла их сыскать. Я **ожидала по крайней мере побои, но этого не случилось**»²¹¹. Видя, что мать реагирует не так строго, как ожидала Неточка, ее негативное отношение к матери не усугубляется, а наоборот, нейтрализуется. Страх Неточки начинает проявляться и в другом направлении – по отношению к матери,

²⁰⁷ FREUD, S. (2020). *Přednášky k úvodu do psychoanalýzy*, s. 235 – 237.

²⁰⁸ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1956). Неточка Незванова. In: *Повести и рассказы*, с. 228.

²⁰⁹ Там же, с. 229.

²¹⁰ Там же, с. 229 – 230.

²¹¹ Там же, с. 241.

но не как результат их негативных отношений, а как результат положительного восприятия матери. В эту ситуацию вмешивается отчим, используя манипулятивные речевые стратегии: «<...> наконец, он даже прибавил, **чтоб я пожалела маму**, что мама такая больная, бедная, что она одна на нас всех работает. В этот день ей было хуже и с ней сделался какой-то припадок. Наконец, **от внутреннего страдания, у меня началась лихорадка**. Когда настала ночь, я не могла заснуть. **Болезненные сновидения мучили меня. Наконец я не могла вынести и начала горько плакать**»²¹². Беспокойство о матери и давление со стороны отчима в Неточке вызывали как психические (внутренние страдания, приводящие к плачу), так и физиологические изменения в организме (лихорадка, бред). Анализируя комплекс Электры, отмечаем присутствие лишь некоторых проявлений: недетскую любовь, местами патологическое восприятие матери, излишнюю заботу о матери и т. д.

В отношениях Неточки и Ефимова возможно также выделить феномен созависимости. Для создания созависимости необходимо, чтобы один из участников, в данном случае отчим, был зависим от какого-либо вещества, вызывающего привыкание. В связи с этим мы позволим себе привести несколько убедительных цитат об алкоголизме отчима Неточки²¹³.

Патологическое поведение Ефимова начало проявляться апатией и депрессивными наклонностями, которые постепенно сказывались на его социальном поведении: «<...> всё чаще и чаще начинает овладевать **апатия, тоска и скука**, что порывы энтузиазма его становятся реже и реже и что за всем этим последовало какое-то **мрачное, дикое уныние**. Наконец, Ефимов **начал оставлять свою скрипку и не притрогивался иногда к ней по целым неделям**. От чего предостерегал его помещик, то и случилось: он **предался неумеренному пьянству**»²¹⁴. Для зависимых людей характерно то, что они предпочитают алкоголь или другие вещества своим

²¹² Там же, с. 242.

²¹³ См. больше: LEKEŠ, P. (2022). Русская классическая литература с точки зрения аддиктологического исследования. In: *Slavica iuvenum* 23, s. 307 – 318.

²¹⁴ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1956). Неточка Незванова. In: *Повести и рассказы*, с. 215.

увлечениям: так, Ефимов отказался от скрипки (своего увлечения и источника дохода). Усиление дефицита самоконтроля стало фактором социальной дезадаптации: «Мало-помалу Ефимов **дошёл до самого крайнего цинизма**: он нисколько не совестился жить на счет Б. и даже поступал так, как будто имел на то полное право. <...> **Ефимов совсем рассердился** и объявил, что он нарочно не дотронется никогда до своей скрипки. Другой раз Б. понадобился товарищ, чтоб играть на одной вечеринке, и он пригласил Ефимова. Это **приглашение привело Ефимова в ярость**»²¹⁵. Постепенно начинает проявляться и агрессивное поведение. Восприятие реальности и неадекватное поведение в контексте пренебрежения собственными потребностями (кроме алкоголя) и увлечениями у Ефимова наблюдаются в полной мере. Достоевский описывает не только его неспособность и нежелание играть на скрипке, но и полную утрату отношения к своей профессии: «<...> он уже **потерял главный художественный инстинкт**, то есть любовь к искусству»²¹⁶.

Кроме того, у Ефимова проявляется тяга к определенному веществу, в данном случае – к алкоголю, которая негативно сказывается как на финансовой стороне жизни, так и на межличностных отношениях. Он одалживает деньги у знакомых, и долги постоянно растут: «Ефимов тотчас же **прожил данные ему деньги и пришел за ними в другой раз**, потом в **третий**, потом в **четвёртый**, потом в **десятый**. **Деньги прожиты, пропиты**»²¹⁷. Постепенно зависимость переходит и на биологический (анатомический) уровень: «<...> наткнулся в одном переулке, **у входа в грязный трактир, на человека дурно одетого, хмельного**. Это был **Ефимов**. Он очень изменился, **пожелтел, отек в лице**; видно было, что беспутная жизнь положила на него свое клеймо неизгладимым образом <...> он краснел, хотя и постарался ободрить себя каким-то бойким жестом; но **вышло что-то нахальное, выделанное**,

²¹⁵ Там же, с. 215 – 216.

²¹⁶ Там же, с. 247.

²¹⁷ Там же, с. 219 – 220.

назойливое»²¹⁸. Мы наблюдаем проявления как биологические (на коже, на лице), так и социальные (неопрятная одежда, отторжение социальным окружением). Можно определить эритему²¹⁹ и тремор²²⁰. Более очевидной становится тяга к алкоголю, в связи с чем более заметными кажутся нарушения психики: «Ефимов **skonфyзился, даже сробел сначала, отвечал бессвязно и отрывисто**, так что Б. подумал, что он видит пред собою помешанного. Наконец Ефимов признался, что не **может ничего говорить, если не дадут выпить водки**»²²¹. Зависимость оказывает негативное влияние на психическое и физическое здоровье Ефимова, что отражается на социальной стороне его жизни: без алкоголя он не способен действовать (работать, взаимодействовать с окружающими и т. д.).

У Ефимова находим различные симптомы зависимости: изменения, проявляющиеся в переживаниях и поведении, предпочтение алкоголя другим жизненным ценностям, регулярное употребление вещества, проблемы с самоконтролем, склонность к насилию и агрессии, тяга к алкоголю, аморальное и даже делинквентное поведение, употребление вещества, несмотря на знание о его вреде, созависимость.

Созависимость – это специфическая, в значительной степени стабильная позиция, которая определяет восприятие и поведение человека по отношению к другим людям.²²² Феномен созависимости изначально был признан типичной поддерживающей позицией члена семьи (обычно жены или матери) человека, страдающего химической зависимостью. Термин «созависимость» происходит от словосочетания „cochemical dependence“ (химическая зависимость).²²³

Достойным внимания психологическим явлением в истории Ефимова и Неточки является именно созависимость, которая

²¹⁸ Там же, с. 219.

²¹⁹ Эритема – чрезмерное покраснение кожи (мед.).

²²⁰ Тремор – неконтролируемое дрожание частей тела (мед.).

²²¹ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1956). Неточка Незванова. In: *Повести и рассказы*, с. 219.

²²² HAPP, Z. – BODÓ-VARGA, Z. – BANDI, S. A. et al. (2023). How codependency affects dyadic coping, relationship perception and life satisfaction. In *Current Psychology*, p. 15688.

²²³ См.: WHITFIELD, C. L. (1984). Co-alcoholism: Recognizing a treatable illness. In *Family & Community Health: The Journal of Health Promotion & Maintenance*, pp. 16 – 27.

возникает, когда между зависимыми и созависимыми людьми существует естественная связь, при этом психическое расстройство влияет на психическое состояние другого, созависимого человека. Эксперты подтверждают, что созависимые люди испытывают потребность в поиске зависимых людей. Наибольшей опасностью подобного психического состояния считается потеря собственной идентичности созависимого человека.²²⁴

Такую форму «токсичных отношений» мы можем наблюдать в случае Ефимова и Неточки. Достоевский описывает манипуляцию, которая проявляется в отношениях дочери и отчима: Ефимов постоянно манипулирует Неточкой: «Послушай, Неточка, – сказал он, – **дай мне эти деньги, я тебе их назад принесу. А? Ты ведь дашь их папе? Ты ведь добренькая, Неточка?** Я как будто предчувствовала это. Но **в первое мгновение мысль о том, как рассердится матушка, робость и более всего инстинктивный стыд за себя и за отца удерживали меня отдать деньги.** Он мигом заметил это и поспешно сказал: – **Ну, не нужно, не нужно!.. – Нет, нет, папа, возьми; я скажу, что потеряла,** что у меня отняли соседские дети. – **Ты добрая девочка, ты ангельчик мой! Вот дай тебе я ручку поцелую!**»²²⁵. Несмотря на чувство стыда, осознавая возможные последствия, Неточка из-за отчима обманывает мать и отдает деньги отчиму. После первого признака сопротивления Ефимов делает вид, что не нуждается в деньгах, почувствовав себя оскорбленным. Это активизирует в психике Неточки стимул (первичный источник: потребность в любви отца), и она поддается на уговоры отчима.

Ефимов достаточно мягко пытается общаться с Неточкой и часто использует различные уменьшительно-ласкательные формы слов. При устном выражении манипулятивных предложных конструкций имеют значения не части речи или частота использования определенных лексических средств, а намерения манипулятора. С другой стороны, в манипулятивном поведении приоритетным

²²⁴ См.: ŠAVRNOCHOVÁ, M. – RUSNÁKOVÁ, M. (2011). Spoluzávislosť v rodine s členom závislým od alkoholu. In: *Aplikovaná sociálna patológia v sociálnej práci*, s. 66 – 67.

²²⁵ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1956). Неточка Незванова. In: *Повести и рассказы*, с. 241 – 252

является именно устная речь, поскольку по сравнению с письменной речью ее сложнее идентифицировать и понять, идет ли речь о манипуляции.²²⁶ Когда Неточка отказывается дать деньги Ефимову, он меняет свое поведение, которое становится грубым и неприятным. Несмотря на это, стараясь проявить заботу об отчине, Неточка все равно ему уступает, и каждый раз он получает деньги. Этот пример подчеркивает масштаб влияния манипуляции со стороны отчима.

Неточка готова лгать собственной матери ради отчима, даже когда он злоупотребляет доверием падчерицы. Он одалживает у нее деньги на алкоголь и систематически вызывает у нее чувство вины, что можно проследить в нескольких частях текста: «<...> **вынул из кармана купленный им пряник и начал шепотом наказывать мне, чтоб я более никогда не смела брать денег и таить их от матушки, что это дурно и стыдно и очень нехорошо; теперь это сделалось потому, что деньги очень понадобились папе. – Неточка! – начал он дрожащим голосом, – голубчик мой! Послушай: дай-ка мне эти деньги, а я завтра же – Папочка! папочка! – закричала я – не могу! нельзя! Маме нужно чай кушать. – Так ты не хочешь? так ты, стало быть, не хочешь любить меня? Ну, хорошо же! теперь я тебя брошу. Слышишь ли ты, злая девчонка? слышишь ли ты? – Папочка! – закричала я в полном ужасе, – возьми деньги, на!»²²⁷. Достоевский довольно подробно описывает манипуляцию отчима, которая основана на том, что отец больше не будет любить дочь. Ефимов спрашивает Неточку: «<...> так ты <...> **не хочешь любить меня?»²²⁸.****

Ефимов еще больше усиливает процесс манипуляции, пытаясь вызвать у Неточки угрызения совести по отношению к матери: «<...> наконец, он даже **прибавил, чтоб я пожалела маму, что мама такая больная, бедная, что она одна на нас всех работает. В этот день ей было хуже и с ней сделался какой-то припадок.**

²²⁶ Ср. АКОПОВА, А. (2013). Linguistic manipulation: definition and types. In *International Journal of Cognitive Research in science, engineering and education*, s. 1 – 2.

²²⁷ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1956). Неточка Незванова. In: *Повести и рассказы*, с. 241 – 252.

²²⁸ Там же, с. 250.

Наконец, от внутреннего страдания, у меня началась лихорадка. Когда настала ночь, я не могла заснуть. **Болезненные сновидения мучили меня.** Наконец я не могла вынести и **начала горько плакать»**²²⁹. Как мы уже отмечали ранее, в данном отрывке описывается страх, который впоследствии перерастает в плач. Своим поведением отчим добивается того, что Неточка вынуждена выбирать между биологической матерью и отчимом. Даже несмотря на то, что Неточка понимает, что Ефимов психически нездоров, его влияние настолько сильное, что героине ничего другого не остается, как выбрать отчима вместо матери: **«В их вечной вражде я не могла быть равнодушной и должна была выбирать между ними. Я взяла сторону этого полусумашедшего человека. Он был почти сумашедший, что часто в нём проявлялось какое-то фиглярство, какие-то детские замашки, я меньше боялась его»**²³⁰.

Зависимость закономерно приводит к манипулятивным практикам, объектом которых становятся в первую очередь родственники. Ефимов в полной мере осознает, что бесконечная любовь Неточки лишает ее всякой воли к сопротивлению. Из-за тяги к алкоголю и его чрезмерного употребления Ефимов постоянно манипулирует Неточкой: **«На! – закричал он, всовывая мне в руки деньги, – на! возьми их назад! Я тебе теперь не отец, слышишь ли ты? Я не хочу быть теперь твоим папой! Ты любишь маму больше меня! <...> Сказав это, он оттолкнул меня и опять побежал по лестнице. Я, плача, бросилась догонять его – Папочка! добренький папочка! я буду слушаться! – кричала я, – я тебя люблю больше мамы! Возьми деньги назад, возьми!»**²³¹. Этот отрывок является яркой иллюстрацией того, что у Неточки растет созависимость, а у Ефимова наблюдаются симптомы алкоголизма.

Третий феномен, который мы хотели рассмотреть в нашем исследовании, – газлайтинг и темная эмпатия, получившие широкое освещение в последнее время. По мнению украинских учёных А. Литвинчука и В. Чернобровкина, термин «газлайтинг»

²²⁹ Там же, с. 242.

²³⁰ Там же, с. 244.

²³¹ Там же, с. 252.

представляет собой форму психологической манипуляции с целью довести человека до состояния пониженной самооценки, сомнений в правильности своих действий и в целом в собственном существовании.²³²

С нашей точки зрения, важно отметить, что этот феномен имеет двойственную природу, так как возникает из-за потребности манипулятора в наличии жертвы и потребности жертвы быть манипулируемой. Как отмечает Стерн, газлайтинг формируется на основе отношений двух людей – газлайтера и жертвы. Газлайтер (манипулятор) всегда доказывает свою правоту, чтобы укрепить чувство собственного достоинства и силы. Жертва, находясь под его влиянием, позволяет манипулятору продемонстрировать свое превосходство, поскольку идеализирует его. Она прощает газлайтеру любое поведение и всегда нуждается в получении от манипулятора положительной оценки. Важно, что манипулятор и жертва могут быть одного пола, а манипуляция может возникать в любых отношениях – между мужем и женой, отцом и дочерью/сыном и т. д.²³³

По поводу темной эмпатии важно отметить, что основной чертой так называемого темного эмпата является то, что он хочет «добра» для своей жертвы и в то же время «достигает» того, чего хочет, что означает, что он пытается манипулировать человеком и использовать его в своих интересах.²³⁴ Темная эмпатия связана с другим психологическим явлением – темной триадой. В психологии используется термин «темная триада» для описания личностных черт, включающих в себя комбинацию трех факторов: нарциссизма, макиавеллизма и субклинического психопатического поведения. Лица с высоким уровнем проявления этих личностных черт часто воспринимаются как манипулятивные и неэмоциональные.²³⁵

²³² ЛИТВИНЧУК А.Н. – ЧЕРНОБРОВКИНА В.А. (2005). Манипуляция как средство психологического влияния в педагогическом общении. In: *Духовність особистості: методологія, теорія і практика*, с. 107.

²³³ СТЕРН, Р. (2020). *Скрытые манипуляции для управления твоей жизнью*. STOP газлайтинг, с. 20.

²³⁴ См.: DEGGES-WHITE, S. (2023). 4 Dangerous Qualities of "Dark Empaths". In *Psychology Today*.

²³⁵ JUHÁSOVÁ, A. – GATIAL, V. (2024). Interaction styles of teachers with characteristics of the dark triad. In *International Journal of Professional Business Review*, pp. 3 – 4.

Несмотря на их разные теоретические основы, литература о трех социально-аверсивных личностных чертах – нарциссизме, макиавеллизме и психопатии – получила настолько широкое распространение, что различия между ними стали неясными. Стремясь преодолеть терминологическую размытость и объединить смежные феномены, Паулус и Уильямс предложили концепт «тёмной триады», стимулируя тем самым их комплексное изучение.²³⁶ Ёнес и Паулус добавляют, что только таким образом можно разрешить терминологическую неточность.²³⁷

Макиавеллизм, психопатия и нарциссизм, концептуализированные как темная триада, объединяются в три взаимосвязанных и потенциально неадаптивных личностных конструкта. Макиавеллизм описывает эксплуататорский, циничный и манипулятивный характер; психопатия включает в себя аффективно-межличностные (поверхностный шарм, бесчувственный аффект) и поведенческие (непредсказуемый образ жизни, антисоциальное поведение) дефициты; нарциссизм характеризуется чрезмерным чувством правоты, превосходства и «великолепным» мышлением.²³⁸

Психопатия – это качество, которое разрушает барьеры, присутствующие у большинства людей и мешающие им действовать в соответствии со своими деструктивными импульсами. Нарциссы должны питать свое эго и верят, что они отличаются умом и сообразительностью. Избранные качества дают темному эмпату уверенность в том, что конкретный человек может стать его жертвой. Макиавеллизм относится к виду манипуляции, при которой манипулятор при помощи лжи или обмана убеждает других делать то, что он хочет.²³⁹

²³⁶ См.: PAULHUS, D. L. – WILLIAMS, K. M. (2002). The dark triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy. In *Journal of Research in Personality*.

²³⁷ JONES, D. S. – PAULHUS, D. L. (2013). Introducing the Short Dark Triad (SD3): A Brief Measure of Dark Personality Traits. In *Assessment*, p. 1.

²³⁸ Ср. HARE, R. D. – NEUMANN, C. S. (2008). Psychopathy as a clinical and empirical construct. In *Annual Review of Clinical Psychology*; JONES, D. S., PAULHUS, D. L. (2013). Introducing the Short Dark Triad (SD3): A Brief Measure of Dark Personality Traits. In *Assessment*, p. 2 – 3.

²³⁹ См.: DEGGES-WHITE, S. (2023). 4 Dangerous Qualities of "Dark Empaths". In *Psychology Today*.

В рамках своего исследования Харламова и Харисова приходят к выводу, что макиавеллисты не способны создавать и поддерживать атмосферу открытости, доверия, сердечности и эмпатии по отношению к другому человеку, поскольку они безразличны к этическому поведению. По мнению ученых, нарциссы способны понять, что чувствует или о чем думает другой человек, они способны сознательно принять и учесть мнение других, они способны сопереживать другому человеку, но делают это из эгоистических побуждений. Психопатические личности имеют проблему с эмпатическим пониманием чувств и эмоций другого человека, сопереживанием ему, адекватной реакцией на настроения других, независимо от степени близости.²⁴⁰

Признаки выше обозначенных феноменов прослеживаются в отношениях Неточки и Ефимова, особенно ярко они проиллюстрированы при описании манипулятивного поведения. Несмотря на очевидное влияние отчима, Неточка предпринимает попытки вырваться из-под его манипулятивного влияния: «<...> схватил мою руку и хотел поцеловать, но я быстро отдернула её. Какая-то жалость овладела мною, и стыд всё больше начинал меня мучить. Я побежала наверх в каком-то испуге, бросив отца и не простившись с ним. Когда я вошла в комнату, щеки мои разгорелись и сердце билось от какого-то томительного и мне неведомого доселе ощущения. Однако я смело сказала матушке, что уронила деньги в снег и не могла их сыскать. Матушка действительно была сначала вне себя от огорчения, потому что мы были ужасно бедны. Она закричала на меня, но тотчас же как будто одумалась и перестала бранить меня, заметив только, что я неловкая, нерадивая девочка и что я, видно, мало люблю её, когда так худо смотрю за её добром. Это замечание огорчило меня более, нежели когда бы я вынесла побои. Она уже заметила мою чувствительность, доходившую часто до болезненной раздражительности, и горькими упреками в нелюбви думала

²⁴⁰ ХАРЛАМОВА, Т. М. – ХАРИСОВА, В. Т. (2024). Способности к эмпатии у лиц с выраженными чертами темной триады. In *Вестник ПГПУ*, с. 45 – 46.

сильнее поразить меня и заставить быть осторожнее на будущее время»²⁴¹.

Из-за своей чувствительной натуры Неточка является идеальной жертвой манипулятивного поведения. Ефимов постоянно поддерживает и даже усиливает этот тип общения. Речь идет о систематической и длительной вербальной манипуляции.²⁴² Он признает, что Неточка, благодаря своей безграничной любви, не будет долго сопротивляться. Это наглядно видно на примерах текста, которые уже были процитированы выше: «Неточка! – начал он дрожащим голосом, – **голубчик мой!** Послушай: дай-ка мне эти деньги, а я завтра же <...>. **Так ты не хочешь?** так ты, стало быть, **не хочешь любить меня?** Ну, хорошо же! теперь я тебя брошу. Слышишь ли ты, злая девчонка? Я тебе теперь не отец, слышишь ли ты? **Я не хочу быть теперь твоим папой!** Ты любишь маму больше меня!»²⁴³.

Ефимову не хватает денег на алкоголь, поэтому пытается удержать Неточку в манипулируемом состоянии. В основном он пытается приказывать ей, чтобы впоследствии вызвать у Неточки чувство вины: «<...> начал шепотом **наказывать мне**, чтоб я более никогда **не смела брать денег** и таить их от матушки, что это дурно и **стыдно**»²⁴⁴. Ефимов еще больше усиливает процесс манипуляции, пытаясь вызвать у нее угрызения совести по отношению к матери: «<...> он даже прибавил, чтоб я пожалела маму, что мама такая больная. **Я слушала в страхе, дрожа всем телом, и слёзы теснились из глаз моих. Я была так поражена, что не могла слова сказать, не могла двинуться с места.** Весь вечер была я в каком-то ужасе и первый раз несмела глядеть на отца»²⁴⁵. Снова появляется чувство страха, которое провоцирует впоследствии у Неточки плач.

²⁴¹ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1956). Неточка Незванова. In: *Повести и рассказы*, с. 241.

²⁴² Ср. АКОРОВА, А. (2013). Linguistic manipulation: definition and types. In *International Journal of Cognitive Research in science, engineering and education*, s. 1.

²⁴³ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1956). Неточка Незванова. In: *Повести и рассказы*, с. 241 – 252.

²⁴⁴ Там же, с. 242.

²⁴⁵ Там же, с. 242.

Для Неточки характерна выраженная амбивалентность (вызванная страхом), проявлявшаяся в выборе между матерью и отчимом: «В их вечной вражде **я не могла быть равнодушной** и должна была выбирать между ними. Я взяла сторону этого полусумашедшего человека <...> **я меньше боялась его**»²⁴⁶. Уровень страха Неточки частично снижается, но в контексте манипулятивного поведения этого было недостаточно. В конце главы, когда умирает мать Неточки, они с отчимом сбегают, оставив мать одну: «Было холодно; я дрогла до костей и бежала за батюшкой, судорожно уцепившись за полы его фрака. Кругом не было ни души. Боже! как теперь помню я то **страшное ощущение, которое вдруг овладело мною!** Наконец совершилось всё, о чем я мечтала уже целый год. **Мы ушли из нашего бедного жилища.** Но того ли я ожидала, **о том ли я мечтала, то ли создалось в моей детской фантазии, когда я загадывала о счастье того, которого я так не детски любила?** Всего более мучила меня в это мгновение **матушка**. “Зачем мы ее оставили, – думала я, – одну? покинули её тело, как ненужную вещь?” И помню, **что это более всего меня терзало и мучило**»²⁴⁷. Неточка слушается Ефимова и чувствует, что ее желание исполнилось, потому что она сбегает из их ужасного жилища, но ее больше беспокоила мать, чем отчим. Достоевский снова описывает патологию отношений – Неточка все время осознает, что ее отношения с отчимом не имеют признаков детских отношений. В отрывке видны только психические и эмоциональные проявления ее состояния.

Когда Неточка начинает расспрашивать отчима и признается ему, что ее беспокоит, что будет с мамой, Ефимов раздражается: «Папочка! – начала я, не в силах будучи выдержать мучительной заботы своей, – папочка! – **Что такое? – сказал он сурово. –** Зачем мы, папочка, оставили там маму? Зачем мы бросили её?»²⁴⁸. Ефимов видит в упреках Неточкина возможность побега: «Да, да! – закричал он вдруг, **встрепенувшись и приподымаясь с тумбы,**

²⁴⁶ Там же, с. 244.

²⁴⁷ Там же, с. 262.

²⁴⁸ Там же, с. 262.

как будто что-то новое пришло ему в голову, разрешавшее все сомнения его. – Да, Неточка, так нельзя; нужно пойти к маме; ей там холодно! Поди к ней, Неточка, поди; не бойся, позови к ней кого-нибудь и потом приходи ко мне; поди одна, а я тебя здесь подожду. Я ведь никуда не уйду»²⁴⁹. Отчим понимает, что его манипулятивное влияние несколько ослабло, и решает сбежать. Учитывая состояние Неточки, считаем, что не было необходимости в продуманной манипуляции, достаточно было лжи, что он ее подождет. Когда Неточка осознает, что отчим не будет ждать, у нее начинают проявляться различные состояния: «<...> как вдруг будто что-то кольнуло меня в сердце. Я обернулась и увидела, бежит от меня, оставив меня одну, покидая меня в эту минуту! Я закричала сколько во мне было силы и в страшном испуге бросилась догонять его. Я задыхалась: он бежал всё скорее и скорее... я его уже теряла из виду. На дороге мне попалась его шляпа, которую он потерял в бегстве; я подняла её и пустилась снова бежать. Дух во мне замирал, и ноги подкашивались. Я чувствовала, как что-то безобразное совершалось со мною: порой во мне рождалось такое же ощущение, как и во сне, когда мне снилось, что я бегу от кого-нибудь, но что ноги мои подкашиваются, погоня настигает меня и я падаю без чувств. Мучительное ощущение разрывало меня: мне было жалко его, сердце моё ныло и болело, когда я представляла, как он бежит, от меня, от своего любимого дитяти»²⁵⁰.

Неточка интуитивно чувствует неправильность происходящего. Достоевский описывает это через компонент «сердца». Любовь к отчиму подсказывает Неточке, что нужно вернуться к нему. Несмотря на все обстоятельства, она находит в себе силы бежать за ним, что свидетельствует о силе ее токсичной привязанности к Ефимову. Она все еще не осознает, что он поступает эгоистично и его мотивация субъективна. Достоевский наделяет свою героиню способностью к резкой смене состояний, затрагивающих как физиологию (боль в сердце, недостаток сил), так и психику (страх,

²⁴⁹ Там же, с. 262.

²⁵⁰ Там же, с. 262 – 263.

потеря реального восприятия). Токсичная привязанность Неточки к Ефимову в этот момент характеризуется нестабильностью, но все же сильно укореняется в ней.

Счастье Неточки заключается не в ее личных чувствах, а исключительно в благополучии отчима: **«Мне хотелось догнать его только для того, чтоб еще раз крепко поцеловать, сказать ему, чтоб он меня не боялся, уверить, успокоить, что я не побегу за ним, коли он не хочет того, а ворочусь одна к матушке. Тут силы меня оставили: я начала плакать, кричать»**²⁵¹. В данном случае Достоевский описывает два типа мотивации у персонажей – внешнюю (Ефимов мотивирован бегством от проблем, деньгами и алкоголем) и внутреннюю (Неточка мотивирована потребностью в счастье своего отца). У нее продолжают физиологические и эмоциональные проявления страха и усталости одновременно: **«Папочка! папочка! – закричала я в последний раз, но вдруг поскользнулась на тротуаре и упала у ворот дома. Я почувствовала, как всё лицо мое облилось кровью. Мгновение спустя я лишилась чувств»**²⁵².

Неточку нашли лежащей перед домом князя и решили принять ее в свой дом. Однако Неточка узнала больше и о своем отчime: **«Очнулась я на теплой, мягкой постели и увидела возле себя приветливые, ласковые лица, которые с радостью встретили мое пробуждение. Я пробудилась для новой жизни. Один из тех, которых я встретила во время бегства, был князь Х-ий, и я упала у ворот его дома. Когда, после долгих изысканий, узнали, кто я такова, князь, который послал моему отцу билет в концерт, решился принять меня в свой дом воспитать со своими детьми. Стали отыскивать, что сделалось с батюшкой, и узнали, что он был задержан кем-то уже вне города в припадке иступленного помешательства. Его свезли в больницу, где он и умер через два дня»**²⁵³. Перед Неточкой, благодаря авторскому замыслу, открывается путь к разрыву патологической связи с отчимом, совокупность разрушительных факторов в жизни

²⁵¹ Там же, с. 263.

²⁵² Там же, с. 263.

²⁵³ Там же, с. 263 – 264.

которого (алкоголизм, манипулятивное поведение, социальное дно) приводит к приступу безумия и впоследствии к смерти.

Достоевский описывает смерть Ефимова как своего рода искупление проблем, естественное следствие его поступков: **«Он умер, потому что такая смерть его была необходимостью, естественным следствием всей его жизни. Он должен был так умереть, когда всё, поддерживавшее его в жизни, разом рухнуло, рассеялось как призрак. Он умер, когда исчезла последняя надежда его. Истина ослепила его своим нестерпимым блеском, и что было ложь, стало ложью и для него самого. Казалось, всю жизнь секира висела над его головой и – наконец секира ударила! Удар был смертелен. Наконец он был один, он был наконец свободен!»**²⁵⁴. Достоевский описывает, что Ефимов наконец-то освобождается от своих проблем. Для Неточки смерть отчима, безусловно, означает потерю, но в то же время знаменует собой ее освобождение от токсичных отношений.

Проанализировав данное произведение, мы можем заключить, что Достоевский изображает патологические отношения между Ефимовым и Неточкой, которые строятся на деструктивной взаимозависимости: отчим, манипулируя чувством вины, укрепляет свою алкогольную зависимость, а Неточка, движимая жадой любви, становится его наивной жертвой и соучастницей этого процесса. Таким образом, она становится жертвой манипулятивного поведения. В результате анализа мы выдвинули гипотезу о наличии в поведении Неточки черт четырёх манипулятивных моделей: комплекса Электры, созависимости, газлайтинга и «тёмной эмпатии», проявляющихся в различной степени выраженности.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что 1) в состояниях Неточки, описываемых Достоевским, находят свое отражение симптомы всех исследуемых социально-патологических/ психологических явлений; 2) комплекс Электры проявляется в ограниченной степени, т.е. не все симптомы присутствуют; 3) в полной мере проявляется феномен созависимости Неточки от отчима; 4) в поведении Неточки переплетаются созависимость

²⁵⁴ Там же, с. 264 – 265.

и газлайтинг как формы манипуляции, поскольку манипулятивное поведение является одной из основных причин и симптомов обоих явлений; 4) образ отношений Нечки с отчимом полностью применим для иллюстрации жертвы манипулятивного поведения. Описания Достоевского (психолого-художественные) точны и достоверны. Ефимов (литературный персонаж) изображен как человек, использующий элементы темной эмпатии – нарциссизм (внешне он способен сопереживать своей приемной дочери, но только из эгоистических побуждений), макиавеллизм (он циничен и манипулирует только в своих интересах), психопатию (теряет сдерживающие факторы в импульсивном и деструктивном поведении).

Образ отношений Нечки с отчимом полностью применим для иллюстрации жертвы манипулятивного поведения. В контексте исходных положений ЭАК мы видим проявления на биологическом уровне (со стороны Нечки – лихорадочные состояния, ощущение прилива крови к голове и сердцу, со стороны Ефимова – дрожь, физиологические изменения на лице и коже); социально-психическом (эмоциональном) уровне (со стороны Нечки – покорность по отношению к другим, страх, плаксивость, бред, неудовлетворенная потребность в любви, со стороны Ефимова – потрепанная одежда, неадекватное социальное поведение, пристрастие к алкоголю, депрессивные наклонности, агрессивные проявления). Социальные последствия манипуляции заключаются главным образом в социальной неловкости Нечки и страхе перед окружающими, новыми стимулами из окружающей среды. Смерть родителей и смена окружения создают для Нечки объективные условия для того, чтобы выйти из деструктивных отношений и начать путь к «исцелению».

На Достоевского как психолога-диагностика все больше обращает внимание психология и психиатрия (на что мы и пытались указать и что объяснить в своем исследовании). Однако, до сих пор остаются не решенными целый ряд вопросов: почему в настоящее время более интенсивно, чем в прошлом, исследуются нарушения состояния внутреннего мира человека? Почему резонирует именно темная

эмпатия и т. д.? Почему обращают внимание на «достоевизмы» как на негативные образы современности (например, проф. Сипко²⁵⁵)? Возможно, ответ кроется в провидческом характере прозы Достоевского: он не просто описывал патологии человеческих отношений, но и предупреждал о них, которые с особой остротой проявляются в настоящее время.

Антонида Васильевна – жертва азартных игр («Игрок»)

В «Игроке» одним из лейтмотивов является азарт, страсть к азартным играм, которой подверглись два персонажа этого романа. «Игрок» относится к тем произведениям Фёдора Михайловича Достоевского, которые были написаны в чрезвычайно тяжёлый период²⁵⁶ его жизни – под давлением долгов, личных кризисов и договорных обязательств²⁵⁷. Именно эти жизненные обстоя-

²⁵⁵ См.: SIPKO, J. (2023). *Prednášky z ruskej klasickej literatúry*. Prešov: FF PU.

²⁵⁶ Как известно, Фёдор Михайлович Достоевский обладал страстной натурой: он пристрастился к карточной игре, а в более зрелом возрасте – к рулетке. Впервые писатель оказался в игорном зале в 1862 году в Висбадене. Год спустя, направляясь в Париж на встречу с любимой Полиной Сусловой, он вновь остановился в Висбадене и выиграл крупную сумму – 10 тысяч франков. Хотя половину выигрыша он почти сразу проиграл, это был его самый большой успех за всё время, повторить который писателю больше не удалось. Именно тогда Достоевский впервые в полной мере испытал силу азарта. 1866 год стал для писателя одним из самых тяжёлых. Серьёзные финансовые проблемы и недавняя гибель первой жены Марии Исаевой, с которой он прожил семь лет, и родного брата Михаила (1864) – тяжело сказались на его душевном состоянии. Тем не менее, Достоевский и его молодая стенографистка Анна Григорьевна сумели совершить в 1866 году почти невозможное: за 26 дней они подготовили роман, существовавший прежде лишь в черновых набросках. Все события, описанные в этом произведении, стали результатом глубоких переживаний автора. Достоевскому была хорошо знакома разрушительная сила азарта, полностью подчиняющего себе человека и толкающего его на неблагоприятные поступки. Сюжет произведения имеет автобиографическую основу: игра на рулетке в Гомбурге и Висбадене, собственная зависимость писателя и его попытки выстроить личную «теорию игры». В романе Достоевский показывает, как жажда наживы проникает во все аспекты человеческой жизни – чувства, переживания, эмоции и саму психику.

²⁵⁷ См. тоже слова Достоевского в письме А. Е. Врангелю (31 марта – 14 апреля 1865, Петербург): «<...> Вы пишете и соболезнуете о моей роковой потере, о смерти моего ангела брата Миши, а не знаете, до какой степени судьба меня задавила! Другое существо, любившее меня и которое я любил без меры, жена моя, умерла в Москве, <...> И вот я остался вдруг один, и стало мне просто страшно <...> Буквально мне не для чего оставалось жить <...> Стало всё вокруг меня холодно и пустынно <...> я охотно бы пошел опять в кагоргу на столько же лет, чтоб только уплатить долги и почувствовать себя опять свободным. Теперь опять начну писать роман из-под палки, то есть из нужды, наскоро. Он выйдет эффектен, но того ли мне надобно! Работа из нужды, из денег задавила и съела меня <...>».

яательства ярко отражаются в самой сути романа, центральной темой которого является азартная игра – но не только как внешняя деятельность, но и как психологическое и экзистенциальное состояние. Помимо истории о рулетке и потерях Достоевский также представляет комплексный портрет человека, разрываемого между страстью, зависимостью и желанием признания и подъема по социальной лестнице. Можно сказать, что азартные игры в романе становятся некой метафорой жизни, судьбы, а также человеческих слабостей и саморазрушительных механизмов. Достоевский изображает азартные игры не просто как социальный феномен, но прежде всего как внутреннее состояние – силу, которая поглощает человека изнутри. В нашем исследовании мы рассмотрим азартные игры и их силу – влияние на человека, описанные в самом тексте, в первую очередь через призму психологии.

В XIX веке игра в карты была популярна. В игре ставки можно было делать не только на деньги, бриллианты, но и на своих жен.²⁵⁸ Помимо чтения поэзии и обсуждения политических тем в салонах мужчины занимались азартными играми, которые варьировались в зависимости от культурных парадигм и форм проведения досуга. Однако, карты всегда занимали особое место в этих салонах и клубах. В России в то время были популярны игры «Фараон» и «Око». Игровые вечера также имели свои правила. Игроки должны были уметь контролировать свои эмоции и не проявлять чрезмерной страсти. В XIX веке карточная игровая традиция отличалась амбивалентностью: периоды запретов²⁵⁹ азартных игр сменялись периодами увлекательных игровых встреч.²⁶⁰

Достоевский в «Игроке» представил психологическое описание феномена зависимости на столетие раньше, чем это было сделано

²⁵⁸ См. также беседу с сотрудниками музея-спектакля «Дом игральных карт» О. Захаровой и Л. Ежак об истории игровых, гадальных и образовательных карт: Как в XIX веке петербуржцы проигрывали в карты бриллианты и жен, кто основал академию шулеров и почему мещане играли на кладбищах. Открытый доступ: https://peterhofmuseum.ru/objects/peterhof/muzei_igralnih_kart.

²⁵⁹ Увлечение карточными играми передавалось по наследству от поколения к поколению, даже несмотря на официальный запрет азартных игр в России конца XVIII – начала XIX века. См. об этом: https://kuskovo.ru/blog/moda_karty_i_baly_vo_chto_igrali_dvoryane_v_xviii_i_xix_veka/.

²⁶⁰ См.: КОМИССАРЕНКО, С.С. (2003). *Культурные традиции русского общества*, с. 88 – 106.

наукой. С психологической точки зрения важно понимать, что для азартных игр характерно то, что игрок «покупает» возможность получить прибыль или иллюзию этой прибыли, т.е. материальные ценности являются основным стимулом.²⁶¹ Перспектива получить прибыль важна для игрока и вызывает у него возбуждение (не стоит забывать, что финансовые трудности, долги и другие финансовые расходы способствуют азартному поведению). С течением времени проблемы с азартными играми усугубляются, справиться с зависимостью бывает трудно. Деньги, по сути, являются стимулом к жажде выигрыша.²⁶² Составляя характеристику игрока, важно уточнить, что «у азартных игроков легко распознать такие черты личности, как несдержанность, легкомысленность, эгоцентризм, нестабильность (психики), или небрежность»²⁶³.

В течение долгого времени игромания воспринималась как непатологическое явление. Достоевский сумел передать и точно описать все аспекты игровой страсти, несмотря на то, что аддиктология как наука начала развиваться около 150 лет назад, а интенсивное развитие этой науки пришлось на середину XX века.

В ходе развития этой научной области были разработаны различные методики, сделаны публикации и составлены комплексные диагностические руководства. Была предложена подробная классификация игромании. Согласно Диагностическому и статистическому руководству по психическим расстройствам (DSM) классификация разделена на десять пунктов, которые описывают поведение игрока: «1. Человек занимается азартными играми (например, переживает прошлые события, связанные с азартными играми, планирует следующую азартную игру, думает о том, как добыть средства для следующей азартной игры); 2. Чтобы достичь желаемого возбуждения, он должен увеличивать сумму денег, вкладываемых в азартные игры; 3. Он неоднократно и безуспешно пытается контролировать, сократить или прекратить

²⁶¹ NEŠPOR, K. a kol. (2011). *Jak překonat hazard: prevence, krátká intervence a léčba*, s. 12.

²⁶² Там же, с. 12 – 13.

²⁶³ BENKOVÍČ, J. (2003). Cesta do hlubin gamblerskej duše. In: *Tak už dost! Východiská zo závislostí*, s. 98.

азартные игры; 4. Когда пытается сократить азартные игры или прекратить их, испытывает беспокойство и раздражительность; 5. Использует азартные игры как способ ухода от проблем или смягчения дисморфического настроения (например, чувства беспомощности, вины, тревоги, депрессии); 6. После потери денег в азартных играх на следующий день возвращается к азартным играм, чтобы отыграться; 7. Врет родственникам, терапевту или другим людям, чтобы скрыть степень своей увлеченности азартными играми; 8. Совершает незаконные действия, такие как подделка, мошенничество, кража или растрата, из-за азартных игр; 9. Ставит под угрозу или теряет из-за азартных игр важные отношения, работу, образование или карьеру; 10. Полагается на других, чтобы они предоставляли ему финансовые средства и смягчали таким образом отчаянное финансовое положение, в которое он попал из-за азартных игр»²⁶⁴.

Карел Нешпор в своей публикации дополняет описание патологической игромании согласно МКБ-10²⁶⁵, а именно: «1. В течение как минимум одного года происходит два или более эпизода азартных игр; 2. Эти эпизоды не приносят индивидууму прибыли, но повторяются, несмотря на то, что вызывают дискомфорт и осложняют повседневную жизнь; 3. Лицо описывает сильное влечение к азартным играм, которое трудно контролировать, и говорит о том, что не в состоянии сопротивляться игре силой воли; 4. Лицо поглощено мыслями и представлениями об азартных играх и обстоятельствах, сопровождающих эту деятельность»²⁶⁶.

Некоторые авторы выделяют типы патологических игроков с учетом личных, психологических и биологических характеристик. Например, Блащинский и Ноуэр описывают три способа развития патологического гемблинга, которые можно было бы назвать «типами игроков»: «1. Патологическая зависимость от азартных игр у психически здоровых людей. Игроки, не имеющие никаких признаков психопатологии. Они сотрудничают в лечении

²⁶⁴ NEŠPOR, K. (2011). *Návykové chování a závislost*, s. 29.

²⁶⁵ МКБ-10 – международная классификация болезней десятого пересмотра.

²⁶⁶ NEŠPOR, K. (2011). *Návykové chování a závislost*, s. 27.

и демонстрируют положительные результаты в воздержании. Здесь важную роль играют поведенческие механизмы и когнитивные ошибки. Основу лечения составляют теории обучения и когнитивные процессы, лежащие в основе возникновения патологического азарта; 2. Патологический азарт, в комбинации с эмоциональными расстройствами. Исследования показали высокую распространенность расстройств настроения, депрессии и тревоги у проблемных и патологических игроков. Степень расстройства варьируется в зависимости от пола; 3. Патологическая зависимость от азартных игр в комбинации с расстройствами личности. У игроков проявляются неадаптивные модели поведения. Речь идет об импульсивном и антисоциальном расстройстве. У игроков также наблюдается склонность к поиску острых ощущений и стремление избегать скуки»²⁶⁷.

На наш взгляд, для более продуктивного анализа образа игрока в романе Достоевского, необходимо рассмотреть историко-биографический контекст создания произведения. «Игрок» был опубликован в 1866 году – на 111 лет раньше появления описания и классификации патологической игромании (хотя азартные игры, или их некие формы, существовали еще в Древнем Египте). Можно предположить, что Достоевский создает вневременную историю. Азартные игры развивались постепенно, поэтому о том, насколько хорошо Ф.М. Достоевский был осведомлен о проявлениях патологической зависимости от азартных игр и гемблинга еще до их официального включения в психиатрические справочники, мы узнаем только из данного произведения. Примечательно, что описания характеров персонажей совпадают с современным описанием патологического азартного игрока. Если сравнить современную характеристику игромании как психического расстройства или формы зависимости, мы найдем общие черты не только у главного героя произведения – Алексея, но и у Антонины Васильевны.

²⁶⁷ См.: BLASZCZYNSKI, A. – NOWER, L. (2002). A pathways model of problem and pathological gambling. In *Addiction*, pp. 487 – 499; MAIEROVÁ, E. (2015). *Poruchy osobnosti a vztahová vazba u patologických hráčů*, s. 20.

Как мы уже отмечали ранее, тема игровой страсти, зависимости, азартного поведения – лейтмотив этого произведения. Азартные игры и связанное с ними (патологическое) поведение являются фоном для развития сюжета и повествования о персонажах, в первую очередь об Алексее Ивановиче и старушке Антониде Васильевне.

Сюжет разворачивается в немецком городке Руллеттенбург, где в отеле проживает генерал со своей приемной дочерью Полиной и учителем Алексеем Ивановичем. Присутствуют и другие персонажи: дама по имени Бланш де Коминг, маркиз де Грие и англичанин Астлей. Впервые главный герой – Алексей Иванович – сталкивается с азартными играми, когда Полина, в которую он влюблен, просит его удвоить ее финансовые средства в рулетке. Он долго не может решиться, но в конце концов выполняет ее просьбу. Оказавшись у крупье, он наблюдает за игрой, чтобы лучше понять ее. В первой партии он проигрывает. Далее неожиданно для всех (все ждали только телеграммы о ее смерти, чтобы получить наследство и затем выплатить свои долги) приходит старушка по имени Антонида Васильевна Тарасевич. Эта пожилая дама в Руллеттенбурге также увлекается азартными играми, проиграла почти все свои сбережения и поэтому в конце концов возвращается домой.

«Игрок» Достоевского интересен тем, что писатель создает своего рода новый мир для своих героев. С одной стороны, мы воспринимаем Руллеттенбург как сущность мира, полного абсурдов и скандалов, что характерно для творчества Достоевского, а с другой стороны, как центр этого мира нам предлагается рулетка. Однако на рулетку можно посмотреть и по-другому. Так, Лотман, выдающийся литературовед того времени, видит в рулетке средство спасения для игрока: с ее помощью можно совершить некое волшебство, поэтому несмотря на то, что главный герой «Игрока» воспринимает деньги как зло, он ожидает спасения именно от денежного выигрыша.²⁶⁸ С другой стороны, современный словацкий лечебный педагог д-р. Живны отмечает, что «Достоевский в своем романе “Игрок”

²⁶⁸ ЛОТМАН, Ю.М. (2003). *Пушкин*, с. 813.

оставил нам потрясающий анализ больного мышления человека, который постепенно скатывается на самое дно»²⁶⁹. «Игрок» – одно из самых ярких произведений мировой литературы, посвященных человеческой страсти к азартным играм. В нем отражена жизнь человека и отношения, на которые повлияла игра.²⁷⁰

В произведении есть подробные описания поведения персонажей, которые соответствуют характеристикам патологической зависимости от азартных игр. Во время первой игры у Алексея²⁷¹ возникает странное чувство, как раз в тот момент, когда он должен уйти из казино. Однако его внутреннее побуждение продолжить игру ошибочно. Он продолжает повышать ставки и в итоге проигрывает все. Уходя без денег, он чувствует головокружение: «Я прямо сразу поставил на четку двадцать фридрихсдоров и **выиграл**, поставил пять и опять **выиграл** и таким образом еще раза два или три <...> **Тут бы мне и отойти**, но во мне **родилось какое-то странное ощущение**, какой-то вызов судьбе, какое-то **желание дать ей щелчок, выставить ей язык**»²⁷². Это можно сравнить с характеристикой по DSM, согласно которой игрок должен увеличивать количество денег в игре, чтобы достичь возбуждения, а также с проявлением беспокойства игрока, когда игра заканчивается, согласно пункту 4 (DSM). Однако, более ярко симптомы игромании проявляются в образе Антонида Васильевны, на описании которых мы сосредоточим свое внимание.

Антонида Васильевна постоянно делает ставки на одно и то же число. Когда она проигрывает, ее поведение становится агрессивным. Она не перестает ждать, пока выпадет желанное Zero: «Поставили третий. **Бабушка едва сидела на месте**, она так и **впилась горящими глазами в прыгающий** по зазубринам вертящегося колеса **шарик**. **Проиграли и третий**. Бабушка из себя

²⁶⁹ ŽIVNÝ, H. (2003). Hra si sama vyberá svoje obete. In : *Tak už dost! Východiská zo závislosti*, s. 108.

²⁷⁰ См.: СУКОВАТАЯ, В.А. – ДАМИРОВА, М. (2013). Рулетка как метафора путешествия в романе Ф.М. Достоевского «Игрок». In *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*, с. 64.

²⁷¹ Проявления игромании у Алексея и Антонида Васильевны отчасти связаны, так как они играют вместе.

²⁷² ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1956). Игрок. In: *Повести и рассказы*, с. 497.

выходила, на месте ей не сиделось, даже **кулаком стукнула по столу** <...> Эх ведь его! — **сердилась** бабушка, — да скоро ли этот зеришка проклятый выйдет? **Жива не хочу быть, а уж досижу до zéro!** Это этот проклятый курчавый круперишка делает, у него никогда не выходит!»²⁷³.

Выиграв, она испытывает чувство счастья, а в момент получения денежного вознаграждения хочет продолжить играть, не жалея денег. Антонида Васильевна нервничает и дрожит, когда крутится рулетка. Проявления игровой страсти находят свое отражение на биологическом (физиологические симптомы) и социальном уровнях. Алексей стоит рядом с Антонидой Васильевной, и когда она снова выигрывает, Алексей вспоминает об игре – у него начинают дрожать ноги, что также подчеркивает биологический уровень проявления игромании. Однако, стоит заметить, что в этот момент у Антониды Васильевны симптомы очевидные, потому что она уходит от рулетки после двух следующих выигрышей: **«Еще! еще! еще! ставь еще! — кричала** бабушка <...> Бабушка просто **дрожала, следя за колесом** <...> Я сам был игрок; я почувствовал это в ту самую минуту. У меня **руки ноги дрожали, в голову ударило**»²⁷⁴. В данном отрывке проявляется сильный импульс к игре, происходит увеличение вложенной суммы для усиления возбуждения у игрока, наблюдается попытка контролировать игру. Алексей вспоминает об игре и становится раздражительным, так же как Антонида Васильевна, у которой тоже проявляются признаки агрессивности и рассеянности. Интенсивность психических проявлений на биологическом и социальном уровнях значительно увеличивается.

Помимо этого, очевидна связь патологического азарта с семейной средой. Азартные проявления Антониды Васильевны влияют на членов ее семьи, которые переживают за сбережения, которые они хотят унаследовать. Семья приходит в отчаяние, когда видит Антониду Васильевну в моменты проигрыша, и замечает напряжение, с которым она играет, когда теряет в рулетке все: «Но

²⁷³ Там же, с. 547.

²⁷⁴ Там же, с. 549.

ведь она проиграется; **она проиграется вся в пух!** Вы сами видели, вы были свидетелем, как она играет! Если она начнет проигрывать, то она **уж и не отойдет от стола, из упрямства, из злости, и всё будет играть,** всё будет играть, а в таких случаях никогда не отыгрываются, и тогда... тогда...»²⁷⁵.

В следующих главах Достоевский точно описывает, насколько Антониды Васильевна склонна к беспокойности, рассеянности, раздражительности, и видно, как буквально рулетка закрутилась у нее в голове: «Бабушка была **в нетерпеливом и раздражительном состоянии духа;** видно было, что **рулетка у ней крепко засела в голове.** Ко всему остальному она была **невнимательна и вообще крайне рассеянна**»²⁷⁶. Также значимым является тот факт, что Антониды Васильевна постоянно возвращается к игре и на следующий день начинает играть снова. Она проявляет значительную агрессивность по отношению к Алексею, который находится с ней в игровой комнате. В этом случае Достоевский наглядно показывает, что игрок снова и снова возвращается к игре, обдумывает стратегию и имеет действительно сильные инстинкты, которые не может контролировать. У Антониды Васильевны также проявляется чувство оцепенения при проигрыше и возбуждение при выигрыше, когда она по-прежнему не может отойти от рулетки: «**Брось этот пакостный зеришко к черту <...> ахнула и на всю залу сплеснула руками...** Это ты! Это всё ты! — свирепо накинута на меня, толкаясь. — **Это ты меня отговорил... — пошел вон от меня <...>**»²⁷⁷. Антониды Васильевна интересуется игрой и играет до момента, который позволяют обстоятельства: «**Жива не хочу быть, отыграюсь! Ну, марш, без расспросов! Там до полночи ведь игра идет?**»²⁷⁸ <...> «Я подивился было, как она **выдержала все эти семь или восемь часов, сидя в креслах и почти не отходя от стола**»²⁷⁹. Проявления игровой зависимости у Антониды Васильевны выражены только на биологическом

²⁷⁵ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1956). Игрок. In: *Повести и рассказы*, с. 557.

²⁷⁶ Там же, с. 558.

²⁷⁷ Там же, с. 560 – 561.

²⁷⁸ Там же, с. 568.

²⁷⁹ Там же, с. 573.

и социальном уровнях. Во многих случаях она не контролирует свое поведение, и Достоевский наиболее интенсивно описывает это через физиологию, то есть биологическую сущность персонажа.

Проанализировав роман «Игрок» и специализированную литературу по аддиктологии, мы можем прийти к выводу о том, что Достоевский описал признаки патологического игромании на примере Антонида Васильевны (и Алексея, образ которого не был основным для нашего нынешнего анализа) задолго до того, как они были определены мировыми экспертами в области аддиктологии. Проявления зависимости у героини в определенной мере совпадают с описанием в психиатрических руководствах, которые мы использовали в качестве материала для сравнения. В «Игроке» мы выделили репрезентативное количество патологических проявлений: повторяющиеся эпизоды азартных игр за достаточно короткий промежуток времени, сильное влечение к игре, одержимость игрой, постоянные размышления об игре или раздражительность. С точки зрения существования персонажа, проявления патологического азартного поведения находят свое отражение особенно ярко на биологическом и социальном уровнях.

Кроткая – жертва самоубийства

Суицидальное поведение и мотивы самоубийства являются, на наш взгляд, самыми выразительными образами в сюжете «Кроткой»²⁸⁰. Вслед за Т. Касаткиной, мы рассматриваем Кроткую как жертву, так как в «Кроткой» присутствует «жертва внешним человеком для спасения внутреннего человека»²⁸¹. Проблематику самоубийства можно анализировать с разных точек зрения. В художественном

²⁸⁰ «Кроткая» была издана в «Дневнике писателя» за год 1876. Исследования, посвященные «Дневнику писателя» и так называемой «фантастической трилогии», в которую входит этот рассказ, см. напр.: MURÁNSKA, N. (2024). Смех (в) „фантастической трилогии” Федора Достоевского. In *Studia Rossica Posnaniensia*, с. 33 – 42; ODEHNALOVÁ, L. (2023). *Dostojevského Deník spisovatele v kontextech a konfrontacích*; УЗАРАЕВА, К., (2011). Онтология русскости в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского. In: *Tragédia doby, človeka, literatúry*; ČERVENÁK, A. (2002). *Človek v texte*; ČERVENÁK, A. (1977). *Dostojevského Fantastická trilógia*. In *Slavica Slovaca*; ГРИШИН, Д. В. (1971). *Достоевский – человек, писатель и мифы*.

²⁸¹ См.: КАСАТКИНА, Т. (2015). *Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского*, с. 419.

тексте данный феномен приобретает дополнительные коннотации, что способствует формированию более многомерного взгляда на это социально-патологическое явление.

Под суицидом (от лат. *suicidium* – самоубийство) в первую очередь подразумевают целенаправленное и сознательное прекращение жизни. В самом широком смысле слова под этим термином понимаются попытки самоубийства или мысли о самоповреждении и самоубийстве.²⁸² Это крайняя форма саморазрушительного поведения, в которой присутствует насильственное действие с целью добровольного прекращения жизни. Следует отметить, что в разных контекстах, исторических периодах и культурах самоубийство воспринимается по-разному. Так, как пишет Вагнерова, первое упоминание о самоубийстве мы находим уже в исторических источниках античного общества, и моральная оценка данного действия зависела от конкретных обстоятельств, которые регулировались особыми правилами.²⁸³

Различия в понимании самоубийства существовали и существуют на протяжении веков и исторических этапов развития человечества. В Древнем Риме и Греции самоубийство не было чем-то необычным, в Египте это была даже публично пропагандируемая форма смерти, в Японии на самоубийц смотрели с восхищением, что способствовало появлению ритуального самоубийства *харакири* в средневековой культуре. Средневековая Европа, находящаяся под сильным влиянием христианства, отвергала самоубийство, которое считалось грехом (это сегодня остается основополагающим принципом христианства). Только в XVIII веке взгляды на самоубийство начали меняться и сегодня отличаются большим разнообразием.²⁸⁴

Суицид является не только вопросом культуры и общества, но и предметом различных отраслей науки. Самоубийство имеет свои философские, религиозные и этические подходы и взгляды,

²⁸² FISCHER, S. – ŠKODA, J. (2014). *Sociální patologie*, s. 59.

²⁸³ VÁGNEROVÁ, M. (2014). *Současná psychopatologie pro pomáhající profese*, s. 443 – 445

²⁸⁴ См.: VORÁČEK, F. (1967). *Možnosti života: otázky kolem sebevražd*; VÁGNEROVÁ, M. (2014). *Současná psychopatologie pro pomáhající profese*, s. 444 – 445.

но в первую очередь оно изучается с научной точки зрения как психологическая единица. Оно может быть рассмотрено по-разному – как поступок, недостойный человеческого существа, или как акт самопожертвования. С точки зрения психологии и психиатрии, это невротический поступок, основанный на внутренних конфликтах личности человека. Медицина воспринимает самоубийство как своего врага, поскольку врачи стремятся спасти жизни, а не уничтожать их и т. д.,²⁸⁵ социология рассматривает взаимосвязь суицидального поведения и норм общества. Социальный педагог и ученый И. Рац также указывает на самопожертвование как на одну из возможных интерпретаций самоубийства. С точки зрения религиозной этики это приемлемое обоснование – самопожертвование в этом смысле является смертью во имя высшего блага, высшей цели.²⁸⁶ Философский и религиозный аспект противоречит основам теологии, поскольку Бог является создателем жизни, и человек не имеет права ее отнимать.

Суицидальное поведение представляет собой процесс, развивающийся по определённым стадиям. Оно формируется постепенно, мысли об этом поступке вначале не имеют конкретного содержания, и на первом этапе человек пытается их подавить. Второй этап в развитии суицида – проявление суицидальных тенденций: человек уже не сопротивляется им, но и не пытается им поддаться. Затем он начинает думать о самоубийстве и способах его совершения и постоянно размышляет над самим актом. Последним шагом является решение о самоубийстве, которое в большинстве случаев приводит к успокоению психического состояния самоубийцы, и окружающие могут полагать, что его ситуация улучшилась.²⁸⁷

Я. Прашко, объясняя суицидальное поведение, ссылается на синдром предсуицидального поведения Рингела²⁸⁸, который имеет

²⁸⁵ См.: ONDREJKOVIČ, P. (2009). *Sociálna patológia*, s. 358 – 359.

²⁸⁶ RÁC, I. (2011). *Sociálna patológia a prevencia sociálno-patologických javov*, s. 90 – 91.

²⁸⁷ PRAŠKO, J. (2006). *Péče o suicidálního pacienta*. In *Psychiatrie pro praxi*, s. 192.

²⁸⁸ Erwin Ringel (1921 – 1994) – австрийский профессор, психиатр и невролог. В его исследованиях основное внимание уделяется суицидальному поведению пациентов. Он является основателем первого профилактического центра для самоубийц.

3 основных компонента: 1) проявление социальной изоляции (уплощенное восприятие реальности, переживания и поведение, в психическом мире преобладают страх и тревога, неспособность к эмоциональной регуляции и т. д.); 2) блокированная агрессивность или проявление аутоагрессии (обвиняет себя в сложившейся ситуации и испытывает гнев, агрессию и ненависть по отношению к себе); 3) суицидальные мысли (включают представления о смерти и самоубийстве, о его осуществлении, такие «мечты» приносят ему облегчение в попытке убежать от проблем).²⁸⁹

В соответствии с МКБ-10 существует 25 категорий самоубийств/преднамеренного самоповреждения (X60–X84), например: преднамеренное самоотравление неопиоидными анальгетиками, жаропонижающими и противоревматическими средствами и их последствия, преднамеренное самоповреждение путём повешения, удушения и асфиксии, преднамеренное самоповреждение путём стрельбы из пистолета, револьвера²⁹⁰ и др. Для нашего исследования релевантной является категория X80 – преднамеренное самоповреждение путём прыжка с высоты.²⁹¹

Суицидальное поведение и результат отдельных мотивов поведения – самоубийство – в произведении «Кроткая» у главной героини ярко выражены. Как и любое сложное психологическое понятие, суицид характеризуется специфическими проявлениями и определённой процессуальностью. Данное действие и психическое состояние тесно связаны с нормами общества и отклонениями от них. Словацкие ученые Фишер и Шкода утверждают, что отклонение от определенных социальных «норм» является неотъемлемой частью жизни, которое обусловлено такими

²⁸⁹ PRAŠKO, J. (2006). Péče o suicidálního pacienta. In *Psychiatrie pro praxi*, s. 192.

²⁹⁰ В некоторых произведениях Достоевского мы видим аналогичное использование револьвера как средства (само)убийства или увлеченность этим огнестрельным оружием. (Смешной человек во «Сне смешного человека», Кроткая против мужа в «Кроткой», Свидригайлов в «Преступлении и наказании»). Применение всегда разное – Смешной человек целится в сердце, стреляет во сне, и судьба ведет его к переменам; Кроткая очарована револьвером мужа и целится в него, но не стреляет (в голову); Свидригайлов стреляет себе в висок из револьвера.

²⁹¹ На основе данных из: WHO, ÚSTAV ZDRAVOTNICKÝCH INFORMACÍ A STATISTIKY ČR, (2024). 10. revize *Mezinárodní klasifikace nemocí*.

факторами, как биологические (генетика), психосоциальные (черты и поведение личности) и др.²⁹² Мы считаем важным отметить, что в настоящее время не существует единого определения нормы, так как её содержание варьируется в зависимости от культурных и общественных установок, поэтому норму нельзя интерпретировать как правила всего общества, а только как определенные нормы с социокультурной, массмедийной или статистической точки зрения.

Эксперты по социальной патологии рассматривают самоубийство как отклонение от нормы, давая ему простейшее определение: «Целенаправленное и сознательное прекращение жизни»²⁹³. В самом широком смысле слова уже суицидальные мысли считаются «попыткой» убить себя. Так же как самоубийство рассматривается с разных точек зрения, так и сама героиня произведения «Кроткая» анализируется литературоведами с учетом различных подходов – философских, литературоведческих и т. д. Литературоведы на поведение Кроткой смотрят через призму реального акта самоубийства²⁹⁴ и уточняют, что «кроткие наследуют землю и смертью побеждают смерть»²⁹⁵ и т. д.

В работах литературоведов изложены факты, которые послужили основой для данного произведения. Наиболее существенными являются статьи Достоевского «Два самоубийства»²⁹⁶ (1876) и «Приговор»²⁹⁷ (1876), в которых Достоевский сравнивает случаи двух самоубийств – дочери Александра Герцена Елизаветы и бедной швеи М. Борисовой. Елизавета Герцена отравилась хлороформом, а швея выпрыгнула из окна четвертого этажа с картиной в руках, и именно ее судьба легла в основу создания

²⁹² FISCHER, S. – ŠKODA, J. (2014). *Sociální patologie*, s. 21 – 27.

²⁹³ Там же, s. 59

²⁹⁴ См.: БАРИШТ, К. (2018). Тема самоубийства и неевклидово пространство в творчестве Федора Достоевского. In *Slavica Wratislaviensia*.

²⁹⁵ КАСАТКИНА, Т. (2015). *Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского*, с. 420.

²⁹⁶ См. онлайн: <https://ilibrary.ru/text/3/p.1/index.html>.

²⁹⁷ См. онлайн: <https://ilibrary.ru/text/4/p.1/index.html>.

произведения «Кроткая»²⁹⁸. На наш взгляд, заслуживает внимание утверждение Т. Касаткиной, которая пишет, что «последнее время “фантастический рассказ” Достоевского все чаще анализируется с позиций психологии»²⁹⁹.

С нашей точки зрения, необходимо уточнить, что даже статистические данные периода, когда была опубликована «Кроткая», указывают на относительно частое совершение самоубийств. Богданов сообщает, что в 70 – 80-х годах XIX века в Петербурге ежегодно в результате самоубийств умирало около 80% мужчин и 20% женщин из всех самоубийц этих годов. Далее он пишет, что в тот период, согласно статистике³⁰⁰, в 1873 – 1893 годах (без учета 1880 – 1881 годов) число случаев самоубийств достигало 2505. Большее количество попыток самоубийств регистрировалось и раньше, но сводных данных о попытках самоубийств до начала 80-х годов XIX века не существует. Богданов затрагивает также

²⁹⁸ Следует отметить, что наш подход к произведению в данном анализе является преимущественно психологическим. Мы не исследуем исторические источники с целью подтвердить или опровергнуть то, что послужило основой для создания произведения (более подробно об историческом контексте см.: БАРИШТ, К. (2018). Тема самоубийства и неуклюжее пространство в творчестве Федора Достоевского. In *Slavica Wratislaviensia*, s. 135 – 137.).

²⁹⁹ КАСАТКИНА, Т. (2015). *Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского*, с. 412.

³⁰⁰ Мировая статистика показывает, что в прошлом самоубийство занимало 8-е место среди причин смерти людей в возрасте от 15 до 24 лет или старше 75 лет. Различные исследования самоубийств подтверждают, что в 90 % случаев у самоубийц наблюдались какие-либо психические расстройства. См.: FISCHER, S., ŠKODA, J. (2014). *Sociální patologie*, s. 60; Согласно статистике Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), самоубийство по-прежнему входит в десятку основных причин смерти – например, в 2019 году было совершено 234 000 самоубийств (то есть 31 % от всех причин смерти в мире). См.: WHO. (2020). *The top 10 causes of death*. Available from: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/the-top-10-causes-of-death>; Далее статистика показывает, что в 2020 году количество сократилось в среднем на 10 %. См.: WHO. (2021). *WHO report highlights global shortfall in investment in mental health*. Available from: <https://www.who.int/news/item/08-10-2021-who-report-highlights-global-shortfall-in-investment-in-mental-health>. Среди ключевых фактов о суициде можно выделить, что ежегодно 727 000 человек кончают жизнь самоубийством, а еще больше людей предпринимают попытки самоубийства. Каждое самоубийство – это трагедия, которая затрагивает семьи, сообщества и целые страны и оказывает долгосрочное влияние на оставшихся в живых. Самоубийства происходят на протяжении всей жизни человека и в 2021 году занимали третье место по количеству смертей среди молодых людей в возрасте 15 – 29 лет во всем мире. См.: WHO. (2025). *Suicide*. Доступ: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/suicide>.

тему детских самоубийств – только в 1869 – 1878 годах было поймано на попытке самоубийства 57 детей, из которых 16 детей закончили жизнь самоубийство.³⁰¹

Специалисты определяют четыре основных мотива суицидального поведения: агрессия, аутоагрессия, призыв о помощи или бегство. Люди, склонные к самоубийству, не способны проявлять агрессию более социально приемлемым способом, они используют для этого самоповреждение и попытки самоубийства как форму привлечения внимания. Они воспринимают самоубийство как единственную возможность избавиться от проблем.³⁰²

Основное намерение совершить самоубийство основано на нескольких факторах – биологических, психологических и социальных.³⁰³ Суицидальные склонности имеют свою основу, с одной стороны, в реальной жизни человека, с другой стороны, в психических проблемах, которые обычно связаны с депрессией³⁰⁴. Среди конкретных причин возникновения суицидального поведения выделяются следующие: бегство от сложной жизненной ситуации, попытка привлечь внимание или компенсация неудовлетворенной потребности в любви и внимании. На этом основании выделены две основные формы самоубийства – совершенное (человек решил покончить с собой и совершает самоубийство) и демонстративное (человек хочет только демонстративно привлечь к себе внимание).³⁰⁵

Поведение главной героини рассказа «Кроткая» соотносится с мотивом бегства от проблем. Она не способна разрешить внутренний конфликт на уровне внешних эмоциональных проявлений, с чем связаны последующие анатомические и психические проявления страха: **«Опять вспыхнула, опять**

³⁰¹ БОГДАНОВ, В.С. (2013). Самоубийства в Санкт-Петербурге во второй половине XIX века: масштабы, тенденции, проблемы недоучёта. In *Суицидология*, с. 6 – 8.

³⁰² VOZÁB GABRIELOVÁ, A. (2011). Sebevražedné jednání. In: MÁTEL, A. – SCHAVEL, M. a kol. *Aplikovaná sociálna patológia v sociálnej práci*, s. 361; ŠPATENKOVÁ, N. (2008). *Poradenství pro pozůstalé*.

³⁰³ Аналогично одному из основных принципов ЕАК – триадичности. В этом отношении отсутствует духовный уровень, который, по сути, также включен во весь суицидальный процесс.

³⁰⁴ Социальные патологи считают депрессию одной из наиболее распространенных причин самоубийств (в 60 – 70%). Ср. Ondrejkoš, P. (2009). *Sociálna patológia*, s. 369 – 370.

³⁰⁵ FISCHER, S. – ŠKODA, J. (2014). *Sociální patologie*, s. 60 – 61.

глаза загорелись, повернулась и тотчас ушла. Мне очень понравилось. Впрочем, я был тогда уже во всем уверен и не боялся на третий день приходит, такая бледненькая, взволнованная, — я понял, что у ней что-то вышло дома, и действительно вышло»³⁰⁶. Очевидны признаки суицидальных тенденций на биологическом уровне – бледность, и в психическом состоянии – беспокойство и рассеянность. Социальные проблемы отражаются через физиологические проявления. Кроткая в значительной степени социально неловкая, особенно когда не может справиться с ситуацией.

Агрессивность и призыв о помощи очень сильно влияют на поведение Кроткой. Из-за нерешительности³⁰⁷ – совершить самоубийство или нет – возникают опасные ситуации, в которых присутствуют и близкие люди: «Она **дошла до постели и стала надо мной. Я слышал всё; хоть и настала мёртвая тишина, но я слышал эту тишину. Тут произошло одно судорожное движение — и я вдруг, неудержимо, открыл глаза против воли. Она смотрела прямо на меня, мне в глаза, и револьвер уже был у моего виска. Глаза наши встретились. Но мы глядели друг на друга не более мгновения»**³⁰⁸. Постепенно проявляется неспособность смириться с внутренней агрессией, что также можно интерпретировать как попытку привлечь внимание, поэтому, на наш взгляд, это находится в пределах так называемой демонстративной формы суицидального поведения. Мы наблюдаем не только биологические симптомы (судорожные, неестественные движения), но и поведенческие отклонения на социальном уровне (пассивно-агрессивные проявления по отношению к мужу).

У самоубийц достаточно часто наблюдаются изменения в поведении из-за психических расстройств, социальных проблем, негативного опыта или неспособности смириться с внутренней

³⁰⁶ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1956). *Кроткая*, с. 662 – 663.

³⁰⁷ В этот момент главная героиня взяла огнестрельное оружие, которое она видела у своего партнера. Однако она направила револьвер на мужа, а не на себя. Кстати, по общим данным Всемирной организации здравоохранения, самоубийство с помощью огнестрельного оружия является вторым по распространенности способом самоубийства.

³⁰⁸ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1956). *Кроткая*, с. 639.

агрессией, что у главной героини является очевидным³⁰⁹: «Я вдруг увидел **улыбку, недоверчивую, молчаливую**³¹⁰, нехорошую. Вот с этой-то улыбкой я и ввел её в мой дом. Правда и то, что **ей уж некуда было идти. Да, это кроткое лицо становилось всё дерзче и дерзче**»³¹¹. У Кроткой также проявляется недостаточное удовлетворение потребности в любви, внимании и понимании, что является одной из причин суицидального поведения. Несмотря на то, что главный герой произведения влюблен в Кроткую, в ее любви к нему можно усомниться: «Слушайте: в любви её я был тогда уверен. Ведь бросалась же она ко мне и тогда на шею. **Любила, значит, вернее — желала любить.** Да, вот так это и было: **желала любить, искала любить**»³¹². Состояния Кроткой колеблются между социальной и психологической сферами. Начальная мимика, выражающая неуверенность, и нервная улыбка указывают на более низкий статус собеседника в социальном взаимодействии.³¹³

Случайные и внезапные ажитации или атаки также свидетельствуют о внутреннем конфликте или неспособности в определенной степени проявить внутреннюю агрессию: «Она **вдруг вскочила, вдруг вся затряслась** и — что бы вы думали — **вдруг затопала на меня ногами; это был зверь, это был припадок, это был зверь в припадке.** Я оцепенел от изумления: такой выходки я никогда не ожидал»³¹⁴. Кроткая находится в состоянии приступа, во время которого проявляется тремор. Повторные побеги также объяснимы в психологии в контексте суицидальных мыслей. Подобные ситуации обусловлены внутренней агрессией и склонностью к психическим расстройствам или неспособностью решать сложные жизненные ситуации другим способом, не нарушая уговоров или обещаний: «Она **захохотала мне в лицо и вышла из квартиры.** Дело в том, что **выходить из квартиры**

³⁰⁹ Реальные самоубийцы иногда борются с духовной составляющей этого поступка, но не чаще социальных доводов. Важно уточнить, что у Кроткой духовность проявляется явно.

³¹⁰ Молчание как самостоятельный мотив рассматривает, например, С. Падасонны: PADSASONNY, S. (2021). Мотив молчания в повести кроткая Ф.М. Достоевского. In *Studia Rossica Gedanensia*, с. 151–164.

³¹¹ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1956). *Кроткая*, с. 631 – 632.

³¹² Там же, с. 632.

³¹³ Ср. KLINCKOVÁ, J. (2011). *Neverbálna komunikácia alebo komunikujeme nielen slovami*, s. 22.

³¹⁴ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1956). *Кроткая*, с. 634.

она не имела права. Без меня никуда, таков был уговор ещё в невестах. К вечеру она воротилась; я ни слова. Назавтра тоже с утра ушла, на послезавтра опять»³¹⁵. Смех, присутствующий в поведении Кроткой, скорее иронический или инфантильный, который можно отнести к категориям³¹⁶ смеха³¹⁷. В контексте ее попыток сбежать это можно рассматривать как защитный механизм в социальной коммуникации.

Во многих ситуациях люди полагают, что сочувствие к людям с суицидальными наклонностями помогает, и так же ведет себя муж Кроткой: «<...> как мог бы я, без случайной помощи происшедшей страшной катастрофы с револьвером, уверить её, что я не трус и что меня обвинили в полку как труса несправедливо? Но катастрофа подоспела кстати в моих глазах **она была так побеждена, была так унижена, так раздавлена, что я мучительно жалел ее иногда, хотя мне при всем этом решительно нравилась иногда идея об её унижении. Идея этого неравенства нашего нравилась**»³¹⁸. Он боится, что Кроткая считает его трусом. Он видит ее униженной и разбитой. С одной стороны, он испытывает жалость к Кроткой, с другой – ему в какой-то мере нравится чувство превосходства. Реальность не оправдывает ожиданий главной героини, поэтому она пытается сбежать от своей реальной жизни. Неравенство между ней и ее мужем может усиливать склонность к самоубийству, при этом Кроткая неоднократно проявляет агрессивное поведение в виде приступов: **«Вообще я говорил большею частью как в горячке. Она сама брала меня за руки и просила перестать.**

³¹⁵ Там же, с. 634 – 635.

³¹⁶ Ср. ИГОШИНА, Ю. В. (2015). Смех как форма коммуникативного процесса (на примере юмористических программ). *Международный журнал исследований культуры*, с. 119.

³¹⁷ О проблематике смеха в творчестве Достоевского см.: MURÁNSKA, N. (2024). Смех (в) „фантастической трилогии” Федора Достоевского. In *Studia Rossica Posnaniensia*, с. 33 – 42; АЛОЭ, С. (2024). По поводу смеха у Достоевского: новые исследования. In *Dostoevsky Studies*, с. 131 – 141; ПОНКРАТОВА, Е. М. (2011). Смех и комическое в творчестве Ф.М. Достоевского: о некоторых особенностях эстетики писателя. In *Вестник Томского государственного университета*, с. 19 – 22; БАХТИН, М. (2002). *Проблемы поэтики Достоевского*. Или о парадоксальности смеха в повести «Кроткая» см.: ВОЙВОДИЧ, Я. (2023). Парадоксальность Кроткой. In: Ф.М. Достоевский: Юмор, парадоксальность, демонтаж, с. 125 – 128.

³¹⁸ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1956). *Кроткая*, с. 643 – 645.

Она всё просила, чтобы я ничего этого не говорил и не вспоминал»³¹⁹. Напряжение в их отношениях влияет и на мужа, у которого наблюдается лихорадка, когда Кроткая пытается заставить его замолчать.

Сам Достоевский пишет, что Кроткая испугалась любви мужа³²⁰: «Для чего, **зачем умерла эта женщина?** О, поверьте, понимаю; но для чего она умерла — все-таки вопрос. **Испугалась любви моей, спросила себя серьезно: принять или не принять**»³²¹. Источником суицидального поведения в данном случае оказывается неспособность справиться с повседневным бытом. Человек, не имеющий опыт истинной любви, в таких ситуациях не знает, что делать. В жизни главной героини мы можем увидеть в этом одну из возможных причин суицида. В данном произведении раскрывается также контекст одного из современных психологических явлений — токсичной любви, которая может влиять на проявление суицидальных наклонностей.³²² Мы полагаем, что и в описаниях социального взаимодействия Кроткой и ее мужа Достоевский пытался описать патологическую «отношенческую» структуру.

В современной психологии, как пишет Вагнерова, не существует единого определения личности самоубийцы. Психологи выделяют только конкретные суицидальные мотивы и склонности: самоубийцы обладают бинарным мышлением (все или ничего); решают только свои проблемы; подвержены давлению; часто страдают депрессией и асоциальностью; имеют ограниченные эмоциональные переживания или чувствуют утрату смысла жизни. Определяются также три основных этапа развития³²³ суицидальных наклонностей: 1) восприятие самоубийства как единственного возможного способа решения проблем и начало размышлений о самоубийстве; 2) человек определяет самоубийство как

³¹⁹ Там же, с. 650.

³²⁰ Эта форма любви имеет в себе признаки социальной токсичности, поэтому она является неприемлемой для Кроткой.

³²¹ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1956). *Кроткая*, с. 653 – 654.

³²² Ср.: KUBÍK, O. (2021). Psychopat je majster slova. Vytvorí okolo vás ilúziu, do ktorej vás vtiahne. In *Konzervatívny denník Postoj*.

³²³ Ср. с пресуицидальным синдромом Рингеля.

единственную возможность и ищет способы его осуществления; 3) совершение самоубийства.³²⁴ Это непрерывный процесс – все эти мотивы побуждают человека к действию, давление усиливается, и организм уже только ждет случая, когда можно совершить самоубийство.

Эксперт по социальным проблемам детей и молодежи К. Тухринска добавляет, что у детей склонность к самоубийству более специфична – они замкнуты и ни при каких обстоятельствах не проявляют свои эмоции вовне.³²⁵ Как показывает следующий фрагмент, Кроткая имеет явные склонности к интроверсии³²⁶: «<...> я догадался, что она **добра и кротка. Добрые и кроткие недолго сопротивляются** и хоть вовсе **не очень открываются**, отвечают скупно, но отвечают, и чем дальше, тем больше. Разумеется, она тогда мне **сама ничего не объяснила**»³²⁷. Ее интровертный характер укрепляет определенное чувство превосходства ее мужа. Социальная неловкость подчеркивается автором в поведении Кроткой: «**Я вел её за руку, и она не сопротивлялась. Напротив, она была ужасно поражена, но только до дома**»³²⁸. Внутреннее напряжение подавляет ее внешние проявления. Главная героиня имеет ограниченный диапазон эмоций³²⁹: «Придя домой, она села на стул и **уперлась в меня взглядом. Она была чрезвычайно бледна; губы хоть и сложились тотчас же в насмешку, но смотрела она уже с торжественным и суровым вызовом и серьезно убеждена была в первые минуты, что я убью её из револьвера. Но я молча вынул револьвер из кармана и положил на стол. Она смотрела на меня и на револьвер**»³³⁰. На биологическом уровне мы

³²⁴ VÁGNEROVÁ, M. (2014). *Současná psychopatologie pro pomáhající profese*, s. 453 – 456.

³²⁵ TUHRINSKÁ, K. (2010). Profylaktická práca s deťmi a adolescentmi náchylnými k autoagresivite. In: *5. študentská vedecká konferencia*, s. 1200.

³²⁶ Ср. напр.: KAŠČÁKOVÁ, S. (2018). Introverzia ako hendikep v literatúre pre deti a mládež. In: *Človek so znevýhodnením (postihnutím, hendikepom) v literatúre pre deti a mládež a v inkluzívnej edukácii*, s. 231 – 246.

³²⁷ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1956). *Кроткая*, с. 622.

³²⁸ Там же, с. 638.

³²⁹ См.: NAIDITCH, L. (2020). Передача эмоциональных состояний в повести «Кроткая» Ф.М. Достоевского. In: *Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония — 2020: Материалы международной конференции*, с. 88 – 106.

³³⁰ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1956). *Кроткая*, с. 638.

наблюдаем бледность. Однако, более существенную роль играет невербальная коммуникация (социальный уровень). Достоевский описывает мимическое выражение лица Кроткой³³¹ (пристальный, даже жестокий взгляд, искривление губ, выражающее насмешку) в обстановке ожидания, что муж застрелит её. В некоторой степени ее ожидание было проявлением желания смерти, чтобы убежать от текущей жизненной ситуации. Об этом свидетельствует и ее хаотичный, рассеянный взгляд, который говорит о сильном и интенсивном напряжении.

В ее поведении можно увидеть форму бинарного мышления³³² именно в тот момент, когда она увидела револьвер: «Она в первые дни, как вошла ко мне в дом, **очень интересовалась этим револьвером**, расспрашивала, и **я объяснил даже ей устройство и систему, кроме того, убедил раз выстрелить в цель**»³³³. Постепенно добавляются частичные проблемы и проявляется необходимость социальной изоляции, когда Кроткая задумывается о возможности ухода от проблем: «**Не обращая внимания на ее испуганный взгляд, я, полураздетый, лег на постель. В первый раз не легла со мной**, — это тоже заметьте»³³⁴. Асоциальность и депрессия также повторяются в виде патологических физиологических проявлений: «Ночью она молча легла в эту новую свою постель: **брак был расторгнут**, “побеждена, но не прощена”. **Ночью с ней сделался бред**, а наутро **горячка**. Она **пролежала шесть недель**»³³⁵. Это социальное положение и напряжение повлияли на физическое здоровье Кроткой – у нее поднялась температура и появился бред. Янс, Танели и Варнке пишут, что высокий риск суицидального поведения и совершения самоубийства у детей и молодежи сопровождается, помимо прочих сопутствующих

³³¹ Ср. KLINCKOVÁ, J. (2011). *Neverbálna komunikácia alebo komunikujeme nielen slovami*, s. 13: «Поведение лица играет доминирующую роль, поскольку на лицо направлено большинство взглядов, а выражение лица наиболее четко отражает отношение участников коммуникации». Данное утверждение приводится в соответствии с темой формирования симпатий и антипатий в коммуникации.

³³² См. выше в тексте – «все или ничего».

³³³ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1956). *Кроткая*, с. 638.

³³⁴ Там же, с. 638.

³³⁵ Там же, с. 640 – 641.

явлений (депрессивного поведения, проявления злости, поглощенности чувством безнадежности и несущественности в этом мире), например, галлюцинациями или бредом.³³⁶

Кроткая признается, что ее внутренние конфликты буквально мучают ее: «<...> она даже **сама поразила меня своим спокойствием**, вот ведь что было! А я-то всю **ночь трепетал от страху** за вчерашнее. Но вдруг она подходит ко мне, становится сама передо мной и, сложив руки (давеча, давеча!), **начала говорить мне, что она преступница**, что она это знает, что **преступление её мучило** всю зиму, мучает и теперь что **она слишком ценит мое великодушие**»³³⁷. Чем ближе Кроткая к роковому шагу, к совершению самоубийства, тем сильнее в ней ощущение душевного покоя. Страх все больше проявляется у ее мужа из-за изменений в поведении главной героини.

Несмотря на внешнее спокойствие главной героини, Кроткая теряет внутренний смысл жизни. С одной стороны, она хочет найти любовь и ценить своего будущего мужа, но с другой стороны, она не способна принять и понять проявления любви: «**Я буду вашей верной женой**, я вас буду уважать <...>». Тут я вскочил и как безумный обнял её. **Я целовал её**. Целовал её лицо. В губы, как муж, в первый раз после долгой разлуки. И зачем **только я давеча ушёл**, всего только на два часа наши заграничные паспорта. О Боже! **Только бы пять минут, пять минут раньше воротиться!** А тут эта толпа в наших воротах, эти взгляды на меня <...> о Господи! **опять упал перед нею, опять стал целовать её ноги, и опять кончилось припадком**, так же как во вторник. Это было вчера вечером, а наутро»³³⁸. Неспособность решать жизненные проблемы также является мотивом для самоубийства, что соответствует бинарному мышлению. Кроткая доходит до последней стадии во всем процессе – она решает покончить с собой: «Стоит она у стены, у самого окна, руку приложила к стене, а **к руке прижала**

³³⁶ JANS, T. – TANIELI, Y. – WARNKE, A. (2018). Суицид и самоповреждения. In: *Руководство по детской и подростковой психиатрии*, с. 747.

³³⁷ ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1956). *Кроткая*, с. 652.

³³⁸ Там же, с. 652.

голову, стоит этак и думает. И так глубоко задумавшись стоит, что и не слыхала, как я стою и смотрю на неё из той комнаты. **Вижу я как будто она улыбается. Стоит, думает и улыбается»**³³⁹. Очевидно, что при мысли о самоубийстве Кроткая уже начинает успокаиваться и находит душевное равновесие в самоубийстве. Она выбрала способ самоубийства, прыгнув с высоты: «<...> отворили окошко <...> вдруг вижу, она стала на окно и уж вся стоит, во весь рост, **в отворенном окне, ко мне спиной, в руках образ держит, шагнула, образ прижала к груди и — бросилась из окошка!** Сначала кричали, а тут вдруг замолчали и все передо мной расступаются и она лежит с образом»³⁴⁰. Кроткая выпрыгивает из окна, держа в руках икону, которую мы воспринимаем как символ связи с духовной стороной ее бытия. Кроме того, она прижимает образ к груди, тем самым выражая любовь и примирение с Богом. Только после того, как она разрешает свои внутренние конфликты и проблемы, вытекающие из ее социального окружения, она можем, примирившись со всем, покончить жизнь самоубийством. В данном случае форма самоубийства является совершенной.

В истории с Кроткой мы также находим нетипичный случай в контексте самоубийства — она не оставляет прощального письма: «Рассудите одно: **она даже записки не оставила**, что вот, дескать, **“не вините никого в моей смерти”**»³⁴¹, как все оставляют. По крайней мере, затаскали бы без вины, если бы только на дворе четверо человек не видали из окошек из флигеля и со двора, как стояла с образом в руках и сама кинулась»³⁴². Самоубийцы решают личные проблемы и не задумываются о том, как будут себя чувствовать их близкие. Муж упрекает себя в том, что произошло, и постоянно повторяет: «Опоздал!!!»³⁴³.

Опираясь на комплексный анализ психологических источников и художественного произведения, мы смогли описать процесс,

³³⁹ Там же, с. 653.

³⁴⁰ Там же, с. 653.

³⁴¹ Например о парадоксальности смерти в «Кроткой» см.: ВОЙВОДИЧ, Я. (2023). Парадоксальность Кроткой. In: Ф.М. Достоевский: Юмор, парадоксальность, демонтаж, с. 129 – 131.

³⁴² ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1956). *Кроткая*, с. 655.

³⁴³ Там же, с. 655.

приведший к самоубийству, и личность самоубийцы в данном произведении. Благодаря психологическому анализу мы смогли конкретизировать образ суицидального поведения главной героини (генезис, мотивы, социальную среду, жизненную ситуацию, совершение самоубийства). Достоевский выразительно и убедительно изображает логику и конкретные суицидальные мотивы – нерешительность, сложную жизненную ситуацию, неспособность любить и принимать любовь, бегство от проблем, агрессивное поведение, внутренний конфликт и т. д. Источником суицидального поведения Кроткой становится реальная жизнь и неспособность решать проблемы иным способом, при этом у нее проявляются и некоторые характерные черты самоубийц (интровертность, депрессивное или бинарное мышление и др.). Поведение Кроткой соответствует знаниям ученых XX и XXI веков (пресуицидальный синдром Рингеля, генезис, созданный на основе знаний из психиатрической практики, современные знания социальной патологии и т. д.). В истории Кроткой особенно примечательно проявление специфической формы токсичных отношений, оказывающих разрушительное воздействие на психическое состояние человека. Она не смогла вырваться из этих отношений иначе, как самоубийством. Во всех описаниях и отрывках из произведения присутствуют все упомянутые аспекты самоубийства, проявляющиеся на биологическом (бледность, лихорадка и т. д.), социальном (интровертность, неспособность решать жизненные ситуации и рационально общаться и др.), духовном (чувство примирения, обретение внутреннего покоя, соединение с Богом, возможность освобождения и перерождения собственного существования) уровнях.

Вместо заключения

Достоевский как мастер писатель-психолог

Исследование, описанное в данной монографии, посвящено анализу психологической специфики женских персонажей (Катерины, Неточки Незвановой, Антонида Васильевны, Кроткой) в авторском мире Ф.М. Достоевского.

В монографии была поставлена цель – не только проанализировать отдельных персонажей, но и переосмыслить их психологическую функцию в художественном пространстве творчества Ф.М. Достоевского. Этот подход позволяет формировать новые перспективы интерпретации, в рамках которых женские образы рассматриваются и как элементы художественного повествования, и как носители глубинных психологических и экзистенциальных смыслов. Особое внимание было уделено анализу психопатологических аспектов женских персонажей с использованием междисциплинарного подхода, объединяющего методы литературоведения и знаний в области клинической психологии и психопатологии.

В ходе исследования постепенно были решены три взаимосвязанные задачи. Первая заключалась в синхронном анализе современного состояния исследуемой проблемы и междисциплинарных отношений литературы и психологии. Вторая была направлена на определение и интерпретацию ключевых компонентов и мотивов художественного текста с использованием метода психологического анализа, соотносящего их с конкретными теориями и направлениями научных исследований (эстетико-антропологической концепцией, психологией личности и др.). Третья задача предполагала рассмотрение выбранных текстов с точки зрения психологии, что обусловило выбор методов исследования.

В отдельных (теоретических) параграфах были представлены: проблема женских героинь в русской литературе XIX века, в частности героинь в творчестве Ф.М. Достоевского;

междисциплинарные связи между литературой и психологией, их антропоцентрические истоки; введение в психопатологию женских персонажей в произведениях Достоевского. Центральным разделом работы является последняя глава, в которой формулирована аналитическая часть исследования.

Выбор для рассмотрения таких произведений, как «Хозяйка», «Неточка Незванова», «Кроткая» и «Игрок», обусловлен тем, что анализ ключевых женских образов в творчестве Достоевского позволил нам выявить особенности внутреннего мира, мотивации, а также те (психологические) вопросы, которые автор раскрывает через своих героинь. У Катерины в «Хозяйке» обнаруживается отрыв от реальности, детерминированный явными психическими расстройствами – посттравматическими расстройствами³⁴⁴. В «Неточке Незвановой» Достоевский предлагает интересную историю Неточки Незвановой, причем значительное место в произведении занимает описание её детства и важной роли отчима, скрипача Ефимова, достигшего нравственного дна. В «Кроткой» поднимается тема самоубийства, которая может рассматриваться не только с точки зрения психологии, но и в контексте религии³⁴⁵ или социальных наук. Антониды Васильевна в романе «Игрок»³⁴⁶ изображена как человек с патологической зависимостью от рулетки.

В «Хозяйке» (1847) были определены расстройства сна (у Ордынова) и посттравматические расстройства (у Катерины). У Ордынова наблюдаются симптомы неорганических рас-

³⁴⁴ Некоторые ученые также обращают внимание на подобные явления. И. Поспишил указывает, например, на схожие мотивы безумия в «Хозяйке» и «Неточке Незвановой». См.: POSPÍŠIL, I. (2001). F. M. Dostojevskij. In: *Slovník spisovatelů Ruska, Ukrajiny a Běloruska*, s. 190; А. Червеняк отмечает, что Достоевский в «Хозяйке» «осуществляет художественный уход в область социальных грез своего сознания и сознания героя, почти разрывая связь с логически определимой реальностью». См.: ČERVENĀK, A. (1991). *Tajomstvo Dostojevského*, s. 20.

³⁴⁵ См. напр.: ДИАКОН МАРОВИЧ, Н. (2018). Повесть Ф.М. Достоевского «Кроткая» и вопрос самоубийства. In «Труды и переводы».

³⁴⁶ С помощью похожего психологического материала анализируют роман Белобрыкина и Шаманаева, которые рассматривают только признаки зависимости у Алексея Ивановича, однако, не обращают внимание на то, что Алексей Иванович не один зависим от азартных игр. См.: БЕЛОБРЫКИНА, О. – ШАМАНАЕВА, М. (2018). Философия жизни игромана (на примере генезиса игровой аддикции в романе Ф.М. Достоевского "Игрок"). In *Филология и культура. Philology and Culture*.

стройств сна: кошмары, ночные страхи, сонные параличи. Этот симптомокомплекс может соответствовать диагностическим критериям как нарколепсии, так и сомнамбулизма. Автор дает Ордынову шанс измениться, который в итоге у него отнимает. Разочарование в любви (к Катерине) возвращает его к предельно интровертному образу жизни. Состояние Катерины обусловлено прежде всего травматическим опытом, усугублённым длительным пребыванием в токсичных отношениях. Открывается постепенный переход от посттравматического стрессового расстройства к травматическому неврозу. Суммируются симптомы: дезинтеграция психологических функций, нарушение эмоционального опыта (уплощенность или повышенная аффективность), дереализация (в той или иной степени), воспоминания о травматическом опыте, снижение активности, чередующееся с гиперактивностью, местами антисоциальностью, чувством безнадежности и ощущением внешней угрозы. Развитие травмы связано с пережитой катастрофой, усугубляемой постоянным воздействием негативных факторов. При эстетико-антропологической трихотомии, определенные признаки проявляются на биологическом (лихорадки, одышки, тремора, нарушения сна, боли в сердце, бледности) и (психо)социальном (эмоциональной реактивности, негативных мыслей, инфантилизма и т. д.) уровнях. Важным показателем в обоих случаях является то, что тревога и страх – основные последствия патологического состояния.

В образе Нечки из повести «Нечка Незванова» (1849) Достоевский описывает токсичные отношения между отчимом и падчерицей: отчим, манипулируя чувством вины, систематически укрепляет свое превосходство, в то время как Нечка, испытывая потребность в любви, наивно поддается этому давлению. Нечка изображена как жертва манипуляций. В произведении мы видим явные и неявные описания патологических отношений между Нечкой и ее отчимом. В образе Нечки находят отражение черты комплекса Электры, созависимости, газлайтинга и темной эмпатии. Условия, пережитые Нечкой, обуславливают проявление

симптомов четырех социально-патологических/психологических феноменов (с психологической точки зрения): 1) комплекс Электры присутствует фрагментарно; 2) феномен созависимости – созависимость Неточки от отца – выражен крайней яркостью; 3) в жизни Неточки переплетаются созависимость, газлайтинг и темная эмпатия как формы манипуляции. Художественные описания психологических конструкторов у Достоевского достоверны и убедительны.

В рамках базовых положений нитрянской эстетико-антропологической концепции были замечены психические и эмоциональные проявления на биологическом (у Неточки – лихорадочные состояния, ощущение прилива крови к голове и сердцу; у Ефимова – дрожь, физиологические изменения на лице и коже) и социальном (у Неточки – покорное поведение по отношению к окружающим, страх, бред, нереализованная потребность в любви; у Ефимова – неопрятная одежда, неадекватное социальное поведение, проявления алкоголизма, депрессивные тенденции, агрессивные проявления) уровнях. Социальные последствия манипуляции заключаются в основном в социальной неуклюжести Неточки и страхе перед окружающей средой и всем новым для неё. Смерть обоих родителей и смена окружения дают возможность для Неточки «исцелиться» от реляционной токсичности.

Антонида Васильевна в «Игроке» (1866) – сильная, неуступчивая, своеобразная и прямолинейная женщина – после приезда в город Рулеттенбург проявляет большой интерес к рулетке. Очевидно, что она начинает играть для развлечения, но быстро увлекается атмосферой. Сперва ей удастся выигрывать, и это ее вдохновляет, но позже она проигрывает большие суммы и не останавливается даже после крупных потерь. На этом этапе в значительной степени проявляется нехимическая зависимость – от азартных игр (мысли полностью заняты азартом – рулеткой: увеличивается сумма, чтобы достичь желаемого возбуждения, неудачная повторяемая попытка контролировать или прекратить игру, ощущение беспокойства и раздражительности; возвращение к игре, чтобы отыграться;

возникновение угрозы важным отношениям и жизненного уклада и т. д.). Достоевский, имея и личный опыт, убедительно описывает начало, генезис и последствия патологической зависимости от азартных игр для жизни героини: она теряет большую часть своего состояния, а ее семья утрачивает надежду на наследство. Автор показывает, как сильная личность может стать жертвой (игровой) страсти (азартные игры здесь можно рассматривать как деструктивную силу). Проявления патологического азартного поведения автор изображает на двух уровнях существования персонажа – биологическом (головокружение, дрожь и др.) и социальном (потеря денег, раздражительность, неспособность вести себя аккуратно и т. д.).

Суицидальность героини «Кроткой» (1876) Достоевского в нашей работе исследовалась с точки зрения психологии и социальной патологии. На основе психологического материала и художественного текста нам удалось зафиксировать суицидальные наклонности, шаги, ведущие к самоубийству, и охарактеризовать черты личности литературного персонажа, совершающего суицид. Анализ нам позволил конкретизировать образ суицидального поведения главной героини и раскрыть генезис, мотивы, влияние социальной среды и жизненной ситуации, приведшие к самоубийству. Достоевский выразительно и убедительно изобразил логику и конкретные суицидальные мотивы (нерешительность, сложную жизненную ситуацию, неспособность любить и принимать любовь, бегство от проблем, агрессивное поведение, внутренний конфликт и т. д.). Источником суицидального поведения Кроткой была неспособность решать проблемы реальной жизни. У нее также проявляются конкретные характерные черты самоубийц (интровертность, депрессивное или бинарное мышление и др.). Поведение Кроткой соответствует открытиям ученых XX и XXI веков (пресуицидальный синдром Рингеля, генезис, выявленный на основе знаний из психиатрической практики и современных знаний в области социальной патологии и т. д.). В произведении также описано проявление определенной формы токсичных отношений.

Для Кроткой самоубийство становится единственной доступной формой разрыва порочного круга отношений. В приведенных нами отрывках из произведения присутствуют все упомянутые (психологические и патологические) аспекты самоубийства – депрессивные наклонности, ограниченная эмоциональность и др., проявляющиеся на биологическом (бледность, лихорадка и др.), социальном (интровертность, неспособность решать жизненные ситуации и рационально общаться и др.) и духовном (чувство примирения, обретение внутреннего покоя, соединение с Богом, возможность освобождения и перерождения собственного существования) уровнях.

Всех рассматриваемых героинь объединяет то, что они являются жертвами токсичных отношений, социальных конструкторов или сложных жизненных ситуаций. Их судьбы так или иначе связаны с мужскими героями произведений. Достоевский через своих героинь олицетворяет допустимые и неприемлемые способы борьбы с жизненными трудностями. Катерина борется со своей травмой с детства, несчастливим браком и токсичностью отношений, а также с новыми импульсами, которые дает ей любовь к Ордынову. В данном случае Достоевский изобразил Катерину как жертву, которая не может вырваться из круга своих проблем. Неточка, находящаяся в токсичных отношениях с мужским персонажем – отчимом Ефимовым, выступает в роли жертвы различных социально-патологических и психологических явлений (комплекса Электры, созависимости, газлайтинга и темной эмпатии). Катарсис Неточки наступает только после смерти ее отца, что становится искуплением для обоих: для Ефимова – от тяжелой жизненной ситуации, для Неточки – от патологических отношений. В отличие от трех других героинь, Антонида Васильевна не является жертвой токсичных отношений или сложной жизненной ситуации: отношения в её семье связаны с напряжением, однако они не переходят ту грань, где можно было бы говорить о токсичности. Антониду Васильевну привлекает сама игра, а также открывающаяся перспектива дополнительного дохода

и материальных благ. В ее случае можно говорить о частичной привязанности к Алексею (также зависимым от азартных игр), который является свидетелем ее игровых эпизодов (в определенной степени Антонида втягивает его в игру и частично по отношению к нему проявляет свое неадекватное поведение). Так как Антонида не относится к ряду главных героев, мы не располагаем подробностями о ее судьбе в конце истории. Определенные изменения в ее жизни наступают, когда она проигрывает свое имущество, представляющее для неё принципиальную значимость. Еще одна героиня Достоевского – Кроткая – живет в токсичных отношениях со своим мужем, который ее «выкупил». Она не может смириться со своей жизненной ситуацией. Достоевский ясно описывает истоки и генезис ее суицидальных наклонностей вплоть до самого самоубийства, когда главная героиня выбросилась, обнимая икону, из окошка. В ее случае самоубийство можно считать возможностью убежать от проблем, с которыми человек не в силах справиться.

К общим (психологическим) особенностям творчества Достоевского относится то, что автор уже в XIX в. описал симптомы и социально-патологических явлений, которые были определены современной психологией (и наукой как таковой) только в XX и XXI веках. Так, в описании отдельных симптомов используются часто повторяющиеся компоненты или образы – сердца, головы, лихорадки и чувства жара в теле, крови и страха, заблуждения, иллюзии, галлюцинации, смеха. Женские персонажи в произведениях (Катерина, Неточка, Кроткая) имеют кроткие черты и являются жертвами манипулятивного поведения и патологических отношений. Исключением является Антонида Васильевна: кроткость не является ее основной чертой. Тем не менее, она также изображается жертвой зависимости. Это подтверждает наше предположение, что Достоевский проникает в женскую душу, отводит место женским образам в творчестве, женские персонажи являют собой фон для мужских персонажей и дополняют общую картину мужских персонажей и социальных отношений.

Научная новизна нашей работы заключается в углублении междисциплинарного диалога между литературоведением и психологией, в частности в исследовании делается акцент на систематической интерпретации и понимании психологических конструктов на материале художественного текста. Литературное произведение в этом контексте понимается не только как эстетический артефакт, но и как важный инструмент интерпретации и объяснения, позволяющий наглядно продемонстрировать сложные психические процессы, структуры личности и психопатологические явления. Практическая значимость исследования заключается также в его выводах и обобщениях. Ключевой из них – демонстрация того, что Достоевский интуитивно предвосхитил и художественно воплотил многие психологические и социальные феномены, систематически описанные наукой лишь столетие спустя. Этот факт позволяет высокую продуктивность предпринятого междисциплинарного подхода.

Перспективой исследования мы видим в дидактическом аспекте: анализ художественных текстов как модельных ситуаций позволяет наглядно обосновать теоретические знания на конкретных примерах, что способствует более глубокому пониманию психологических понятий и развитию интерпретационных и аналитических компетенций у студентов гуманитарных и социальных специальностей. Практическая значимость работы заключается также в обосновании потенциала текстов Достоевского для использования в библиотерапии³⁴⁷. Интерпретация литературных персонажей и их внутренних конфликтов может служить стимулом для самопознания, рефлексии и терапевтической работы, что создает основу для использования материалов монографии в практике психологического консультирования и поддерживающей

³⁴⁷ Использование произведений Ф.М. Достоевского в целях библиотерапии возможно для отдельных групп пациентов и при соблюдении определенных условий. См. напр. исследование: KOTRBOVÁ, K. – STURCZ, A. – SOLÁROVÁ, Z. (2022). *Terapeutický potenciál Dostojevského poviedky Sen smiešneho človeka*. In *Philologia*, s. 343 – 365.

терапии. Таким образом, данное исследование способствует расширению возможностей применения литературного анализа в психологической практике и развитию междисциплинарного подхода в современном научном дискурсе.

Творчество Ф.М. Достоевского нельзя воспринимать лишь как художественное описание мрачных, болезненных или отталкивающих сторон человеческого существования: оно представляет собой гораздо более сложное и многослойное пространство, в котором художественный текст становится своеобразным предиктором и диагностическим инструментом патологического поведения. На материале психологически сложных женских образов Достоевский исследует целый спектр отклонений от социальной и нравственной «нормы», показывая, что сама норма исторически и культурно обусловлена, нестабильна и внутренне противоречива. Героини Достоевского, пребывая на грани личной травмы и общественного давления и разрываясь между свободой выбора и навязанной ролью, выступают не просто как исключения, а как симптоматические фигуры эпохи. В этом смысле проза Достоевского предлагает универсальный ключ к пониманию механизмов девиации, страдания и внутреннего распада личности, одновременно раскрывая глубинную психологическую логику человеческого поведения и указывая на несостоятельность любых попыток определить, что считать «нормальным» в человеческой психике и социальной жизни.

Vnútnorné svety Dostojevského literárnych hrdiniek: na rozhraní literatúry a psychológie

Literatúra je akýmsi „laboratóriom ľudskej skúsenosti“, v ktorom umelecké obrazy, naratívne štruktúry a typy postáv predstavujú modelové prejavy psychiky. Psychológia poskytuje nástroje na pochopenie motívov, emócií, kognitívnych procesov a dynamiky správania, ktoré sa objavujú v umeleckých textoch. Je potrebné poznamenať, že uplatňovanie psychologických koncepcií musí byť korektné a vedecky opodstatnené. Interpretácia umeleckého textu sa neobmedzuje na ilustráciu psychologických teórií, ale predpokladá dialóg medzi textom a vedeckými poznatkami. Produktivita korelatívnosti literatúry a psychológie závisí od schopnosti výskumníka skombinovať rešpektovanie špecifickej (umeleckej) povahy textu s použitím adekvátneho psychologického terminologického aparátu. Takýto interdisciplinárny prístup rozširuje ako literárnovednú analýzu, tak aj psychologické chápanie ľudskej činnosti.

Tvorba Fiodora Michajloviča Dostojevského predstavuje jeden z najkomplexnejších a psychologicky najviac prehĺbených artefaktov svetovej literatúry. V jeho románoch sa zrkadlí napätie medzi filozofiou, náboženstvom, morálkou a ľudskou psychikou – a práve táto prepojenosť robí z jeho postáv jedinečný predmet interdisciplinárneho výskumu. Kým mužské postavy F. M. Dostojevského – ako Raskol'nikov, Ivan Karamazov alebo Stavrogin – sú často podrobené hlbokkej filozoficko-psychologickej analýze, ženské hrdinky ostávajú vo „vedľajšej línii“ interpretácií, hoci ich vnútorný svet je rovnako rozorvaný, vrstvený či tragický.

Táto monografia si kladie za cieľ preskúmať psychopatológiu ženských postáv v dielach Dostojevského prostredníctvom interdisciplinárneho prístupu, ktorý spája analýzu umeleckého textu (osobitne východiská nitrianskej Esteticko-antropologickej koncepcia literatúry a umenia prof. A. Červeňáka)³⁴⁸ s poznatkami z oblasti klinickej psychológie, psychopatológie i psychológie ako takej. Skúmanie ženských hrdiniek –

³⁴⁸ Pripomíname, že podľa tejto koncepcie sa existencia postáv realizuje v troch rovinách – biologickej, sociálnej a duchovnej.

napr. Nastasia Filippovna z *Idiota*, Grušeňka z *Bratov Karamazovovcov*, alebo Lizaveta v *Zločine a treste* – odhaľuje nielen ich individuálnu psychodynamiku, ale aj dobové spoločenské konštrukty ženskosti, utrpenia, viny a obete, ktoré ovplyvňovali ich existenciu a vnútorný rozklad. Výskum predstavený v monografii sa orientuje na štyri konkrétne postavy – Katarínu (*Katarína*, 1847), Netočku Nezvanovovú (*Netočka Nezvanovová*, 1849), Antonidu Vsilievnu (*Hráč*, 1866) a Krotkú (*Krotká*, 1876).

Dostojevského ženské postavy sú zároveň symptomatickými nositeľkami kultúrnych a psychologických konfliktov 19. storočia – predstavujú extrémne póly medzi svätosťou a „šialenstvom“, medzi sebaobetovaním a sebazničením. V tomto kontexte je osobitná pozornosť venovaná spôsobom, akými Dostojevskij „artikuluje“ psychické poruchy, emocionálne traumy a patologické vzorce správania svojich ženských protagonistiek. Interdisciplinárny prístup umožňuje prekročiť hranice tradičnej literárnej analýzy, nahliadnuť do textu ako do komplexného diskurzu o ľudskej psyché, pričom reflektuje dobové i nadčasové aspekty ženského utrpenia. Cieľom monografie preto nebol len rozbor jednotlivých postáv, ale aj prehodnotenie ich významu v rámci Dostojevského psychologicko-literárneho univerza. Otvára sa tak priestor aj pre nové možnosti čítania jeho tvorby, cez ktoré možno ženské hrdinky vnímať nielen ako literárne postavy, ale aj ako nositeľky hlbokých psychologických a existenciálnych výpovedí, rezonujúcich aj v súčasnej kultúre a spoločnosti.

Ťažisko predloženého textu je koncipované v línii od všeobecného ku konkrétnemu. Pre vyššiu produktivitu práce sa v jej štruktúre uplatňuje deduktívny postup. Prvá kapitola poskytuje náhľad do problematiky ženských hrdiniek v ruskej literatúre, osobitne v literatúre 19. storočia.

V ďalšej kapitole sú predstavené interdisciplinárne paradigmy – antropologická a psychologická. Načrtnutá je problematika obrazu literárnej postavy – človeka v centre vedeckého bádania, prieniky literatúry a psychológie i konkrétne východiská výskumu psychologickej hĺbky Dostojevského tvorby. Posledná kapitola názorne demonštruje psychologickú analýzu spomínaných štyroch Dostojevského literárnych hrdiniek.

Monografia vznikla ako výsledok autorovho dlhoročného záujmu o ruskú literatúru i (psychologické) majstrovstvo F. M. Dostojevského, a kontinuálneho systematického výskumu. Takto koncentrovanú sondáž do jeho tvorby (interpretácia textu s explicitným využitím poznatkov zo psychológie) v súčasnosti neregistrujeme. Na základe sumarizovaného sekundárneho materiálu sa domnievame, že konkrétne o problematike ženských hrdiniek v tvorbe Dostojevského neexistuje súhrnné dielo, popisujúce aj ich psychologické portréty. Evidujeme parciálne príspevky ako reakciu dobovej literárnej vedy (Berdajev, Apollon Grigoriev a i.), alebo súčasných mladých výskumníkov (Ešonkulov, Makaričevová a i.), pričom ich teórie a typológie ženských hrdiniek ešte nie sú overené časom a vedeckou praxou. Sociálno-patologické javy, ľudská psychika, odvrátená strana človeka a spoločnosti sú témy, ktoré znepokojujú odbornú i laickú verejnosť. Literatúra nám prináša iný pohľad na problematiku, zrozumiteľnejšie prezentuje komplexnosť a v istých prípadoch aj (ne)pochopenie ľudského bytia. Preto je dôležité určitým spôsobom explikovať cez umelecký text psychologické konštrukty, ktoré F. M. Dostojevskij popísal s nebývalou presnosťou.

Na základe analýz jednotlivých diel boli formulované konkrétne závery. V diele *Katarína* (1847) boli identifikované posttraumatické poruchy. V prípade hlavnej hrdinky Kataríny sa sekundárne vyskytuje vplyv toxicity vzťahu, ale primárne sú popísané následky traumatického zážitku. Identifikuje sa postupný prechod z posttraumatickej stresovej poruchy do traumatickej neurózy. Predkladajú sa súhrnne vymedzené symptómy: dezintegrácia psychických funkcií, narušenie emočného prežívania (plochosť alebo zvýšená afektívnosť), derealizácia (v určitej miere), vybavovanie si traumatického zážitku, redukcia aktivity striedaná hyperaktivitou, miestami asociálnosť, pocity beznádeje a ohrozenia. Ako primárny pôvodca traumy je určená v minulosti prežitá pohroma a kontinuálne pôsobenie negatívneho vplyvu spomienok na ňu. V esteticko-antropologickej trichotómii sa diagnóza realizuje iba v rovine biologickej (horúčky, dýchavičnosť, tremor, problém so spánkom, bolesti srdca, bledosť) a (psycho-)sociálnej (emočná reaktivita, negatívne myšlienky, infantilnosť a i.). Dôležitým ukazovateľom v oboch

prípadoch je, že hlavným spúšťačom i katalyzátorom patologického stavu je trauma a prejavmi sú úzkosť a strach.

V obraze *Netočky* z poviedky *Netočka* *Nezvanovová* (1849) Dostojevskij opísal toxický vzťah medzi otčimom a nevlastnou dcérou: otčim prostredníctvom pocitu viny a manipulácie stále upevňoval svoju pozíciu v tomto patologickom vzťahu a Netočka, túžiaca po láske, sa naivne podvolila. Netočka je vyobrazená ako obeť manipulácie. V diele vidíme explicitné i implicitné opisy patologického vzťahu Netočky a otčima. U Netočky sú viditeľné črty Elektrinho komplexu, spoluzávislosti, gaslightingu a temnej empatie – vždy v inej miere. V Dostojevského opisoch stavov, ktoré zažívala Netočka, sa z pohľadu psychológie prejavujú symptómy všetkých štyroch sledovaných sociálno-patologických javov. Elektrin komplex sa konturuje v ohraničenej miere, fenomén spoluzávislosti – Netočky od otčima sa prejavuje markantne, a v živote Netočky sa prelínajú spoluzávislosť, gaslighting a temná empatia ako formy manipulácie. Dostojevského umelecké opisy psychologických konštruktov sú precízne a hodnoverné. V kontexte východísk esteticko-antropologickej koncepcie vidíme psychické a emočné prejavy Netočky v rovine biologickej (horúčkové stavy, pocit valiacej sa krvi do hlavy a do srdca), a sociálnej (submisívne správanie voči ostatným, strach, bludy, nenaplnená potreba lásky). Dopady manipulácie spočívali hlavne v Netočkinej sociálnej neobratnosti a strachu z okolia, z nových podnetov z prostredia. Netočka sa vďaka smrti oboch rodičov a zmene prostredia mohla pokúsiť o „vyliečenie sa“ zo vzťahovej toxicity.

Antonida Vasilevna v *Hráčovi* (1866) – silná, tvrdohlavá, svojrázna a priama žena – po príchode do mesta Rulletenburg prejaví veľký záujem o ruletu. Je očividné, že spočiatku hrá pre zábavu, ale rýchlo sa nechá strhnúť atmosférou. Najprv vyhráva a to ju nadchne, no neskôr začne prehrávať veľké sumy, nezastaví sa ani po veľkých stratách. Začína sa u nej prejavovať nelátková závislosť – od hazardnej hry (myšlienky sú intenzívne zamerané na hazard – ruletu, zvyšovanie sumy, aby sa dosiahlo požadované vzrušenie, neúspešné opakované pokusy kontrolovať, obmedziť alebo prestať hrať, pocity nepokoja a podráždenosti, opakovaný návrat k hre, ohrozenie dôležitých vzťahov

alebo životnej úrovne atď.). Dostojevskij jasne opisuje počiatok, genézu i dopady patologického hráčstva na život postavy – Antonida Vasilievna stratila väčšinu majetku a jej rodina stráca nádej na dedičstvo. Autor ukazuje, ako silná osobnosť môže byť obeťou (hráčskej) vášne – hazard tu možno interpretovať ako metaforu deštrukcie. Prejavy patologického hráčstva sú autorom vykreslené na dvoch úrovniach existencie postavy – biologickej (vertigo, tras a i.) a sociálnej (strata financií, podráždenosť voči iným, neschopnosť správať sa adekvátne situácii a spoločnosti a pod.).

Postava Krotkej v rovnomennom diele (1876), resp. jej suicidálnosť podlieha analýze z pohľadu psychológie a sociálnej patológie. Na podklade psychologického materiálu a umeleckého textu bolo možné vykresliť suicidálne sklony, kroky vedúce k samovražde a osobnosť literárnej postavy ako samovrahyne. Vďaka analýzám sme mohli špecifikovať obraz suicidálneho správania hlavnej hrdinky (genézu, motívy, sociálne prostredie, životnú situáciu, realizáciu samovraždy). Dostojevskij expresívne, ale presvedčivo zobrazil logiku a konkrétne suicidálne motívy (nerozhodnosť, zložitú životnú situáciu, neschopnosť milovať a prijať lásku, útek od problémov, agresívne správanie, vnútorný konflikt a pod.). Zdrojom samovražedného konania Krotkej bola neschopnosť riešiť problémy reálneho života. Prejavujú sa u nej aj charakteristické črty samovrahov (introvertnosť, depresívne alebo binárne myslenie, a i.). Krotkej správanie je v súlade s poznatkami vedcov 20. a 21. storočia (Ringelov presuicidálny syndróm, genéza vytvorená cez poznatky zo psychiatrickej praxe, moderné poznatky sociálnej patológie a pod.). Aj v prípade Krotkej je prítomný prejav určitej formy vzťahovej toxicity. Nedokázala sa vymaniť z manželského vzťahu inak, než samovraždou. Naprieč opismi a úryvkami z diela sú prítomné všetky spomenuté (psychologické a patologické) aspekty samovraždy – depresívne sklony, ohraničená emocionalita a i., prejavujúce sa na úrovni biologickej (bledosť, horúčky a i.), sociálnej (introvertnosť, neschopnosť riešiť životnú situáciu a racionálne komunikovať a pod.), duchovnej (pocit zmierenia, nájdenie vnútorného pokoja, spojenie s Bohom, možnosť oslobodenia sa a prerozu vlastnej existencie).

Analyzované ženské hrdinky majú spoločné črty – sú obeťami toxických vzťahov, sociálnych konštruktov či náročných životných situácií. Ich osudy sú v rôznych formách prepojené s mužskými hrdinami diel. Dostojevskij prostredníctvom svojich hrdiniek zobrazuje, ako sa dá alebo nedá bojovať s problémami reálneho života. Katarína bojuje so svojou traumou z detstva, nešťastným manželstvom a toxicitou tohto vzťahu, ale aj s novými impulzami, ktoré jej dodáva láska k Ordynovovi. Hlavná hrdinka je úzko prepojená na iné mužské postavy. Dostojevskij v tomto prípade vykreslil Katarínu ako obeť, ktorá sa zo svojich problémov nedokáže vymaniť. Netočka, poznačená toxicitou vzťahu s inou mužskou postavou – otčimom Jefimovom, vystupuje v role obete rôznych sociálno-patologických a psychologických javov – Elektrinho komplexu, spoluzávislosti, gaslightingu i temnej empatie. Všetky štyri konštrukty sa v jej vzťahu s otčimom prejavujú, ale v rôznej intenzite. Netočkino „vyslobodenie“ nastalo až po smrti otca, čo bolo vykúpením pre oboch – Jefimova z ťažkej životnej situácie a Netočky z patologického vzťahu. Antonida Vasilievna nebola obeťou toxického vzťahu s mužom či zlej životnej situácie ako ostatné tri hrdinky. V jej rodine prevládali napäté vzťahy, no o explicitnej toxicite nemožno hovoriť. Upútala ju jednoducho hra, vidina ďalších peňazí a hmotného majetku. V jej prípade možno hovoriť o čiastočnej väzbe s Alexejom (tiež závislým od hazardných hier), ktorý bol svedkom jej hráckych epizód a do istej miery ho Antonida vtiahla do hry. Čiastočne sa voči nemu prejavovalo aj jej neadekvátne správanie. Sujetová línia Antonidinej postavy nebola jedna z hlavných, preto sa podrobne o jej osude na konci príbehu nedozvedáme. Radikálna zmena v jej živote nastáva vtedy, keď prehráva svoj majetok. Krotká žije v toxickom vzťahu so svojim manželom, ktorý si ju „kúpil“. Nedokáže sa vyrovnat' s vlastnou životnou situáciou. Dostojevskij jasne opisuje počiatky i genézu jej suicidálnych sklonov až k samotnej samovražde, keď hlavná hrdinka vyskočí z okna s ikonou v rukách. V jej prípade je práve samovražda formou oslobodenia sa od problémov, možnosťou úniku od problémov, s ktorými sa človek nedokáže vyrovnat'.

K všeobecným (psychologickým) osobitostiam tvorby Dostojevského patrí to, že autor už v 19. storočí opísal diagnózy a sociálno-patologické

javy, ktoré boli definované modernou psychológiou (a vedou ako takou) až v 20. a 21. storočí. V opise jednotlivých symptómov sa často opakujú komponenty alebo obrazy – srdca, hlavy, horúčky a pocitu tepla v tele, krvi, strachu, bludov, ilúzií, halucinácií, smiechu. Ženské postavy v analyzovaných dielach (Katarína, Netočka, Krotká) majú „krotké“ črty a sú obeťami manipulatívneho správania a patologických vzťahov, čo vyvracia tézu (20. st.), že Dostojevskij nepreniká do ženskej duše a že ženské postavy nemajú v jeho tvorbe osobitné miesto. Výnimkou je Antonida Vasilievna, pre ktorú zmierlivá a krotká povaha nie je typickou črtou. Ale aj napriek tomu sa stala obeťou závislosti.

Analýzy ukazujú, že psychické poruchy, afektívna nestabilita či sebazničujúce tendencie týchto hrdiniek nemožno chápať len ako individuálne deviácie, ale predovšetkým ako prejav hlbokého rozporu človeka v krízovej situácii. Dostojevskij prostredníctvom ženských postáv odhaľuje vnútornú drámu ľudskej duše. Dostojevského ženské hrdinky predstavujú nielen psychologické typy, ale aj symbolické obrazy ľudskej krehkosti a duchovného hľadania. Ich psychopatológia je teda nielen predmetom literárnej a psychologickéj analýzy, ale aj kľúčom k pochopeniu samotnej „psychofilozofie“ autorovej tvorby – filozofie človeka zmietaného medzi hriechom a spásou, telom a duchom, šialenstvom a vierou. Psychologické sondy do tvorby Dostojevského predstavujú však iba jednu z interpretačných možností, keďže jeho diela nesú nadčasový charakter a posolstvo polyfonickosti, že každý z nás má svoj „hlas“, svoju pravdu.

Záverom možno konštatovať, že v určitom napätí Dostojevskij nachádza svoj najprenikavejší umelecký jazyk: ženské hrdinky, často stojace na okraji kritického bodu psychickej destabilizácie, sa stávajú nositeľkami pravdy o človeku a predkladajú otázku o tom, či je človek aj v najhlbšom ponore do hĺbín vlastnej duše schopný prerodu – i keď v rôznych podobách. Krehká tragika ženských hrdiniek sa mení na posledný, neodbytný apel, ktorý dolieha na čitateľa ešte dlho po zatvorení knihy.

The inner world of Dostoevsky's literary heroines: on the frontier between literature and psychology

Literature functions as a “laboratory of human experience”, in which artistic images, narrative structures, and character types represent model manifestations of the psyche. Psychology provides analytical tools for understanding the motives, emotions, cognitive processes, and behavioral dynamics that appear in literary texts. It should be noted that the application of psychological concepts must be methodologically sound and scientifically justified. The interpretation of a literary text should not be limited to illustrating psychological theories, but should presuppose a dialogue between the text and scientific knowledge. The productivity of the correlation between literature and psychology depends on the researcher's ability to balance respect for the text's artistic specificity with the use of adequate psychological terminology. Such an interdisciplinary approach broadens both literary analysis and the psychological understanding of human nature.

The works of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky represent one of the most complex and psychologically profound artifacts of world literature. His novels reflect the tension between philosophy, religion, morality, and the human psyche – and it is the interconnectedness that makes his characters a unique subject of interdisciplinary research. While Fyodor Dostoevsky's male characters – such as Raskolnikov, Ivan Karamazov, or Stavrogin – are frequently subjected to deep philosophical and psychological analysis, female characters remain on the “sidelines” of interpretation, even though their inner worlds are equally layered, conflicted and tragic.

This monograph aims at examining the psychopathology of Dostoevsky's female characters through an interdisciplinary approach, combining literary text analysis (specifically, the principles from prof. A. Chervenyak's Aesthetic-Anthropological Concept of Literature and Art)³⁴⁹ with insights from clinical psychology, psychopathology, and

³⁴⁹ According to this concept, the existence of characters is realized on three levels – biological, social, and spiritual.

general psychology. The examination of female characters (e.g. Nastasia Filippovna from *The Idiot*, Grushenka from *The Brothers Karamazov*, or Lizaveta in *Crime and Punishment*) reveals not only their individual psychodynamics but also the nineteenth-century social constructs of femininity, suffering, guilt, and sacrifice that influenced their existence and inner decay. The research presented in the monograph focuses on four specific characters – Katerina (*The Landlady*, 1847), Netochka Nezvanova (*Netochka Nezvanova*, 1849), Antonida Vasilievna (*The Gambler*, 1866) and Krotkaya (*The Meek One*³⁵⁰, 1876).

Dostoevsky's female characters are also symptomatic bearers of the cultural and psychological conflicts of the 19th century – they represent the extreme poles between holiness and “madness,” between self-sacrifice and self-destruction. In this context, special attention is paid to the ways in which Dostoevsky “articulates” the mental disorders, emotional traumas, and pathological behavior patterns of his female protagonists. An interdisciplinary approach allows us to transcend the boundaries of traditional literary analysis and view the text as a complex discourse on the human psyche, reflecting both the 19th-century's and timeless aspects of female suffering. Consequently, the aim of the monograph is not only to analyze individual characters, but also to reevaluate their significance within Dostoevsky's psychological and literary universe. This opens up new possibilities for interpreting his works, through which female characters can be perceived not only as literary characters, but also as bearers of profound psychological and existential statements that resonate in the contemporary culture and society.

The monograph's structure proceeds deductively, from the general to the specific. The first chapter provides an insight into the issue of female characters in Russian literature, especially in the 19th century. The second chapter establishes interdisciplinary paradigms – anthropological and psychological. It outlines the issue of the image of the literary character – the human being at the center of scientific research, the intersections of literature and psychology, and the specific starting points for research into the psychological depth of Dostoevsky's works.

³⁵⁰ Also known as ‘*The Gentle Creature*’.

The third chapter demonstrates the detailed psychological analysis of four of Dostoevsky's literary heroines – Katerina, Netochka Nezvanova, Antonida Vasilievna, and Krotkaya. The research corpus consists of four works by Dostoevsky: *The Landlady* (1847), *Netochka Nezvanova* (1849), *The Gambler* (1866), and *The Meek One* (1876).

The monograph is the result of the author's long-standing interest in Russian literature and the (psychological) mastery of F. M. Dostoevsky, as well as continuous systematic research. To date, no concentrated psychological research of this scope on his female characters has been undertaken. Based on the summarized secondary literature, we believe that there is no comprehensive work focusing specifically on the issue of female characters in Dostoevsky's work that would also describe their psychological portraits. We have found partial contributions as a reaction of contemporary literary science (Berdyayev, Apollon Grigoriev, and others) or contemporary young researchers (Eshonkulov, Makaricheva, and others), but their theories and typologies of female characters have not yet been verified by time and scientific practice. Social-pathological phenomena, the human psyche, and the dark side of man and society are topics that concern both experts and the general public. Literature offers us a different perspective on the issue, presenting the complexity and, in some cases, the (mis)understanding of human existence in a more comprehensible way. Therefore, it is valuable to elucidate, through artistic text, the psychological constructs that F. M. Dostoevsky described with unprecedented accuracy.

Specific conclusions have been formulated based on analyses of individual works. In the work *The Landlady* (1847), post-traumatic disorders were “diagnosed”. In the case of the main character Katerina, the influence of a toxic relationship occurs secondarily, but primarily the consequences of a traumatic experience are described. A gradual transition from post-traumatic stress disorder to traumatic neurosis is identified. The following symptoms are presented in summary: disintegration of mental functions, disrupted emotionality (flatness or increased affectivity), derealisation (to a certain extent), intrusive recollection of the traumatic experience, reduction of activity

alternating with hyperactivity, occasional antisocial behaviour, feelings of hopelessness and worry. The primary cause of the trauma is determined to be a past disaster and the continuous negative influence of memories of it. Within aesthetic-anthropological trichotomy, the diagnosis is made only on a biological level (fever, shortness of breath, tremors, sleep problems, heart pain, paleness) and a (psycho-)social level (emotional reactivity, negative thoughts, infantilism, etc.). An important indicator in both cases is that the main trigger and catalyst of the pathological condition is trauma, and the symptoms are anxiety and fear.

In the portrait of Netochka from the short story *Netochka Nezvanova* (1849) Dostoevsky described the toxic relationship between a stepfather and his stepdaughter: he constantly reinforced his position in this pathological relationship through guilt and manipulation, and Netochka, longing for love, naively submitted. Netochka is portrayed as a victim of manipulation. In the work, we see explicit and implicit descriptions of the pathological relationship between Netochka and her stepfather. Netochka displays traits of Electra complex, codependency, gaslighting, and dark empathy – always to varying extents. In Dostoevsky's descriptions of the states Netochka experienced, the symptoms of all four socio-pathological phenomena under study are evident from a psychological point of view. The Elektra complex is present to a limited degree, the phenomenon of codependency – Netochka's codependency on her stepfather – is clearly evident, and codependency, gaslighting, and dark empathy as forms of manipulation intertwine in Netochka's life. Dostoevsky's artistic descriptions of psychological constructs are precise and credible. In the context of the aesthetic-anthropological concept, we see Netochka's psychological and emotional manifestations on a biological level (feverish states, the sensations of blood rushing to her head and heart) and a social level (submissive behavior, fear, delusions, unfulfilled need for love). The effects of manipulation consisted mainly of Netochka's social awkwardness and fear of her surroundings and new stimuli from her environment. A change of environment following her parents' death allows for a potential "healing" from this relational toxicity.

Antonida Vasilievna in *The Gambler* (1866) – a strong, stubborn, peculiar, and straightforward woman – shows great interest in roulette upon arriving in the city of Rulletenburg. It is obvious that she initially plays for fun, but she quickly gets carried away by the atmosphere. At first, she wins, which excites her, but later she begins to lose large sums of money and does not stop even after significant losses. She begins to show signs of non-substance addiction – to gambling (her thoughts are intensely focused on gambling – roulette, increasing the amount to achieve the desired excitement, repeated unsuccessful attempts to control, limit, or stop playing, feelings of restlessness and irritability, repeated return to gambling, endangering important relationships or standard of living, etc.). Dostoevsky clearly describes the beginning, genesis, and impact of pathological gambling on the character's life – Antonida Vasilievna loses most of her property and her family is losing hope for their inheritance. The author shows how a strong personality can fall victim to (gambling) passion – gambling can be interpreted here as a metaphor for destruction. The author depicts the manifestations of pathological gambling on two levels of the character's existence – biological (vertigo, tremors, etc.) and social (loss of finances, irritability towards others, inability to behave appropriately in situations and society, etc.).

The character of Krotkaya in *The Meek One* (1876), or rather her suicidal tendencies, are analyzed from the perspective of psychology and social pathology. Based on psychological material and the artistic text, it is possible to depict suicidal tendencies, the steps leading to suicide, and the personality of the literary character as a suicide. Thanks to the analyses, we have been able to specify the image of the main character's suicidal behavior (genesis, motives, social environment, life situation, realization of suicide). Dostoyevsky expressively but convincingly depicts the logic and specific suicidal motives (indecision, a difficult life situation, inability to love or accept love, escape from problems, aggressive behavior, internal conflict, etc.). The source of Krotkaya's suicidal behavior lies in her inability to solve real-life problems. She also exhibits characteristic traits of suicidal individuals

Resumé

(introversion, depressive or binary thinking, etc.). Krotkaya's behavior aligns with the modern findings of 20th and 21st century scientists (Ringel's presuicidal syndrome, genesis created through knowledge from psychiatric practice, modern knowledge of social pathology, etc.). In Krotkaya's case, there is also evidence of a certain form of relational toxicity. She is unable to escape her marital relationship other than by committing suicide. Throughout the descriptions from the work, all the aforementioned (psychological and pathological) aspects of suicide are present – depressive tendencies, limited emotionality, etc., manifesting themselves on a biological level (pallor, fever, etc.), social (introversion, inability to deal with life situations and communicate rationally, etc.), and spiritual (feelings of reconciliation, finding inner peace, connection with God, the possibility of liberation and transformation of one's own existence).

The female characters analyzed share common ground as victims of toxic relationships, social constructs, or desperate life situations. Their fates are interconnected in various ways with the male characters of the works. Through his heroines, Dostoevsky explores the possibilities or impossibilities of confronting the problems of real life. Katerina struggles with her childhood trauma, her unhappy marriage, and the toxicity of this relationship, as well as with the new impulses that her love for Ordynov gives her. The main heroine is closely linked to other male characters. In this case, Dostoevsky portrays Katerina as a victim who is unable to escape her problems. Netochka, marked by the toxicity of her relationship with another male character (her stepfather Yefimov) appears as a victim of various socio-pathological and psychological phenomena – Electra complex, codependency, gaslighting, and dark empathy. All four constructs are evident in her relationship with her stepfather, but to varying degrees. Netochka's catharsis comes only after her father's death, which is a redemption for both of them – Yefimov from a difficult life situation and Netochka from a pathological relationship. Antonida Vasilievna is not a victim of a toxic relationship with a man or a bad life situation like the other three heroines. Her family is dominated by tense relationships, but there is no explicit toxicity. She is simply attracted

by the game, the prospect of more money and material possessions. In her case, we can speak of a partial bond with Alexei (also addicted to gambling), who witnesses her gambling episodes and is drawn into the game by Antonida, to a certain extent. Her inappropriate behavior is also partly directed at him. The storyline of Antonida's character is not one of the main ones, so we do not investigate her fate at the end of the story. A certain catharsis in her life occurs when she loses her property. Krotkaya lives in a toxic relationship with her husband, who "bought" her. She cannot come to terms with her own life situation. Dostoevsky clearly describes the beginnings and genesis of her suicidal tendencies, leading up to her actual suicide, when the main character jumps out of the window with an icon in her hands. In her case, suicide is a form of catharsis, a way of escaping from problems that a person cannot cope with.

One of the general (psychological) peculiarities of Dostoevsky's work is that, as early as the 19th century, the author described diagnoses and socio-pathological phenomena that were only defined by modern psychology (and science as such) in the 20th and 21st centuries. In the description of individual symptoms, certain components or images are often repeated – the heart, head, fever and feeling of heat in the body, blood, fear, delusions, illusions, hallucinations, laughter. The female characters in the analyzed works (Katerina, Netochka, Krotkaya) have "meek" traits and are victims of manipulative behavior and pathological relationships, which refutes the thesis (20th century) that Dostoevsky does not penetrate the female soul and that female characters do not have a special place in his work. The exception is Antonida Vasiliévna, for whom a conciliatory and meek nature is not a typical trait. But even so, she becomes a victim of addiction.

Analyses indicate that the psychological disorders, affective instability, and self-destructive tendencies of these heroines cannot be understood merely as individual deviations, but primarily as manifestations of the profound conflict experienced by individuals in crisis situations. Through his female characters, Dostoevsky reveals the inner drama of the human soul. Dostoevsky's female heroines represent

Resumé

not only psychological types, but also symbolic images of human fragility and spiritual searching. Their psychopathology is therefore not only the subject of literary and psychological analysis, but also the key to understanding the very “psychophilosophy” of the author’s work – the philosophy of a person torn between sin and salvation, body and spirit, madness and faith. However, psychological probes into Dostoevsky’s work represent only one of the possible interpretations, as his works are timeless in nature and convey a message of polyphony, that each of us has our own “voice,” our own truth.

In conclusion, it can be said that Dostoevsky finds his most penetrating artistic language in a certain tension: female characters, often standing on the brink of psychological destabilization, become bearers of truth about humanity and raise the question of whether, even in the deepest depths of their souls, people are capable of catharsis – albeit in various forms. The fragile tragedy of the female protagonists turns into a final, insistent appeal that lingers with the reader long after the book is closed.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1) Источники (произведения Ф.М. Достоевского)

ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1956). Игрок. In: *Повести и рассказы*. Москва: Государственное издательство художественной литературы, с. 477 – 617.

ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1956). Кроткая. In: *Повести и рассказы*. Москва: Государственное издательство художественной литературы, с. 618 – 656.

ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1956). Неточка Незванова. In: *Повести и рассказы*. Москва: Государственное издательство художественной литературы, с. 205 – 365.

ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1972). Хозяйка. In: *Полное собрание сочинений*: В 30 тт. Т 1. Ленинград: Наука, с. 264 – 320.

2) Научная литература (печатные книги)

Литературоведение

ANTOŠ, M. (2009). *Dostojevskij na Slovensku*. Nitra: Garmond, 136 s. ISBN 978-80- 89148-50-9.

ANTOŠ, M. (2011). Tragédia človeka a sveta v Čechovovej ranej próze. In: MURÁNSKA, N. (ed.). *Tragédia doby, človeka, literatúry*. Nitra: KRUS FF UKF v Nitre, Spoločnosť Dostojevského PF KU v Praze a Klub F. M. Dostojevského FF UKF v Nitre. s. 193 – 201. ISBN 978-80-8094-969-3.

BERĎAJEV, N. A. (2001). *Dostojevského pojetí světa*. Praha: Oikoymenth, 148 s. ISBN 80-7298-020-3.

ČERVENÁK, A. (2001). *Človek a text*. Nitra: Katedra rusistiky FF UKF v Nitre, 251 s. ISBN 80-8050-440-7.

ČERVENÁK, A. (1986). *Človek v literatúre*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 208 s. ISBN 12-72-106-86.

ČERVENÁK, A. (2002). *Človek v texte*. Nitra: FF UKF v Nitre a Spoločnosť slovenských spisovateľov, 248 s. ISBN 80-8050-503-9.

Список литературы

- ČERVENĚÁK, A. (2007). DOSTOJEVSKIJ Fiodor Michajlovič. In: KOVAČIČOVÁ, O. a kol. (eds). *Slovník ruskej literatúry 11. – 20. storočia*. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo SAV, s. 137 – 140. ISBN 978-80-224-0967-4.
- ČERVENĚÁK, A. (1977). Dostojevského Fantastická trilógia. In *Slavica Slovaca*, № 2, s. 123 – 131. ISSN 0037-6787.
- ČERVENĚÁK, A., (1999). *Dostojevského sny*. Pezinok: Fischer & TypoSet, 199 s. ISBN 80-967911-2-5.
- ČERVENĚÁK, A. (1970). Problémy a perspektívy poznávania života a diela F. M. Dostojevského. In *Slavica Slovaca*, roč. 5, č. 2, s. 130 – 140. ISSN 0037-6787.
- ČERVENĚÁK, A. (2008). *Reflexie esteticko-antropologické*. Nitra: FF UKF v Nitre, Spolok slovenských spisovateľov a Klub Fjoroda Michajloviča Dostojevského, 166 s. ISBN 978-80-8061-309-9.
- ČERVENĚÁK, A. (2009). *Reminiscencie esteticko-antropologické*. Nitra: FF UKF v Nitre, Spolok slovenských spisovateľov a Klub Fjoroda Michajloviča Dostojevského, 168 s. ISBN 978-80-80-61-355-6.
- ČERVENĚÁK, A. (2005). *Ruská literatúra v súčasnom svete*. Nitra – Bratislava: FF UK v Bratislave, 184 s. ISBN 80-8050-883-6.
- ČERVENĚÁK, A. (1991). *Tajomstvo Dostojevského*. Nitra: Pedagogická fakulta, 225 s. ISBN 80-85183-46-3.
- DOHNAL, J. (2012). *Proměny modelu světa v ruské próze na přelomu XIX. a XX. století*. Brno: MUNIPRESS, 176 s. ISBN 978-80-210-5943-6.
- DOSTOJEVSKÁ, A. G. (1981). *Život s Dostojevským*. Praha: Odeon, 361 s. Bez ISBN.
- FIGEDYOVÁ, M. (2024). Zobrazenie ženských hrdiniek v dielach A. P. Čechova ako kritika spoločenského pokrytectva. In: CINTULA, I. – LIZOŇ, M. – REPOŇ, A. (eds.). *Slavica Beliana*. Banská Bystrica: Belianum. Vydavateľstvo Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici, s. 165 – 172. ISBN 978-80-557-2165-1.

Список литературы

- GOLIKOVA, L. – MURÁNSKA, N. (2011). Človek a literatúra v dejinnej retrospektíve a (ne)perspektíve. In: MURÁNSKA, N. (ed.). *Tragédia doby, človeka, literatúry*. Nitra: KRUS FF UKF v Nitre, Spoločnosť Dostojevského PF KU v Praze a Klub F. M. Dostojevského FF UKF v Nitre, s. 325 – 330. ISBN 978-80-8094-969-3.
- HÖHN, E. (2017). *Literárna veda ako kultúrna veda*. Banská Bystrica: Belianum, 102 s. ISBN 978-80-557-1336-6.
- KAUTMAN, F. (1992). *Dostojevskij: Věčný problém člověka*. Praha: Rozmluvy, 263 s. ISBN 80-85336-19-7.
- KAŠČÁKOVÁ, S. (2018). Introverzia ako hendikep v literatúre pre deti a mládež. In: *Človek so znevýhodnením (postihnutím, hendikepom) v literatúre pre deti a mládež a v inkluzívnej edukácii*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, s. 231 – 246. ISBN 978-80-555-2044-5.
- KOPANIČÁK, J. (1994). *Dostojevskij a dnešok*. Bratislava: STIMUL, 387 s. ISBN 80-85697-16-5.
- KOSTINCOVÁ, J. – POSPÍŠIL, I. (2021). *Основы литературоведения*. Hradec Králové: Univerzita Hradec Králové, 252 s. ISBN 978-80-7435-823-4.
- KOVÁČOVÁ, M. (2007). Veľký inkvizítor v dobre. In: *Dostojevskij a dnešok*. Nitra: FF UKF v Nitre a Klub Fiodora Michajloviča Dostojevského, s. 84 – 93. ISBN 978-80-8094-107-9
- LANG, A. F. M. (1946). *F. M. Dostojevský: křížová cesta náboženského myslitele ruského*, 325 s. Bez ISBN.
- LICHAČOV, D. S. (1974). *Человек в литературе старой Руси*. Praha: Odeon, 176 s. Bez ISBN.
- MURÁNSKA, N. (ed.). (2007). *Dostojevskij a dnešok*. Nitra: FF UKF v Nitre a Klub Fiodora Michajloviča Dostojevského, 324 s. ISBN 978-80-8094-107-9
- MURÁNSKA, N. (ed.). (2011). *Tragédia doby, človeka, literatúry*. Nitra: KRUS FF UKF v Nitre, Spoločnosť Dostojevského PF KU v Praze a Klub F. M. Dostojevského FF UKF v Nitre, 344 s. ISBN 978-80-8094-969-3.

Список литературы

MURÁNSKA, N. (2020). Творчество Ф.М. Достоевского в словацком культурном пространстве. In: ТРУХАН, Е.Д. (ред.). *Творчество Ф.М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации*. Новокузнецк: НФИ КемГУ; Красноярск: Sitall, с. 82 – 92. ISBN 978-5-8353-2466-8.

ODEHNALOVÁ, L. (2023). *Dostojevského Deník spisovatele v kontextech a konfrontacích*. Brno: Masarykova univerzita, 219 s. ISBN 978-80-280-0213-8.

PAROLEK, R. (1964). *F. M. Dostojevskij*. Praha: Orbis, 178 s. Bez ISBN.

POSPÍŠIL, I. (1995). *Fenomén šílenství v ruské literatuře 19. a 20. století*. Brno: Masarykova univerzita, 151 s. ISBN 80-210-1083-5.

POSPÍŠIL, I. (2001). F. M. Dostojevskij. In: POSPÍŠIL, I. a kol. *Slovník spisovatelů Ruska, Ukrajiny a Běloruska*. Praha: Libri, s. 189 – 192. ISBN 80-7277-068-3.

POSPÍŠIL, I. (2014). *Kapitoly z ruské klasické literatury*. Brno: MU, 176 s. ISBN 978- 80-210-7277-0.

POSPÍŠIL, I. (2020). *Literatura a její přesahy (kritika, metodika, historie, teorie, metodologie)*. České Budějovice: Jihočeská univerzita v Českých Budějovicích, 346 s. ISBN 978-80-7394-821-4.

SIPKO, J. (2023). *Prednášky z ruskej klasickej literatúry*. Prešov: FF PU, 344 s. ISBN 978-80-555-3140-3.

БЕЛЫЙ, А. (1911). *Трагедия творчества. Достоевский и Толстой*. Москва: Мусагет, 46 с. Нет ISBN.

ВОЙВОДИЧ, Я. (2023). Парадоксальность Кроткой. In: ФАРАФОНОВА, Д. – САЛЬМОН, Л. – АЛЮЭ, С. (ред.). *Ф.М. Достоевский: Юмор, парадоксальность, монтаж*. Firenze: Firenze University Press, с. 123 – 137. ISBN 979-12-215-0121-6.

ГРИШИН, Д. В. (1971). *Достоевский – человек, писатель и мифы*. Австралия: Мельбурнский университет, 370 с. Нет ISBN.

ДОСТОЕВСКАЯ, А. Г. (2018). *Мой муж – Федор Достоевский: Жизнь в тени гения*. Москва: Алгоритм, 448 р. ISBN 978-5-906995-54-4.

Список литературы

ДОСТОЕВСКАЯ, Л. Ф. (1992). *Достоевский в изображении своей дочери*. Санкт-Петербург: Андреев и сыновья, 245 с. ISBN 5—87452—018—X.

КАСАТКИНА, Т. (2015). *Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского*. Москва: ИМЛИ РАН, 528 с. ISBN 978-5-9208-0481-5.

КРИНИЦЫН, А. Б. (2017). *Сюжетология романов Ф.М. Достоевского*. Москва: Макс Пресс, 456 р. ISBN 978-5-317-05438-0.

ЛОТМАН, Ю. М. (2003). *Пушкин*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 847 с. ISBN 5-210-01483-5.

МИХАЙЛОВСКИЙ, Н. К. (1957). *Литературно-критические статьи*. Москва: «Государственное издательство художественной литературы». Нет ISBN.

РОЗЕНБЛИУМ, Л., (1956). Вступительная статья: Повести и рассказы Ф.М. Достоевского. In: ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. *Повести и рассказы*. Москва: Государственное издательство художественной литературы, с. III – XXXII. Нет ISBN.

ТОЛСТАЯ, С. А. (1978). *Дневники*. В двух томах. Т. 1. 1862 – 1900. Москва: Художественная литература, 605 с. Нет ISBN.

УЗАРАЕВА, К. (2011). Онтология русскости в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского. In: MURÁNSKA, N. (ed.). *Tragédia doby, človeka, literatúry*. Nitra: KRUS FF UKF v Nitre, Spoločnosť Dostojevského PF KU v Praze a Klub F. M. Dostojevského FF UKF v Nitre, s. 119 – 139. ISBN 978-80-8094-969-3.

ЦИНТУЛА, И. (2023). Язык художественной литературы как специфический код эпохи. In: *Язык и культура: ценности и смыслы*. Сургут: Сургутский государственный педагогический университет. с. 52 – 63. ISBN 978-5-6048016-3-5.

Психология

BENKOVIČ, J. (2003). Cesta do hlbín gamblerskej duše. In: JANIÁKOVÁ, D. (ed.). *Tak už dost! Východiská zo závislostí*, s. 96 – 104. ISBN 80-968985-0-7.

ČEREŠNÍK, M. (2017). *Psychopatológia a patopsychológia*. Nitra: UKF v Nitre, 122 s. ISBN 978-80-558-1158-1.

FREUD, A. – BIBRING, E. – HOFFER, W. et al. (1952). *Gesammelte Werke Chronologisch Geordnet Erster Band Werke Aus Den Jahren 1892-1899*. London: IMAGO PUBLISHING CO, 609 s. ISBN 978-80-262157-3-8.

FREUD, S. (2020). *Přednášky k úvodu do psychoanalýzy*. Praha: Portál, 336 s. ISBN 978-80-262157-3-8.

FREUD, S. (1913). *Totem und Tabu*. Leipzig–Wien: Hugo Heller & CIE, 149 p. Ohne ISBN.

FREUD, S. (2005). *Výklad snů*. Pelhřimov: Nová tiskárna, 395 s. ISBN 80-86559-16 5.

KOŠČ, L. (1976). *Všeobecná patopsychológia*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 161 s. ISBN 85-407-76.

KLAUS, V. (2006). Předmluva. In: Loužek, M. (ed.). *150 let od narození Sigmunda Freuda*. Praha: CEP, s. 7 – 8. ISBN 978-80-865-4756-5.

LINDZEY, G. – HALL, C. S. (1997). *Psychológia osobnosti*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 510 s. ISBN 80-08-00994-2.

LOUŽEK, M., (2006). Freud – osvoboditel lidské sexuality. In: LOUŽEK, M. (ed.). *150 let od narození Sigmunda Freuda*. 2006. Praha: CEP, s. 39 – 48. ISBN 978-80-865-4756-5.

MAERCKER, A. (2020). *Psychická trauma a poruchy po traume*. Bratislava: Vydavateľstvo F, 105 s. ISBN 978-80-99982-00-1.

MAIEROVÁ, E. (2015). *Poruchy osobnosti a vztahová vazba u patologických hráčů*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, Filozofická fakulta, 2015, 157 s. ISBN 978-80-244-4810-7.

NAZARE-AGA, I. (2000). *Les manipulateurs et l'amour*. Montreal: Groupe Sogides inc., 224 p. Sans ISBN.

Список литературы

- NEŠPOR, K. a kol. (2011). *Jak překonat hazard: prevence, krátká intervence a léčba*. Praha: Portál, 160 s. ISBN 978-80-262-0009-3.
- NEŠPOR, K. (2011). *Návykové chování a závislost*. Praha: Portál, 176 s. ISBN 978-80-7367-908-8.
- NOVÁK, T. – LÁSKOVÁ, H. (2016). *Peklo v duši*. Deprese a mánie. Praha: Grada, 144 s. ISBN 978-80-247-5851-0.
- OREL, M. a kol. (2012). *Psychopatologie*. Praha: Grada, 263 s. ISBN 978-80-247-3737-9.
- PARDEL, T. – KOŠČO, J. (1975). *Kapitoly zo všeobecnej psychológie I.: predmet a systém psychologických vied*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 320 s. Bez ISBN.
- RIEGEL, K. D. – PĚČ, O. (2020). Normální vývoj osobnosti a jeho odchylky. In: RIEGEL, K. D. – KALINA, K. – PĚČ, O. (eds.), *Poruchy osobnosti v 21. století*. Praha: Portál, s. 72 – 108. ISBN 978-80-262-1596-7.
- ŘÍČAN, P. (2010). *Psychologie osobnosti: obor v pohybu*. 6. revidované a doplněné vydání, Praha: Grada Publishing, 208 s. ISBN 978-80-247-3133-9.
- SEDLÁKOVÁ, A. (2016). *Arteterapia a svet výtvarných odpovedí*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, 95 s. ISBN 978-80-555-1620-2.
- ŠPATENKOVÁ, N. (2023). *Poradenství pro pozůstalé*. Praha: Grada. 296 s. ISBN 978-80-271-3885-2.
- TOMŠÍK, R. (2023). *V zajetí narcizmu*. Praha: Grada, 200 s. ISBN 978-80-8090-554-5.
- VÁGNEROVÁ, M. (2014). *Současná psychopatologie pro pomáhající profese*. Praha: Portál, 815 s. ISBN 978-80-262-0696-5.
- VEREŠOVÁ, M. – BALLOVÁ MIKUŠKOVÁ, E. – GATIAL, V. (2023). *Všeobecná psychológia*. Nitra: Enigma, 338 s. ISBN 978-80-89509-05-8.
- VORÁČEK, F. (1967). *Možnosti života: otázky kolem sebevražd*. Praha: Naše vojsko, 245 s. Bez ISBN.

Список литературы

VYMĚTAL, J. (2004). *Úzkost a strach u dětí*. Praha: Portál, 184 s. ISBN 80-7178- 830-9.

ŽIVNÝ, H. (2003). Hra si sama vyberá svoje obete. In: JANIÁKOVÁ, D. (ed.). *Tak už dost! Východiská zo závislostí*, s. 105 – 115. ISBN 80-968985-0-7.

ДОЦЕНКО, Е. Л. (1997). *Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита*. Москва: Издательство МГУ, 344 с. ISBN 5-88711-038-4.

ЛИТВИНЧУК А. Н. – ЧЕРНОБРОВКИН В. А. (2005). Манипуляция как средство психологического влияния в педагогическом общении. In: *Духовність особистості: методологія, теорія і практика*. Луганськ: Східноукр, с. 103 – 114.

СИДОРЕНКО Е. В. (2004). *Тренинг влияния и противостояния влиянию*. Санкт-Петербург: Речь, 256 с. ISBN 5-9268-0239-3.

СТЕРН, Р. (2020). *Скрытые манипуляции для управления твоей жизнью. STOP газлайтинг*. Санкт-Петербург: Питер, 304 с. ISBN 978-5-4461-1299-9.

ЮНГ, К. Г. и кол. (2016). *Человек и его символы*. Москва: Медков С.Б. «Серебряные нити», 352 с. ISBN 978-5-902582-96-0.

Междисциплинарные связи литературы и психологии

BREGER, L. (2019). *Dostojevskij: Autor ako psychoanalytik*. Bratislava: Vydavateľstvo F, 283 s. ISBN 978-80-88952-99-2.

FREUD, S. (1900). *Die Traumdeutung*. Leipzig und Wien: Franz Deuticke, 640 p. Ohne ISBN.

FREUD, S. (1997). Dostoevsky and parricide. In: HAMACHER, W. – WELLBERY, D. E. (eds.). *Writings on art and literature*. Stanford: Stanford University Press, pp. 234–255. ISBN 978-08-047297-3-4.

FREUD, S. (2000). *Umenie a psychoanalýza*. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 152 s. ISBN 80-220-1009-X.

GAŽOVÁ, V. (2009). Interdisciplinarita, transdisciplinarita, paradisciplinarita. In: GAŽOVÁ, V. – SLUŠNÁ, Z. (eds.). *Interdisciplinarita, transdisciplinarita v spoločenskovednom výskume*. Bratislava: UK v Bratislave, Národné osvetové centrum. s. 5 – 13. ISBN 978-80-7121-312-3.

Список литературы

KULKA, J. (2008). *Psychologie umění*. Praha: GRADA, 440 s. ISBN 978-80-247-2329-7.

LEONHARD, R. (1976). *Akzentuierte persönlichkeiten*. 2. vyd. Berlin: Verlag Volk und Gesundheit, 328 p. Ohne ISBN.

LEKEŠ, P. (2022). Русская классическая литература с точки зрения аддиктологического исследования. In: *Slavica iuvenum* 23. Ostrava: Ostravská univerzita, с. 307 – 318. ISBN 978-80-7599-316-8.

MEJLACH, B. S. (1974). *Medzi vedou a umením*. Bratislava: Tatran, 210 s. Bez ISBN.

MÜLLER-FREIENFELS, R. (1922). *Psychologie der Kunst*. Leipzig-Berlin: B.G. Teubner-Verlag. Ohne ISBN.

RANCOUR-LAFERRIERE, D. (ed.) (1989). *Russian Literature and Psychoanalysis*. Amsterdam: John Benjamins, 485 p. ISBN 978-90-2721-536-9.

RANCOUR-LAFERRIERE, D. (ed.) (1994). *Self-Analysis in Literary Study*. New York: New York University Press, 213 p. ISBN 978-08-1477-439-7.

ŠTUBŇA, P. (2017). *Psychológia literatúry*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 226 s. ISBN 978-80-223-4317-6.

VIEWEGH, J. (1999). *Psychologie umělecké literatury*. Brno: Nakladatelství Pavel Křepela. 306 s. ISBN 80-902653-1-6.

VIEWEGH, J. (1996). *Sebevražda a literatura*. Brno: Nakladatelství Tomáše Janečka. 282 s. ISBN 80-85880-10-5.

VON FRANZ, M-L. (2015). *Psychologický výklad pohádek*. Praha: Portál, 184 s. ISBN 978-80-262-0863-1.

VYGOTSKIJ, L. S. (1981). *Psychologie umění*. Praha: Odeon. Bez ISBN.

АНАНЬЕВ, Б. Г. (1997). Достоевский и психология. In: АНАНЬЕВ, Б. Г. (ред.). *Психология человека*. Избранное. Санкт-Петербург: Международная академия психологических наук. с. 79 – 89. Нет ISBN.

ГИНЗБУРГ, Л. Я. (2016). *О психологической прозе. О литературном герое*. Санкт-Петербург: Азбука, 704 с. ISBN 978-5-389-11983-3.

Список литературы

ЛЕОНГАРД, К. (2001). *Акцентуированные личности*. Москва: Эксмо-Пресс, 392 с. ISBN 5-04-008782-9.

НЕЙФЕЛЬД, И. (1925). *Достоевский: психоаналитический очерк под ред. проф. З. Фрейда*. Ленинград-Москва: Петроград, 96 с. Нет ISBN.

РАНКУР-ЛАФЕРЬЕР, Д. (2004). *Русская литература и психоанализ*. Москва: Ладомир, 1017 с. ISBN 5-86218-440-6.

СИРОТКИНА, И., (2008). *КЛАССИКИ И ПСИХИАТРЫ: психиатрия в российской культуре конца XIX — начала XX века*. Москва: Новое литературное обозрение, 263 с. ISBN 978-5-86793-573-3.

ЧИЖ, В. Ф. (1885). *Достоевский как психопатолог*. Москва: Унив.тип., 123 с. Нет ISBN.

Другие научные направления (педагогика, философия, языкознание, социальные науки, культурология)

ARISTOTELES. (1988). *Politika*. Bratislava: Pravda, 305 s. Bez ISBN.

BODALEV, A. A. (1979). *Formovanie predstav o inom človeku ako o osobnosti*. Bratislava: Psychiadiagnostické a didaktické testy, 196 s. Bez ISBN.

CASSIRER, E. (1977). *Esej o človeku*. Bratislava: Pravda, 392 s. Bez ISBN.

DE CHARDIN, P. T. (1993). *Misto človeka v prírode: výbor studií*. Praha: nakladatelství svoboda-libertas, 163 s. ISBN 80-205-0309-9.

FICHTE, J. G. (1971). *Pojem vzdělance*. Praha: Svoboda, 68 s. Bez ISBN.

FISCHER, S. – ŠKODA, J. (2014). *Sociální patologie*. Praha: Grada publishing, 230 s. ISBN 978-80-247-5046-0.

HEGEL, G. W. F. (1957). *Filozofia dejín*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo politickej literatúry, 475 s. Bez ISBN.

HOBBES, T. (2010). *O človeku*. Bratislava: Kalligram, 168 s. ISBN 978-80-8101-384-3.

JAROŠOVÁ, A. a kol. (2016). *Slovník súčasného slovenského jazyka*. Bratislava: VEDA, 1104 s. ISBN 978-80-224148-5-2.

Список литературы

KLINCKOVÁ, J. (2011). *NEVERBÁLNA KOMUNIKÁCIA alebo komunikujeme nielen slovami*. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici, 94 s. ISBN: 978-80-557-0168-4.

ONDREJKOVIČ, P. a kol. (2009). *Sociálna patológia*. Bratislava: VEDA, 577 s. ISBN 978-80-224-1074-8.

RÁC, I. (2011). *Sociálna patológia a prevencia sociálno-patologických javov*. Nitra: UKF, 141 s. ISBN 978-80-8094-913-6.

ROUSSEAU, J. J. (1956). *Emil alebo o výchove*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 412 s. Bez ISBN.

SEILEROVÁ, B. (2004). *Človek v paradigmách filozofickej antropológie*. Bratislava: IRIS, 169 s. ISBN 80-89018-70-X.

SCHILLER, F. (1995). *Estetická výchova*. Olomouc: Votobia, 218 s. ISBN 80-85885-67-0.

ŠAVRNOCHOVÁ, M. – RUSNÁKOVÁ, M. (2011). Spoluzávislosť v rodine s členom závislým od alkoholu. In MÁTEL, A. – JANECHOVÁ, L. – ROMAN, L. (eds.). *Sociálna patológia a intervencia sociálnej práce*. Zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie. Bratislava: VŠ ZaSP sv. Alžbety, s. 65 – 77. ISBN 978-80-8132-018-7.

VOZÁB GABRIELOVÁ, A. (2011). Sebevražedné jednání. In: MÁTEL, A. – SCHAVEL, M. a ďalší. *Aplikovaná sociálna patológia v sociálnej práci*. Bratislava: VŠ ZaSP sv. Alžbety, s. 353 – 375. ISBN 978-80-8132-009-5..

ZELINA, M. (2011). *Stratégie a metódy rozvoja osobnosti dieťaťa*. Bratislava: IRIS, 241 s. ISBN 978-80-89256-60-0.

КОМИССАРЕНКО, С. С. (2003). *Культурные традиции русского общества*. Санкт-Петербург: СПбГУП, 304 с. ISBN 5-7621-0243-2.

КУЗНЕЦОВ, Б. Г. (1979). *Эйнштейн. Жизнь, смерть, бессмертие*. Москва: Наука, 680 с. Нет ISBN.

ЛОТМАН, Ю. М. (1994). *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века)*. Санкт-Петербург: Искусство – СПб, 399 с. ISBN 5-210-01468-1.

ОЖЕГОВ, С. И. (1989). *Словарь русского языка*. Москва: Русский язык, 923 с. Нет ISBN.

3) Научная литература (онлайн источники)

Литературоведение

DIMITRUK, E. – BUCHELNIKOVA, A. – INDARTI, T. – PAIRIN, U. (2025). Chekhov's 'Little Woman': Exploration of Gender Roles and Family Values in 19th Century Literary Traditions. In *Journal of Education Research*, vol. 6, No. 2, pp. 245 – 258. ISSN 2746-0738. Открытый доступ: <https://jer.or.id/index.php/jer/article/view/2272>.

JELEŃSKA, W. (2023). Русская женская литература XVIII–XIX веков в историко-критической перспективе. In *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Litteraria Rossica*, vol. 16, с. 21 – 36. ISSN 2353-4834. DOI: <https://doi.org/10.18778/1427-9681.16.03>.

MURÁNSKA, N. (2024). Смех (в) „фантастической трилогии” Федора Достоевского. In *Studia Rossica Posnaniensia*, с. 33 – 42, роџ. 49, џ. 2. ISSN 2720-703X. DOI: <https://doi.org/10.14746/strp.2024.49.2.2>.

NAIDITCH, L. (2020). Передача эмоциональных состояний в повести «Кроткая» Ф.М. Достоевского. In: *Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония — 2020*: Материалы международной конференции. Москва: Институт языкознания РАН, с. 88 – 106. ISBN 978-5-91730-987-3. Доступ: https://ilingran.ru/web/sites/default/files/conferences/2020/2020_emotional_domain_collection.pdf.

PADSASONNY, S. (2021). Мотив молчания в повести Кроткая Ф.М. Достоевского. In *Studia Rossica Gedanensia*, vol. 8, s. 151 – 164. ISSN 2449-6715. DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2021.8.09>.

POPIEL-MACHNICKI, W. – OSIEWICZ, B. – RASPAPOU, A. (2022). Мотив противостояния человека болезни COVID-19 в новейших стихотворениях Александра Городницкого, Дмитрия Быкова, Дмитрия Данилова. In *Russian Literature*, vol. 134, с. 97 – 120. ISSN 0304-3479. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2022.09.007>.

Список литературы

SOMMER, J. (2023). Ruská lesbická literatura počátku 21. století. In *Slavica litteraria*, vol. 26, No. 2, s. 135 – 143. ISSN 2336-4491. DOI: <https://doi.org/10.5817/SL2023-2-13>.

АЛОЭ, С. (2024). По поводу смеха у Достоевского: новые исследования. In *Dostoevsky Studies*, vol. 27, с. 131 – 141. ISSN 1013-2309. DOI: <https://doi.org/10.13136/1013-2309/1607>.

БАЛТИН, А. (2021). Заметки о Достоевском. In *Русский язык в центре Европы*, vol. 21, No 1, с. 35 – 40. ISBN 978-80-973769-1-8. Доступ: http://www.arsk.sk/wp-content/uploads/2022/02/RJ_v_centre_Evropy_21.pdf.

БАРШТ, К. (2018). Тема самоубийства и неевклидово пространство в творчестве Федора Достоевского. In *Slavica Wratislaviensia*, vol. 167, с. 133 – 146. DOI: 10.19195/0137-1150.167.11. ISSN 2957-2312.

БАХТИН, М. М. (1963). Проблемы поэтики Достоевского. Открытый доступ: https://imwerden.de/pdf/bachtin_poetika_dostoevsky.pdf.

БЕЗДЕТНАЯ, А. (2019). Детство Неточки Незвановой как мир отрицаний. In *Достоевский и мировая культура*, vol. 6, № 2, с. 220 – 224. ISSN 2712-8512. DOI: 10.22455/2619-0311-2019-2-220-22.

ДИАКОН МАРОЕВИЧ, Н. (2018). Повесть Ф.М. Достоевского «Кроткая» и вопрос самоубийства. In «*Труды и переводы*», No. 1, с. 45 – 50. ISSN 2587-7607. Открытый доступ: 10.24411/ 2587-7607-2018-10003.

ДОГНАЛ, Й. (ред.). (2023). *Разработка цифровых методико-дидактических рекомендаций и учебных материалов для докторантов в области «твердых навыков»*. Брно: Masaryk University Press, 465 p. ISBN 978-80-280-0419-4. Открытый доступ: <http://krus.ff.ucm.sk/docs/dokumenty/IO%20%20-%20RJ.pdf>.

ДУДАРЕВА, М. А. (2022). Странная Ася И.С. Тургенева: апофатика русского эроса. Культурологический анализ повести. In *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*, Т. 24, № 86, с. 41 – 46. ISSN 2413-9645. DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-85-41-46.

Список литературы

ЕВЛАМПИЕВ, И. И. (2009). Первый опыт религиозно-философских исканий в творчестве Ф. Достоевского (повесть «Хозяйка»). In *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология»*, vol. 6, no. 2, с. 130 – 146. ISSN 2658-7750. Открытый доступ: <https://www.phil63.ru/pervyi-opyt-religiozno-filosofskikh-iskanii-v-tvorchestve-f-dostoevskogo>.

ИГОШИНА, Ю. В. (2015). Смех как форма коммуникативного процесса (на примере юмористических программ). In *Международный журнал исследований культуры*, vol. 19, No 2, с. 119 – 128. ISSN 2079-1100. Открытый доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/smech-kak-forma-kommunikativnogo-protssessa-na-primere-yumoristicheskikh-programm>.

КОСОРУКОВА, А. А. – ЗУБКОВА, У. В. (2021). Типажи «кротких» и «гордых» женских образов Ф.М. Достоевского как исследование вопроса о добродетели. In *Журнал РУДН. Серия: ФИЛОСОФИЯ*, vol. 25, № 1, с. 59 – 71. ISSN 2408-8900. DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-1-59-71.

ЛУ, Ч. – НУРИ, Д. (2023). Структура женских персонажей в русской литературе XIX–XXI века. In *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, Т. 17, № 4, с. 7 – 20. ISSN 12587-943X. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.4.1.

МАКАРИЧЕВА, Н. А. (2011). Женские образы в творчестве Достоевского: типологические черты и «Очертания» типов. In *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, с. 86 – 90. ISSN 2078-7626. Открытый доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskie-obrazy-v-tvorchestve-dostoevskogo-tipologicheskie-cherty-i-ochertaniya-tipov>.

МЕЛЬНИЦКАЯ, Н. (2022). Человеческое и сверхчеловеческое в романах Ф.М. Достоевского: женские и детские образы. In: *Analele științifice ale USM. Seria „Lucrări studențești”. Ediția 2022*. Chișinău: CEP USM, с. 93 – 95. ISBN 978-9975-142-54-0. Открытый доступ: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/93-95_29.pdf.

МИХАЙЛОВА, М. В. (2021). Мистический символизм художественного пространства текстов Ф.М. Достоевского (на примере повести «Хозяйка»). In *Язык и текст*, vol. 8, № 2, с. 41 – 50. ISSN 2312-2757. DOI: <https://doi.org/10.17759/langt.2021080204>.

Список литературы

- ПОНКРАТОВА, Е. М. (2011). Смех и комическое в творчестве Ф.М. Достоевского: о некоторых особенностях эстетики писателя. In *Вестник Томского государственного университета*, № 349, август. ISSN 1561-803X. Открытый доступ: https://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=862&article_id=5835.
- ХАФИЗОВА Н. А. (2018). Женские архетипы в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» In *Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право*, № 4., с. 45 – 56. DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.4.05. ISSN 687-0258.
- СИУХОВ, С. Н. (2014). Особенности понятия «Художественная концепция личности». In *Вестник Майкопского государственного технологического университета*, vol. 14, № 3, с. 30 – 33. ISSN 2078-1024. Открытый доступ: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22624801>.
- СУКОВАТАЯ, В. А. – ДАМИРОВА, М. (2013). Рулетка как метафора путешествия в романе Ф.М. Достоевского «Игрок». In *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*, № 2, с. 62 – 73. ISSN 2225-5060. Открытый доступ: <https://journal-labirint.ru/vypuski-zhurnala/labirint-no2-mart-aprel-2013/>.
- ЦЗЮНЬЖУ, Б. (2016). Немного о специфике женских характеров в русской литературе XIX века. In *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*, № 12, с. 127 – 129. ISSN 2073-0071. Открытый доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemnogo-o-spetsifike-zhenskih-harakterov-v-russkoy-literature-xix-veka>.
- ШУРУПОВА, О. С. (2014). Ключевые типы героинь Петербургского текста русской литературы In *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, № 2, с. 28 – 34. ISSN 2713-1327. Открытый доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-tipy-geroin-peterburgskogo-teksta-russkoy-literatury>.
- ЭШОНКУЛОВ, Ш. (2025). Женские образы в русской классической литературе XIX века. In *Development and innovations in science*, vol. 4, № 2, с. 9 – 12. Открытый доступ: <https://econferences.ru/index.php/dis/article/view/24353>.

Психология

АКОПОВА, А. (2013). Linguistic manipulation: definition and types. In *International Journal of Cognitive Research in science, engineering and education*, vol. 2, no. 1, pp. 78 – 82. ISSN 2334-8496. Available from: <https://ijcrsee.com/index.php/ijcrsee/article/view/13/13>.

BANSCHICK, M. (2013). The Narcissistic Father How a narcissistic dad can affect your life. In *Psychology Today*. Available from: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/the-intelligent-divorce/201303/the-narcissisticfather>.

BLASZCZYNSKI, A. – NOWER, L. (2002). A pathways model of problem and pathological gambling. In *Addiction*, vol. 97, No 5, pp. 487 – 499. ISSN 1360-0443. Available from: <https://www.uv.es/~choliz/ModeloJuego.pdf>.

DEGGES-WHITE, S. (2023). 4 Dangerous Qualities of “Dark Empaths”. In *Psychology Today*. Available from: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/lifetime-connections/202306/how-to-identify-a-dark-empath-4-dangerous-traits>.

HAPP, Z. – BODÓ-VARGA, Z. – BANDI, S. A. et al. (2023). How codependency affects dyadic coping, relationship perception and life satisfaction. In *Current Psychology*, vol. 42, No. 18, pp. 15688 – 15695. ISSN 1936-4733. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-022-02875-9>.

HARE, R. D. – NEUMANN, C. S. (2008). Psychopathy as a clinical and empirical construct. In *Annual Review of Clinical Psychology*, vol. 4, No. 1, pp. 217 – 246. ISSN 1548-5951. Available from: <https://doi.org/10.1146/annurev.clinpsy.3.022806.091452>.

JANS, T. – TANELI, Y. – WARNKE, A. (2018). Суицид и самоповреждения. In: *Руководство по детской и подростковой психиатрии*. Киев: Горобец, с. 723 – 769. ISBN 978-966-2377-32-3. Available from: <https://iacapap.org/russian.html>.

JONES, D. S. – PAULHUS, D. L. (2013). Introducing the Short Dark Triad (SD3): A Brief Measure of Dark Personality Traits. In *Assessment*, roč. 21, č. 1, pp. 28 – 41. Available from: <https://doi.org/10.1177/1073191113514105>.

Список литературы

- JUHÁSOVÁ, A. – GATIAL, V. (2024). Interaction styles of teachers with characteristics of the dark triad. In *International Journal of Professional Business Review*, roč. 9, č. 11, s. 1 – 12. ISSN 2525-3654. DOI: <https://doi.org/10.26668/businessreview/2024.v9i11.5134>.
- KUBÍK, O. (2021). Psychopat je majster slova. Vytvorí okolo vás ilúziu, do ktorej vás vtiahne. In *Konzervatívny denník Postoj*. Dostupné na: <https://www.postoj.sk/72619/psychopat-je-majster-slova-vytvoriokolo-vas-iluziu-do-ktorej-vas-vtiahne>.
- MEZERA, A. (1997). *Slovník odborných termínů psychologického poradenství a speciální pedagogiky*. Praha. Dostupné z: <https://www.ppppraha7a8.cz/files/slovník%20odborných%20termínů.pdf>.
- PAULHUS, D. L. – WILLIAMS, K. M. (2002). The dark triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy. In *Journal of Research in Personality*, vol. 36, № 6, pp. 556 – 563. ISSN 0092-6566. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0092-6566\(02\)00505-6](https://doi.org/10.1016/S0092-6566(02)00505-6).
- PRAŠKO, J. (2006). Péče o suicidálního pacienta. In *Psychiatrie pro praxi*, č. 4, s. 191–195. Dostupné na: <https://www.psychiatriepropraxi.cz/pdfs/psy/2006/04/11.pdf>. ISSN 1803-5272.
- TUHRINSKÁ, K. (2010). Profylaktická práca s deťmi a adolescentmi náchylnými k autoagresivite. In: CHOVANEC, M. (ed.). *5. študentská vedecká konferencia*. Prešov: UNIPO, s. 1200 – 1209. Dostupné na: <https://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Chovanec1/subor/104.pdf>.
- WHITFIELD, C. L. (1984). Co-alcoholism: Recognizing a treatable illness. In *Family & Community Health: The Journal of Health Promotion & Maintenance*, vol. 7, No 2, pp. 16 – 27. ISSN 0160-6379. DOI: <https://doi.org/10.1097/00003727-198407020-00004>.
- WHO. (2025) *International Classification of Diseases 11th Revision*. Available from: <https://icd.who.int/browse/2025-01/mms/en>.
- WHO. (2025). *Suicide*. Available from: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/suicide>.

Список литературы

WHO. (2020). *The top 10 causes of death. Date of update 2020-12-09.* Available from: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/the-top-10-causes-of-death>.

WHO, ÚSTAV ZDRAVOTNICKÝCH INFORMACÍ A STATISTIKY ČR. (2024). *10. revize Mezinárodní klasifikace nemocí.* Dostupné na: <https://mkn10.uzis.cz/prohlizec>.

WHO. (2021). *WHO report highlights global shortfall in investment in mental health.* Available from: <https://www.who.int/news/item/08-10-2021-who-report-highlights-global-shortfall-in-investment-in-mental-health>.

БАСОВ, Д. А. (2014). Манипуляционные коммуникации. In *ИЗВЕСТИЯ Иркутского государственного университета. Серия «Психология», т. 8, с. 10 – 18.* Открытый доступ: <https://izvestiapsy.isu.ru/en/article/file?id=608>. ISSN 2073-3402.

БОГДАНОВ, В. С. (2013). Самоубийства в Санкт-Петербурге во второй половине XIX века: масштабы, тенденции, проблемы недоучёта. In *Суицидология*, vol. 13, № 4, с. 3 – 10. ISSN 2224-1264.

ГАСЕМИ, Д. А. (2023). Тревога и тревожность: причины, симптомы, влияние на организм. In *АНО «НИИДПО».* Открытый доступ: <https://niidpo.ru/blog/trevoga-i-trevozhnost-prichiny-simptomy-vliyanie-na-organizm>.

МАКЕРОВА В. В. – ГЕРАСИМЕНКО М. Ю. (2014). Социально-психологические особенности манипуляторов общения. In: *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*, 2014. № 37, с. 58 – 62. Открытый доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-osobennosti-manipulyatorov-obscheniya>.

ХАРЛАМОВА, Т. М. – ХАРИСОВА, В. Т. (2024). Способности к эмпатии у лиц с выраженными чертами темной триады. In *Вестник ПГГПУ*, го́д. 24, џ. 1, с. 36 – 47. ISSN 2308-717X. Открытый доступ: <http://vestnik1.pspu.ru/files/1-2024-1.pdf>.

Междисциплинарные связи литературы и психологии

BIRLIK, N. (2019). Psychology and Literature. PDF. In: *Literature and Psychology: Writing, Trauma and the Self*. Cambridge: Cambridge Scholar Press, pp. 8 – 17. ISBN 1-5275-2011-0. Available from: <https://www.cambridgescholars.com/resources/pdfs/978-1-5275-2011-0-sample.pdf>.

DASTMARD, F. – RAZMJOO, T. – SALEHI, V. (2012). The Relationship between Psychology and Literature. In *Journal of Basic and Applied Scientific Research*, vol. 9, no. 2, pp. 9420 – 9423. ISSN 2090-4304. Available from: [https://www.textroad.com/pdf/JBASR/J.%20Basic.%20Appl.%20Sci.%20Res.,%202\(9\)94%20-9423,%202012.pdf](https://www.textroad.com/pdf/JBASR/J.%20Basic.%20Appl.%20Sci.%20Res.,%202(9)94%20-9423,%202012.pdf).

GOKSEN, A. (2015). Personality and Individual Differences: Literature in Psychology – Psychology in Literature. In *Procedia – Social and Behavior Sciences*, vol. 185, pp. 250 – 257. ISSN 1877-0428. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.03.452

HOLLAND, N. (1990). *Holland's Guide to Psychoanalytic Psychology and Literature and-Psychology*. New York: Oxford University Press, 143 p. ISBN 0-19-506279-5. Available from: <https://ufdc.ufl.edu/UF00002274/00001/images/0>.

JAUREGUI BALENCIAGA, I. (2002). Psychology and literature: The question of reading otherwise. In *The International Journal of Psychoanalysis*, vol. 83, no. 5, pp. 1169 – 1180. ISSN 1745-8315. DOI:10.1516/00207570260338647.

KOTRBOVÁ, K. – STURCZ, A. – SOLÁROVÁ, Z. (2022). Terapeutický potenciál Dostojevského poviedky Sen smiešneho človeka. In *Philologia*, roč. 32, č. 2, s. 343 – 365. ISSN 1339-2026. Dostupné z:https://www.fedu.uniba.sk/fileadmin/pdf/Sucasti/Ustavy/Ustav_filologickych_studii/Philologia/Philologia_2022_2/PHILOLOGIA_2_2022_TLAC-25_343-365.pdf

LEKEŠ, P. (2025). Four Selves of F. M. Dostoevsky in S. Freud's Reception. In *Orbis Linguarum*, vol. 23, № 1, pp. 141 – 149. ISSN 2603-4026. Available from: https://ezikovsvyat.swu.bg/images/stories/issue_23_1_2025/13.%20Leke%C5%A1_141-149.pdf.

Список литературы

MEILIANA, S. (2020). *Modul Kuliah: Psychology of Literature*. Jakarta: Universitas Nasional. 95 p. Available from: <http://repository.unas.ac.id/1587/>.

MOGHADDAM, F. M. (2004). From 'Psychology in Literature' to 'Psychology is Literature'. In *Theory & Psychology*, vol. 14, № 4, pp. 505 – 525. ISSN 1461-7447. DOI: 10.1177/0959354304044922.

БЕЛОБРЫКИНА, О. – ШАМАНАЕВА, М. (2018). Философия жизни игромана (на примере генезиса игровой аддикции в романе Ф.М. Достоевского «Игрок»). In *Филология и культура. Philology and Culture*, №2, vol. 52, с. 157 – 165. ISSN 2782-4756. Открытый доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-zhizni-igromana-na-primere-genezisa-igrovoy-addiksii-v-romane-f-m-dostoevskogo-igrok>.

БРОЙТМАН, М. С. – ПРЯХИНА, Н. Н. (2024). Анализ образов персонажей романа Ф.М. Достоевского «Идиот» на основе классификации психологических типов по Юнгу. In *Cuadernos de Rusística Española*, vol. 20, с. 221 – 233. ISSN 2340-8146. DOI: 10.30827/cre.v20.30228.

ВОРОНЦОВА-ЮРЬЕВА Н. В. (2008). Татьяна Ларина как объект психиатрии. In *Proza.ru*. Открытый доступ: <https://proza.ru/2008/06/27/189>.

КОРЖОВА Е. Ю. (2017). Взаимосвязь художественного и научного познания человека в творчестве Ф.М. Достоевского и А. А. Ухтомского. In *Russian Linguistic Bulletin*, № 2, vol. 10, s. 38 – 40. ISSN 2411-2968. DOI: 10.18454/RULB.10.05.

КОРЖОВА, Е. Ю. (2015). Норма и патология личности в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского. In *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, № 174, с. 61 – 68. ISSN 1992-6464. Открытый доступ: https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/174/korjova_174_61_68.pdf.

КОРЖОВА, Е. Ю. (2021). Уроки Ф.М. Достоевского в профессиональном становлении будущих психологов. In *Психология человека в образовании*, Т. 3, № 1. ISSN 2686-9527. Доступ: <https://psychinedu.ru/index.php/main/article/view/127>.

Список литературы

ЛАЗАРЕНКО, Л. В. (2018). Психология персонажей Ф. Достоевского как пограничное бытие субъекта в ситуации социальной «принужденности». In *История российской психологии в лицах: Дайджест*, № 6. с. 40-48. ISSN 2415-7953. Открытый доступ:

<https://journals.hist-psy.ru/index.php/HPRPD/article/view/452/508>.

ЛЕКЕШ, П. (2025). Господин Голядкин и его двойник: история шизофреника в ракурсе современной психологии. In *Przegląd Rusycystyczny*, vol. 191, № 3, с. 26 – 44. ISSN 0137-298X. Открытый доступ: <https://journals.us.edu.pl/index.php/PR/article/view/18417>.

МАКАРИЧЕВА, Н. А. (2023). Психологические особенности женского конфликта в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского. In *Вестник МАСИ*, № 1, с. 69 – 76. ISSN 2619-046X. Открытый доступ:

<https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-zhenskogo-konflikta-v-romane-bratya-karamazovy-f-m-dostoevskogo>.

ПЕТРУШИН, А. (2018). Анализ истории болезни пациента Р.Р. Раскольников. In *Mundo Eslavo*, vol. 17, pp. 165 – 181. ISSN 2255-517X. Открытый доступ: <https://revistaseug.ugr.es/index.php/meslav/article/view/17640/15465>.

СЕМЁНОВ, В. Е. (2021). Достоевский как социальный психолог. In «*Психологическая газета*». Открытый доступ: <https://psy.su/feed/9618/>.

Другие научные направления (педагогика, языкознание, история, социальные науки)

DLOUHÁ, J. – MOLDAN, B. (2007). Inter-, multi-, trans-disciplinarita – vymezení pojmů. In *Envigogika*, roč. 2, č. 2. ISSN 1802-3061. Dostupné z: <https://envigogika.cuni.cz/index.php/Envigogika/article/view/113/121>.

DOROSZEWSKI, W. (ed.). (2023). *Słownik języka polskiego*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN. Available from: <https://sjp.pwn.pl/szukaj/manipulacja.html>.

KAŠČÁK, J. (2016). O krvi, bosoráctve, liečiteľstve a o medicíne v Uhorsku. rozhovor s historičkou PhDr. Tünde Lengyelovou, CSc. In *InVitro*, č. 4. ISSN 1339-5912. Dostupné z: https://issuu.com/alphamedicalinvitro/docs/invitro-4-2016_issuu.

Список литературы

Разговор с сотрудниками музея-спектакля «Дом игральных карт» О. Захаровой и Л. Ежак. (2019). *Как в XIX веке петербуржцы проигрывали в карты бриллианты и жен, кто основал академию шулеров и почему мещане играли на кладбищах*. Дата публикации: 11 января 2019. Открытый доступ: <https://paperpaper.io/kak-v-xix-veke-peterburzhcy-proigryvali-v/>.

Некоторые принципы оформления текста

Сноски служат для размещения библиографических ссылок на использованные источники или дополнительную литературу и информацию.

Кавычки (« ») используются для выделения цитат в тексте, для обозначения названия литературного произведения или для указания на условный или специальный смысл слова/ фразы/ высказывания.

Курсивом выделены цитируемые отрывки из произведений и научной литературы, а также выражения, понятия или термины, на которые хотим обратить особое внимание читателей.

Квадратные скобки ([]) используются для обозначения переводов выражений или терминов.

Угловые скобки (< >) используются для обозначения сокращения (многоточия) внутри цитаты.

Именной указатель

Имя и фамилию Ф.М. Достоевского не будем отдельно указывать, так как его жизни и творчества касается вся монография.

- Аглая («Идиот»): 52
Алексей Иванович («Игрок»): 91 – 96, 113, 118
Алоэ, С.: 105
Анна → см.: Ася
Ананьев, Б.Г.: 16
Антонида Васильевна: 8, 10, 52, 87 – 96, 112 – 118
Антош, М.: 50
Аристотель: 29
Астлей: 92
Ася: 16, 17, 18
Афродита Урания и Афродита Пандемос: 21
Балтин, А.: 21
Барашкова → см.: Настасья Филипповна
Баршт, К.: 100, 101
Басов, Д.А.: 68
Бахтин, М.М.: 20, 105
Бездетная, А.: 66
Безухов, Пьер: 16
Белобрыкина, О.: 113
Белый, А.: 43
Бердяев, Н.А.: 7, 10, 23, 32, 35
Бирлик, Н.: 36
Блащинский, А.: 90
Блок, А.А.: 17
Богданов, В.С.: 101 – 102
Бодалев, А.А.: 27
Борисова, М.: 100
Брегер, Л.: 16, 45
Бройтман, М.С.: 38
Булгаков, М.: 33
Бухелникова, А.: 17
Быков, Д.: 37
Вагнерова, М.: 97, 106 – 107
Варнке, А.: 108 – 109
Ваянский, С.Г.: 50
Вивег, Й.: 9, 39
Вера («Герой нашего времени»): 16
Верешова, М.: 29
Войводиц, Я.: 105, 110
Верховцева, Катерина Ивановна: → см.: Катерина
Воронцова-Юрьева, Н.В.: 16
Врангель, А. Е.: 87
Выготский, Л.С.: 8
Гажова, В.: 9
Гасеми, Д.А.: 56
Герасименко, М.Ю.: 68
Герцен, А.: 100
Герцена, Елизавета: 100
Гете, И.В.: 37, 49
Городницкий, А.: 37
Гинзбург, Л.: 25
Гоббс, Т.: 28
Гоголь, Н.В.: 17, 43, 49
Гоксен, А.: 34
Голикова, Л.: 32
Голядкин: 44, 45, 51, 60
Гончаров, И.А.: 16
Григорьев, А.А.: 10
Грис, де (маркиз): 92
Гришин, Д.В.: 42, 96
Гронский, Й. Ц.: 51

Грушенька («Братья Карамазовы»): 10, 20, 21, 22, 49
 Дамирова, М.: 93
 Данилов, Д.: 37
 Дастмард, Ф.: 36
 Девочка («Сон смешного человека»): 66
 Димитрук, Е.: 17
 Добролюбов, Н.А.: 18
 Догнал, Й.: 11, 12, 33
 Долгорукова, Софья («Подросток»): 20
 Достоевская (Сниткина), Анна Григорьевна: 51, 87
 Достоевская, Л.Ф.: 22
 Достоевский, М.: 87
 Доценко, Е.Л.: 67
 Дударева, М.А.: 17
 Дуня («Преступление и наказание»): 52
 Ева и Лилит («Идиот»): 21
 Евлампиев, И.И.: 52
 Ежак, Л.: 88
 Еленьская, В.: 14
 Екатерина Ивановна («Братья Карамазовы»): 51
 Ефимов: 45, 66 – 86, 113 – 115, 117
 Живны, Г.: 92
 Захарова, О.: 88
 Зелина, М.: 27
 Зубкова, У.В.: 19 – 20
 Игошина, Ю.В.: 105
 Илюшечка («Братья Карамазовы»): 66
 Индарт, Т.: 17
 Исаева, М.: 51, 87
 Кабанова, Катя: 18
 Карамазов, Иван: 10
 Каренина, Анна: 15, 19
 Касаткина, Т.: 11, 96, 100, 101
 Катерина: 8, 10, 20, 22, 52 – 65, 112 – 118
 Каутман, Ф.: 11, 22
 Клаус, В.: 35
 Ковачова, М.: 50
 Коминг, де Бланш: 92
 Комиссаренко, С.С.: 88
 Копаничак, Я.: 29, 50
 Корвин-Круковская, А.В.: 51, 52
 Коржова, Е.: 16
 Косорукова, А.А.: 19 – 20
 Кошо, Й.: 29
 Кралик, О.: 26
 Красоткин, Коля («Братья Карамазовы»): 66
 Крестовский, В.В.: 17
 Криницын, А.Б.: 42
 Кроткая: 8, 10, 21, 22, 52, 96 – 111, 112 – 118
 Кузмова, Я.Ш.: 50
 Кузнецов, В.Г.: 35
 Кукучин, М.: 50
 Лазаренко, Л.В.: 16
 Ланг, А.: 41
 Ларина, Татьяна: 15, 16, 18
 Ласкова, Х.: 56
 Лебядкина, Марья Тимофеевна («Бесы»): 21
 Лекеш, П.: 60
 Лендьелова, Т.: 60
 Леонгард, К.: 34, 37
 Лермонтов, М.Ю.: 15
 Лиза («Бесы»): 21, 49
 Лизавета Ивановна («Преступление и наказание»): 10, 20
 Линдзи, Г.: 30
 Литвинчук, А.Н.: 77 – 78

Лихачёв, Д.С.: 31
Лотман, Ю.М.: 14, 15, 92
Лу, Ч.: 10, 16
Маеркер, А.: 54
Мальчик («Мальчик и Христа на ёлке»): 66
Макаричева, Н.А.: 20, 21, 22, 23, 49
Макурова, В.В.: 68
Маргарита («Мастер и Маргарита»): 17
Мари («Идиот»): 20
Мармеладова, Екатерина: 51
Мармеладова, Соня: 15, 20, 21, 22, 49, 51
Мароевич, Н. (диако́н): 113
Мейлах, Б.С.: 34
Мельницкая, Н.: 20
Меилиана, С.: 39
Минач, В.: 51
Михайлова, М.В.: 52
Михайловский, Н.К.: 22
Могаддам, Ф.Г.: 39
Муранска, Н.: 11, 32, 50, 51
Мурин («Хозяйка»): 52 – 53, 59, 64 – 65
Мюллер-Фрейенфельс, Р.: 8
Назаре-Ага, И.: 68
Настасья Филипповна (Барашкова): 10, 15, 16 – 17, 20, 21, 22, 49, 51
Незванова, Неточка: 8, 10, 21, 22, 52, 58, 66 – 86, 112 – 118
Некрасов, Н.А.: 15
Нелли («Униженные и оскорбленные»): 66
Нешпор, К.: 90
Новак, Т.: 56
Ноуэр, Л.: 90

Нури, Д.: 10, 16
Одегналова (Паучова), Л.: 11, 50
Ожегов, С.И.: 67
Опискин, Ф. («Село Степанчиково и его обитатели»): 44
Ординов: 44, 52 – 65, 113 – 114, 117
Островский, А.Н.: 18
Падсасонны, С.: 104
Паирин, У.: 17
Пардел, Т.: 29
Паролек, Р.: 42, 47
Паулюс, Д.Л.: 79
Петрушин, А.: 47
Полина («Игрок»): 21, 22, 92
Полина («Белые ночи»): 51
Понкратова, Е.М.: 105
Попьел-Махницкий, В.: 11
Поспишил, И.: 11, 25, 37, 43, 50, 113
Прашко, Я.: 98
Пряхина, Н.Н.: 38
Пушкин, А.С.: 15, 16, 17, 18, 33, 92
Пъеч, О.: 30
Рац, И.: 98
Размджу, Т.: 36
Ранкур-Лаферьер, Д.: 45
Раскольников, Р.Р.: 10, 15, 22, 44, 45, 47
Репонь, А.: 50
Ригель, К.Д.: 30
Розенблюм, Л.: 66
Ростова, Наташа: 16
Руссо, Ж.Ж.: 27
Рылеев, К.Ф.: 15
Салехи, В.: 36
Свидригайлов, А.: 51, 99
Семёнов, В.Е.: 46

Сервантес, де, М.: 37
Сидоренко, Е.В.: 68
Сипко, Й.: 50, 87
Сироткина, И.: 37
Сиюхов, С.Н.: 33
Смердящая, Лизавета
(«Братья Карамазовы»): 21
Смешной человек
(«Сон смешного человека»): 99
София Андреевна
(«Подросток»): 21
Ставрогин: 10
Стерн, Р.: 78
Суковатая, В.А.: 93
Суслова, А.П.: 21, 51, 87
Танели, Е.: 108 – 109
Тарасевич, Антонида Васильевна
→ см.: Антонида Васильевна
Толстой, Л.Н.: 19, 25, 43
Толстая, С.А.: 19
Томшик, Р.: 69, 70
Тургенев, И.С.: 15, 16, 17, 18
Тухринская, К.: 107
Узараева, К.: 96
Уильямс, К.М.: 79
Урбан, М.: 51
Ухтомский, А.А.: 16
Фигедиова, М.: 17
Фихте, И.Г.: 29
Фишер, С.: 99
Франц, фон, М.-Л.: 38
Фрейд, З.: 35, 38 – 39, 43, 44, 70
Харисова, В.Т. 80
Харламова, Т.М.: 80
Хафизова, Н.А.: 21
Холл, Ц.С.: 30
Холланд, Н.: 36
Цзюньжу, Б.: 14
Цинтула, И.: 26
Червенияк, А.: 11, 12, 16, 21,
31 – 32, 41, 44, 50, 51, 113
Черешник, М.: 54
Чернобровкина, В.А.: 77 – 78
Чехов, А.П.: 17
Чиж, В.: 16, 44, 45
Шарден, де П.Т.: 29
Шаманаева, М.: 113
Шекспир, В.: 34
Шкода, Й.: 99
Шурупова, О.С.: 10, 17
Эшонкулов, Ш.: 10, 15 – 16, 20
Эйнштейн, А.: 35
Юнга, К.Г.: 38
Яник, П.: 50
Янс, Т.: 108 – 109
Ярош, П.: 51

Akopova, A.: 76, 81
 Alexej Ivanovič (Hráč): 128
 Alexey: 137
 Antonida Vasilievna: 124 – 129, 132 – 137
 Antoš, M.: 32, 50
 Aristoteles: 28
 Ballová Mikušková, E.: 29
 Bandi, S.: 74
 Banschick, M.: 70
 Benkovič, J.: 89
 Berdyaev, N. A.: 133
 Berďajev, N. A.: 23, 32, 35, 125
 Birlik, N.: 36
 Blaszczyński, A.: 91
 Bodalev, A. A.: 27
 Bodó-Varga, Z.: 74
 Breger, L.: 46
 Buchelnikova, A.: 18
 Cassirer, E.: 28
 Čerešník, M.: 31, 54, 56, 57
 Červenák, A.: 12, 21, 32, 33, 35, 41, 44, 50, 52, 96, 113, 123
 Dastmard, F.: 36
 Degges-White, S.: 78, 79
 Dimitruk, E.: 18
 Dlouhá, J.: 9
 Dohnal, J.: 33
 Doroszewski, W.: 67
 Dostojevská, A. G.: 51
 Eshonkulov, Sh.: 133
 Ešonkulov, Š.: 125
 Figedyová, M.: 17
 Fichte, J. G.: 28
 Fischer, S.: 97, 100, 101, 102
 Franz, fon M-L.: 39
 Freud, S.: 35, 38, 43, 44, 70, 71
 Gatial, V.: 29, 78
 Gažová, V.: 9
 Goksen, A.: 34
 Golikova, L.: 33
 Grigoriev, A.: 125, 133
 Grushenka: 132
 Grušeňka (Bratia Karamazovovci): 124
 Hall, C. S.: 30
 Happ, Z.: 74
 Hare, R. D.: 79
 Hegel, G. W. F.: 28
 Hobbes, T.: 28
 Holland, N.: 36
 Höhn, E.: 38
 Chardin, de, P. T.: 28
 Chervenyak, A.: 131
 Indarti, T.: 18
 Jans, T.: 109
 Jarošová, A.: 67
 Jauregui Balenciaga, I.: 38
 Jefimov: 126
 Jeleňská, W.: 14
 Jones, D. S.: 79
 Juhášová, A.: 78
 Karamazov, I.: 123, 131
 Kaščáková, S.: 107
 Katarína: 124 – 129
 Katerina (The Landlady): 132 – 137
 Kautman, F.: 23
 Klaus, V.: 35
 Klincková, J.: 104, 108
 Kopaničák, J.: 29, 42, 50
 Kostincová, J.: 12
 Košč, L.: 31
 Koščo, J.: 29
 Kotrbová, K.: 119
 Kováčová, M.: 50
 Krotkaya (The Meek One): 132 – 137
 Krotká: 124 – 129
 Kubík, O.: 106
 Kulka, J.: 8
 Lang, A. F. M.: 41
 Lásková, H.: 56

Lekeš, P.: 44, 72
 Leonhard, R.: 34
 Lichačov, D. S.: 31
 Lindzey, G.: 30
 Lizaveta (Zločin a trest): 124, 132
 Loužek, M.: 38
 Maercker, A.: 54, 55
 Maierová, E.: 91
 Makaričevová, N. A.: 125
 Makaricheva, N. A.: 133
 Mátel, A.: 102
 Meiliana, S.: 39
 Mejlach, B. S.: 34, 42
 Mezera, A.: 46
 Moghaddam, F. M.: 40
 Moldan, B.: 9
 Muránska, N.: 33, 51, 96, 105
 Müller-Freienfels, S. R.: 8
 Naiditch, L.: 107
 Nastasia Filippovna (Idiot): 124, 132
 Nazare-Aga, I.: 69
 Netočka Nezvanovová: 124 – 129
 Netochka Nezvanova: 132 – 137
 Nešpor, K.: 89, 90
 Neumann, C. S.: 79
 Novák, T.: 56
 Nower, L.: 91
 Odehnalová, L.: 96
 Ondrejko, J.: 98, 102
 Ordynov: 128, 136
 Orel, M.: 31
 Osiewicz, B.: 37
 Padsasonny, S.: 104
 Pairin, U.: 18
 Pardel, T.: 29
 Parolek, R.: 42, 47
 Paulhus, D. L.: 79
 Pěč, O.: 30
 Popiel-Machnicki, W.: 37
 Pospíšil, I.: 12, 25, 26, 38, 43, 113
 Praško, J.: 98 – 99
 Rancour-Laferriere, D.: 45
 Raskolnikov, R.: 123, 131
 Raspapou, A.: 37
 Razmjoo, T.: 36
 Rác, I.: 98
 Riegel, K. D.: 30
 Ringel, E.: 98
 Rousseau, J. J.: 27
 Rusnáková, M.: 75
 Říčan, P.: 30
 Salehi, V.: 36
 Sipko, J.: 87
 Sedláková, A.: 60
 Seilerová, B.: 28
 Schavel, M.: 102
 Schiller, F.: 28
 Solárová, Z.: 119
 Sommer, J.: 14
 Stavrogin: 123, 131
 Sturcz, A.: 119
 Šavrnichová, M.: 75
 Škoda, J.: 97, 100, 101, 102
 Špatenková, N.: 102
 Štubňa, P.: 39, 40
 Taneli, Y.: 109
 Tomšík, R.: 69, 70
 Tuhrinská, K.: 107
 Vágnerová, M.: 54, 55, 56, 97, 107
 Verešová, M.: 29
 Viewegh, J.: 9, 39
 Voráček, F.: 97
 Vozáb Gabrielová, A.: 102
 Vygotskij, L. S.: 8
 Vymětal, J.: 56
 Warnke, A.: 109
 Whitfield, C. L.: 74
 Williams, K. M.: 79
 Yefimov: 136
 Zelina, M.: 27
 Živný, H.: 93

The publication will find a sufficient readership among university students, international researchers, and specialists in the fields of literary studies, psychology, and psychiatry. The need for this publication is driven by the growing interest in comparative, interdisciplinary research in literature, where the topics analysed (psychiatric disorders) remain insufficiently covered in a unified context. The book is intended for an academic audience – philologists, teachers, postgraduate students, but mainly for experts and enthusiasts of Dostoevsky's work. It is easy to understand thanks to its clear structure and balanced terminology with explanations, without being too complicated.

prof. UAM dr hab. Wawrzyniec Popiel-Machnicki
Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland

Predložený text predstavuje v kontexte súčasného bádania prínosný interdisciplinárny prístup, ktorý v českom a slovenskom prostredí rozvíja menej frekventovanú líniu psychologickéj interpretácie ženských literárnych postáv, zatiaľ čo v širšom svetovom kontexte nadväzuje na existujúce psychologické a psychoanalytické čítania Fiodora Michajloviča Dostojevského. Zároveň však prináša vlastný systematizujúci a syntetizujúci pohľad autora. Predložený rukopis predstavuje hodnotnú a podnetnú monografiu s originálnym interdisciplinárnym prístupom k dielu Fiodora Michajloviča Dostojevského, ktorá má potenciál obohatiť odborný diskurz v oblasti literárnej vedy a psychológie. Oceňujem hlavne netradičnú optiku uchopenia Dostojevského diela z pohľadu interpretácie prežívania ženských postáv. Pokladám to za zásluhný počin, ktorý môže pomôcť zmeniť optiku vnímania ženských literárnych hrdiniek ako takých vo všeobecnosti a tým rozvíjať potenciál interpretácie, ale aj literárnej tvorby ženských literárnych postáv do budúcnosti.

PhDr. Kvetoslava Kotrbová, PhD., MPH
*PRO SKIZP – Združenie na podporu rozvoja Slovenskej komory
iných zdravotníckych pracovníkov, o. z., Slovenská republika*

